

love_sf

Дарья
Андреевна
Кузнецова

Чистый лист

Я — результат ошибки в расчетах одного профессора фиолетовой магии. Моя жизнь началась на его лабораторном столе почти с нуля: от прошлого осталось только имя и разрозненные обрывки знаний о мире. Другом мире. Только это совсем не повод для уныния. Никогда не поздно начать жизнь с чистого листа, а приятные воспоминания — дело наживное! Особенно когда рядом такой потрясающий мужчина с целым букетом загадок.

ru

Кауа

FictionBook Editor Release 2.6.7
21 September 2019
C4BEFDB9-E437-4BA3-89A8-9DEA10C38F6B
2.03

1.0 — создание файла (Кауа)

Дарья Кузнецова «Чистый лист»
Альфа-книга
Москва
2019
978-5-9922-2955-4

ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5 К89 Чистый лист: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика). Заведующий редакцией В. Н. Маршавин
Ответственный редактор Т. А. Стельмах Художественный редактор Л. В. Меркулова Технический редактор А. А. Ершова Корректор Н. А. Карелина Компьютерная верстка Л. С. Федерякиной
Подписано в печать 25.07.19. Формат 84x108/32. Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Бумага газетная. Усл. печ. л. 15,12. Тираж 3000 экз. Изд. № 8589. Заказ №7507.

Дарья Кузнецова
ЧИСТЫЙ ЛИСТ

ГЛАВА 1

Единственный безопасный эксперимент — тот, которого не было

— Смотри, оно живое!

— При всем моем уважении, это «она», если ориентироваться на...

— Да чтоб я посерел, какая разница?! Хотя они! Оне! Оны! Главное — живое, главное — получилось!

— Понять бы теперь, что именно...

Слушать незнакомые голоса в темноте вскоре надоело, но я догадалась открыть глаза и уставилась прямо перед собой. Немного посмотрела на потолок — белый, гладкий, по нему проплывали бесформенные радужные пятна, бледные и тускло светящиеся. Плыли они медленно, с чувством собственного достоинства, потом соскальзывали по изящному лепному бордюру и пропадали. Стены им почему-то не нравились — наверное, мешал мелкий растительный орнамент.

Проводив одно такое пятно взглядом, я моргнула и поняла, что ползают они не по потолку, а гораздо ниже, почти у меня перед глазами.

Дотянулась пальцами до первого попавшегося — рука прошла сквозь него, ничего не ощутив.

— Смотри, смотри, смотри-и!

— Может, нам стоило как-то ее зафиксировать?

Это меня, что ли? А зачем?

Отвлечшись от пятна, я заинтересовалась собственной рукой. Подняла вторую, сравнила.

Ладони узкие, пальцы тонкие, на аккуратных запястьях — пара широких браслетов из каких-то грубых кожаных ремней, непонятно зачем украшенных цветными прозрачными камнями.

Смотрелось чужеродно. Нет, сама бы я такое точно не надела.

Оставив браслеты в покое, принялась осматриваться, осторожно поворачивая голову.

Небольшое помещение без окон. Несколько матовых белых шаров в углах комнаты давали холодный, неприятный свет, а один, побольше, на длинной ножке, стоял у меня в изголовье.

Лежала я, кстати, на чем-то жестком, скорее всего — на одном из столов.

Их тут было несколько. Большинство сдвинуты к стенам, загромождены непонятными конструкциями. Из-под белых полотнищ, укрывающих основную часть предметов — наверное, за ненадобностью, — тут и там, подстегивая фантазию, торчали разнообразные их фрагменты.

Вон там веер забавных перевернутых банок со скругленными доньями, внутри которых угадывались плетеные проволочные штуки. «Лампы», — всплыло в голове странное. А потом появилась еще более странная уверенность, что хоть и похоже, но — точно не они.

А вон блестящие латунные трубки. А вон большой прибор с кучей ручек и шкалами со стрелками, спрятанными за стеклами, наверное, измерительный. А вон лес лабораторных штативов.

Поворачивать голову вбок было неудобно, поэтому я осторожно, опираясь на стол, села, заодно отметив, что одежды на мне, кроме тех же браслетов, нет. Зато есть белое полотнище, укрывающее до подмышек, — по виду обычная простыня. Я придержала ее на груди и на коленях, свесила ноги с узкой столешницы. Разглядела у себя в изножье еще один стол, на котором расположилась неведомая раскоряка из блестящих латунных труб, колбочек и проводов. Стоило мне пошевелиться, как цветные пятна растаяли.

А вот и пара здешних обитателей, с интересом наблюдающих за мной.

Оба спорщика одеты в длинные белые халаты, только на одном он небрежно распахнут, а на втором — аккуратно застегнут на все пуговицы. Оба достаточно молоды, но уже не мальчишки, лет по двадцать пять — и это единственное их сходство.

Первый, растрепанный, весь и целиком отвечал этому слову. Под халатом — неправильно застегнутая мятая рубаша навыпуск. На длинной тощей шее — незатянутый черный галстук непривычного вида, то есть короткий и в форме трапеции. Рыжие кудрявые вихры топорщились

так, словно их хозяина ударило током, и это впечатление усугублял ошалевший взгляд поверх съехавших на нос узких прямоугольных очков.

Второй спорщик был, может, и не полной, но все же противоположностью первого. На голову ниже, плотнее комплекцией. Галстук затянут так, что странно, как молодой человек вообще дышит. Волосы светлые, соломенные, аккуратно причесанные и собранные в низкий хвост. Взгляд голубых глаз внимательный, сосредоточенный. А волосы — мне не показалось, и это не радужные пятна были виноваты! — светлые, но не целиком. Среди самой обыкновенной шевелюры пестрели прядки всех цветов радуги, и это совсем не вязалось с аккуратным обликом.

Присмотревшись, я обнаружила такие же цветные клоки и во встопорщенной шевелюре первого, просто там, на общем ярком фоне, они не так привлекали внимание.

— Привет, — нарушила я повисшую тишину. — А вы кто?

— Аспиранты! — сияя, словно прожектор, сообщил рыжий. — Я Небойша, а это — Вук.

— Очень приятно, — вежливо кивнула я. Немного помолчала, еще раз обвела взглядом комнату. — А я кто?

— А ты — наш проект! — маньячески сверкнул глазами Небойша и едва ли не облизнулся.

— Прое-ект, — протянула я задумчиво. Осторожно отодвинула край простыни, чтобы взглянуть на себя, и с облегчением вздохнула, не обнаружив ни проводов, ни колбочек, ни железных блестящих штуквин — обычное тело. На мой взгляд, вполне симпатичное, только кожа какая-то совсем белая. Подытожила, плотнее закутываясь в ткань: — Нет, не хочу проект.

Аспиранты растерянно переглянулись, но в этот момент распахнулась дверь, ответить они не успели.

— Что вы тут делаете? Во всем корпусе напряжение скачет! — с ходу недовольно спросил вошедший. И замер на пороге, уставившись на меня. Я заинтересованно ответила тем же. Этот, третий, был старше двух уже знакомых. Чуть ниже рыжего, но не такой долговязый, а более складный, с широкими плечами и хорошей осанкой. Одет во что-то черное, очень похожее на мундир без погон и других знаков различия: двубортный китель, воротник-стойка, широкий ремень. Да не только одет, он весь был в темных тонах: смуглая кожа, собранные в аккуратный хвост черные волосы, даже глаза, по-моему, черные или как минимум карие.

— Эм... здрасте, — кашлянул Небойша. — А мы тут... работаем вот.

— Что это? — тихим ровным голосом спросил «здрасте», не сводя с меня взгляда.

— Проект наш. Удачный! — гордо заявил рыжий.

— Я не проект, — насупилась я. — Я Майя.

— Вы издеваетесь? — Новенький перевел тяжелый взгляд на парочку аспирантов.

— Капита... учитель Недич, это не мы! — затряс головой Небойша. — То есть это мы, но мы ее так не называли, она...

— Сама себя назвала? — язвительно уточнил черный «здрасте».

— Не знаю, — влезла я. Слушать о себе в третьем лице мне не нравилось. — Мне кажется, нет. Мне кажется, это мое имя. А тебя как зовут?

— Тебе
кажется?

— медленно спросил учитель Недич, обвел меня выразительным взглядом, а потом опять хмуро уставился на аспирантов. — Вы что натворили, идиоты? Вы хоть понимаете, что это подсудное дело?!

— Мы ее не стирали, — подал голос Вук, все такой же спокойный и собранный. — Мы ее создали. Учитель Стевич подтвердит, он курировал проект. Это гомункул, болванка, по всем расчетам у нее не должно быть никакого интеллекта, только безусловные рефлексы!

— Вот так на следствии и скажешь, — проговорил Недич. — А я посмотрю, кто вам троим поверит. Где Горан?

— Дома, наверное, мы сегодня самостоятельно работаем, — ответил уже куда менее радостный Небойша.

Глядя на его скисшую физиономию, я ощутила злорадство и едва удержалась от того, чтобы показать язык. Так-то! Будет знать, как свободную женщину «проектом» обзывать!

— Поработали, — веско уронил черный учитель. — Минин, бегом за Гораном. Бегом, я сказал, и к нему, а не к телефону! Или ты хочешь, чтобы ваши «бесчеловечные эксперименты» утром оказались на первых полосах всех столичных газет? Касич, найди своему эксперименту что-нибудь из одежды.

— Зачем? — озадачился белобрысый, а рыжий тем временем послушно умчался за загадочным Гораном.

— Касич, ты из какой норы выполз? — тяжело вздохнул Недич. — На лабораторном столе сидит голая девушка. Боги с ними, с приличиями! Как ты думаешь, ей очень удобно?

Вук недовольно поморщился, но спорить со старшим не стал и куда-то вышел, а учитель приблизился ко мне.

— Дайте руку, — попросил ровно.

Я послушалась без возражений и стала с удовольствием разглядывать мужчину вблизи. Не знаю, кто я и где оказалась, но этот тип мне точно нравился. Хотя, подозреваю, одежда послужила предлогом отослать тех двоих и расспросить меня в спокойной обстановке, но хороший же предлог! Ведь, чтобы такой придумать, действительно надо побеспокоиться о моем удобстве!

По-моему, это очень мило.

— Вы что-нибудь помните о себе, Майя? — спросил мужчина мягко, аккуратно расстегивая браслет. У того было несколько хитрых замочков, я бы сама так сразу и не разобралась.

Вот мы и приблизились к сути.

— Не-а. — Я качнула головой. Потом подумала немного и добавила: — Но я точно женщина. А еще я знаю, как называются вещи. Только не все. Вот у тебя, например, это — китель. — Я протянула руку, чтобы пощупать ткань, та оказалась приятной — гладкой, плотной, шелковистой. — А вот что там такое на столе топорщится — понятия не имею.

— Честно говоря, этого я тоже не знаю, — пробормотал Недич, покосившись в указанную сторону. — Давайте второй браслет. Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — не задумываясь, ответила я.

— И отсутствие памяти не беспокоит? Не пугает? — продолжил допытываться он.

— Вроде нет. — Я пожала плечами. — А должно?

— Стертых беспокоит, — заметил Недич.

— Ты не поверил этим двум обалдуям? — сообразила я.

— Я не думаю, что они врут, — возразил учитель. — Но я не понимаю, что они натворили. И они сами, похоже, тоже не понимают. Надеюсь, сейчас придет Горан Стевич, он их курирует, и разберется.

— А что значит — «стертые»? Кто это такие?

Мой собеседник выразительно приподнял брови от удивления и задумчиво уточнил:

— Ты не знаешь? Очень странно. Это люди, которые в сознательном возрасте полностью лишаются личных воспоминаний. Очень похоже на твой случай.

— И что, подобное часто встречается?

— Почему ты так решила? — Недич искоса глянул на меня и отщелкнул второй браслет. Я инстинктивно потеряла запястье.

— Ну, раз за это отдельная статья законом предусмотрена. — Я пожала плечами. — Во всяком случае, я с твоих слов поняла именно так.

— Очень странно, — заметил он, правда, я так и не уловила, что именно показалось мужчине странным. — Это не новость, действительно. Фиолетовые спецы такое умеют.

— Кто фиолетовые? — уточнила я.

— Специалисты по фиолетовой магии, — пояснил Недич.

— Магии не существует, — уверенно фыркнула я.

Лицо мужчины удивленно вытянулось, но в этот момент разговор прервался, вернулся белобрысый Вук с какой-то белой тряпкой в руках.

— Вот, все, что нашел, — сообщил он, протягивая добычу учителю. — Надеюсь, Миляна не узнает...

— Лаборантка Докич в любом случае переживет потерю одного халата. — Учитель почему-то скривился, как будто услышал какую-то гадость, расправил одежду и с явным сомнением протянул мне. — Попробуйте, Майя. Я не уверен, что подойдет, но...

И, когда я аккуратно забрала халат, отвернулся, сцепил руки за спиной, еще и на зазевавшегося аспиранта шикнул.

Я с сомнением поглядела на забранные в черный хвост волосы, свисающие между лопаток. Ничего не помню о себе и жизни, но точно знаю: я бы вот так легко какому-то подозрительному эксперименту не доверилась! А вдруг этот проект — буйный? Я, положим, в себе уверена, что не прыгну и не вцеплюсь в холку, но он-то это откуда знает?

Нет, все-таки он очень милый!

Я осторожно сползла со стола на пол. К счастью, тот был не каменным и даже не бетонным, а паркетным. Ничего особенно выдающегося, простенькая елочка, но мне это почему-то показалось странным.

Бросив простыню на стол, я поспешила натянуть халат и застегнуть пуговицы. Тот оказался немного великоват, но это не расстроило. Если бы не столь глубокий вырез: верхняя пуговица располагалась на уровне солнечного сплетения.

По-моему, покрой у этого халатика совсем не такой, как у мужских, да и длина всего до середины бедра. Кажется, я знаю, чем занимается здесь загадочная «лаборантка Докич», и это совсем даже не работа! И, скорее всего, именно это так не нравится черному учителю.

— Ну вот, как-то так, — с сомнением проговорила я, одергивая свою единственную одежду и придерживая воротник. Мужчины обернулись. — Не знаю, что я предпочитаю носить, но этот вырез до пупка — определенно не мое!

— Простите, больше ничего нет, — задумчиво проговорил Вук, не отводя глаз от моих коленок. А Недич, окинув меня взглядом, устало выдохнул что-то вроде «никуда не годится» и со щелчком расстегнул собственный ремень. Пара секунд, и он уже сбросил китель и остался в рубашке с длинным рукавом и таком же галстуке, как у аспирантов. Только рубашка тоже была черная.

— Прошу. — Он выразительно придерживал пиджак за плечи, предлагая мне.

Пока я закатывала слишком длинные рукава, с куда большим интересом, чем халат, ощупывала чужую одежду и принималась, брюнет подошел к двери, выглянул наружу. Потом обернулся к нам и скомандовал:

— Майя, пойдите в мой кабинет, здесь недалеко. Касич, дождитесь своего руководителя и приходите все вместе, нечего нам тут торчать. И, ради богов, не забудьте все выключить!

— Учитель Недич, об этом могли и не напоминать, — недовольно нахмурился Вук. — При всем моем уважении...

— Мог бы, — перебил он. — Но если бы вы всегда об этом помнили, надобность в дежурных преподавателях отпала бы. Пойдемте, Майя.

За тяжелой деревянной дверью находился длинный просторный коридор, вдоль которого тянулись ряды точно таких же дверей с блестящими номерами, а кое-где с именными табличками. Стены теплого оттенка кофе с молоком, обшитые внизу деревянными панелями, на полу — жесткий бордовый ковер с коротким ворсом, идти по которому босиком было не очень-то приятно. С другой стороны, ковер теплый и даже чистый, а на его месте вполне могла оказаться грязная керамическая плитка, так что я не жаловалась, просто шла аккуратно, на носочках.

Окружающая обстановка, несмотря на уют и даже красоту, раздражала своей необычностью и неправильностью. Учителя, кабинеты, лаборантки с аспирантами — я точно знала, что все это атрибуты некоего учебного заведения, а вот внешний вид коридоров больше соответствовал какой-то роскошной гостинице или месту обитания высокопоставленных чиновников. То есть я могла предположить, что неизвестный институт настолько элитен, но готова была поклясться: мне посещать подобные не доводилось.

— Проходите. — Недич распахнул одну из дверей, табличку на которой я прочитать не успела. — Вон туда. В углу, видите дверь?

— Ух ты! — ответила я, замирая на пороге. — А что ты преподаешь?!

— Навигация, конструирование и эксплуатация ОКК, плюс еще некоторые сопутствующие дисциплины, — невозмутимо ответил хозяин кабинета, мягко подталкивая меня в спину.

— Что есть «ОКК»? — не сдалась я, даже ухватила за удачно оказавшийся рядом стол.

Силком меня, как и ожидалось, не поволокли.

— Оболочечно-каркасные конструкции, — пояснил Недич. — Майя, пожалуйста, давайте не будем стоять на пороге.

— Ага... — протянула я, с восторгом разглядывая подвешенные тут и там макеты разнокалиберных аэростатов. Некоторые показались смутно знакомыми, опознать другие удалось только при подключении фантазии — это были странные решетчатые агрегаты с винтами и крыльями. — Обалденно!

— Что, простите? — растерялся хозяин кабинета.

— Здорово, говорю! — ответила, не оборачиваясь и продолжая на всякий случай держаться за стол. — Тут есть дирижабли! А самолеты уже придумали?

— Майя, прошу вас, давайте пройдем в кабинет, — немного построжевшим тоном повторил Недич. — Там разговаривать гораздо удобнее.

— Ну а все-таки? Дошли вы уже до самолетов или нет? Про ракеты не спрашиваю, наверное, нет...

— Мне все интереснее, что именно натворили эти два молодых дарования, — вздохнул мужчина. — До самолетов мы дошли и до ракет — тоже, хотя я не представляю, откуда бы вам знать о последних достижениях оружейников, которые пока упоминались только в закрытой печати. И почему, собственно, вы отделяете себя от всех остальных. Майя, вы что, шпион из Регидона?

— Я? Шпион? Реги — откуда? — так удивилась я, что даже выпустила стол и позволила мужчине увести меня за дверь в углу.

— Оттуда, — серьезно подтвердил Недич. — Садитесь. Чай, кофе? Хм. А вы вообще нуждаетесь в пище? — чуть тише спросил он уже себя самого.

— Кофе — звучит заманчиво. Предлагаю проверить опытным путем! — решила я и все-таки плюхнулась в одно из двух кресел.

Хозяин кабинета прошел в угол, где на небольшой тумбочке красовался пузатый чайник верхом на непонятной разлапистой конструкции. В голове всплыло слово «примус», но уверенности, как с другими предметами, не было. Мужчина заглянул под крышку чайника, удовлетворенно хмыкнул, что-то под этим чайником повернул и полез в тумбочку. Пока он молча возился, я так же молча озиралась.

Первая комната, через которую мы прошли, была чем-то средним между учебной мастерской и складом пособий: четыре пустых стола в два ряда, напротив входа — еще один, пятый, больше других, на нем громоздилась внушительная штуковина с кнопками и ручками. Почему-то я решила, что это счетный аппарат, но даже примерно не могла представить, как он работает. Кроме аппарата, там лежали стопки папок и книг, стоял большой стакан с остро заточенными карандашами, позади стола виднелась большая чертежная доска. Вдоль стен выстроилось несколько закрытых шкафов, ну и еще свисали с потолка те самые пособия-модели, которые так меня заинтересовали.

Вторая комната, хоть и являлась скорее личным помещением, походила на первую: тут обнаружилась еще одна чертежная доска, поменьше, и даже пара макетов дирижаблей. Только эти аэростаты прятались в стеклянных витринах, и были выполнены гораздо подробнее — уже не учебные пособия, а коллекционные вещицы, собранные с точностью до заклепки на крохотной гондоле. Шкафы с книгами меня не интересовали, как и диван на ножках, и пара кресел, и несколько изящных стульев со спинками, а вот усидеть вдали от моделей оказалось трудно. Долго бороться с собой я не стала, подошла и почти уткнулась носом в витрину.

— Откуда у вас такой интерес к аэростатам? — прозвучало через некоторое время над моей головой. Да так неожиданно, что я дернулась и едва не протаранила лбом витрину. Но Недич проявил похвальную ловкость и успел одной рукой схватить меня за локоть, а второй на всякий случай придержал стекло. — Это какое-то воспоминание? Вы с ними работали? — предположил он с явным сомнением и вновь попытался аккуратно вернуть меня в кресло.

— Н-нет, точно не работала. — Я качнула головой. — И, кажется, я в них мало что понимаю. Но они же... такие классные! Такой винтаж!

— Своеобразное отношение, — осторожно заметил мужчина. — Садитесь, кофе уже готов.

— Спасибо. Слушай, а почему ты мне «выкаешь», когда я с тобой — на «ты»? Может, тебе неприятно?

— Можете говорить так, как вам удобно. — Он невозмутимо вернул меня в кресло, поставил на стул рядом поднос с чашкой.

— Мне неудобно, что ты со мной так официально, — подумав пару секунд, решила я.

— Я не могу обращаться к незнакомой молодой девушке на «ты», это неприлично, — столь же спокойно пояснил брюнет и опустился в кресло напротив.

— А почему те двое обращались? — полюбопытствовала я. Понюхала кофе; пах он вкусно, вот только оказался очень горячим.

— Это их личное дело. Майя, ну что еще? — вздохнул Недич, когда я все же не усидела на месте и подобралась к другой витрине. Подошел, навис тучей, но хоть оттащить не стал.

— Да ладно, ну что тебе, жалко? — Я подняла на хозяина кабинета умоляющий взгляд. — Я же вот, даже руками не трогаю, ничего не сломаю! Тут у тебя столько всего интересного, не могу я в кресле сидеть. У меня такое ощущение, что я в каком-то большом и обалденно интересном музее! А меня заставляют сидеть и пить кофе, как будто это самое важное в жизни...

— Мне не жалко, смотрите, — все же сдался Недич. И остался стоять рядом. Видимо, опасался, что я все-таки начну хватать его сокровища руками.

Даже немного обидно. Я, конечно, ничего о себе не помню, но вроде бы до сих пор не давала повода считать себя криворукой разрушительницей! Тем более что эту красоту руками трогать страшно, это же произведение искусства, а не модель.

— Май! — донесся из проходной комнаты незнакомый голос. — Май, где она?!

Обернулись мы одновременно. На пороге возник обладатель голоса, а за его спиной маячила парочка аспирантов, и я сделала вывод, что к нам присоединился тот самый Горан Стевич, куратор.

Он оказался чуть полноватым мужчиной, которого здорово старили седина и густые, исключительно неподходящие к его лицу усы. Если отвлечься от этих деталей, я бы дала ему те же тридцать пять-сорок, что и Недичу.

А еще среди седины особенно ярко выделялись разноцветные пряди очень насыщенных, ярких оттенков — красные, оранжевые и фиолетовые. Странная у них тут мода. Ладно, молодые ребята, но с седым учителем такая пестрота в моем представлении совсем не сочеталась.

— Ого! — выдохнул Стевич, глядя на меня с благоговением. Даже неловко стало, и я инстинктивно попыталась поплотнее закутаться в чужой китель. — Боги всемогущие!

Действительно — как живая...

— Почему «как»? — не выдержала я. — Даже обидно, в самом деле...

— Май, она что, правда
разговаривает?

Тут до меня наконец дошло, и я прыснула от смеха, прикрыв лицо ладонью.

— Тебя что, на самом деле зовут Май?

— Да, меня на самом деле так зовут, — подтвердил Недич. — Да, Горан, она действительно разговаривает, причем много, ходит и даже собирается пить кофе. И, мне кажется, неплохо соображает, хотя ведет себя как ребенок и употребляет порой странные и очень неожиданные слова. Поэтому будь добр, выясни все-таки, что вы наэкспериментировали с этими двумя молодыми дарованиями. Я-то верю, что вы никого не стирали, а действительно каким-то чудом создали эту девушку из гомункула. Но если вдруг происшедшим заинтересуется следственный комитет, лучше бы предоставить им что-то по существу твоих восторгов. Кстати, ее зовут Майя. Я не имею к этому никакого отношения и настоятельно прошу по этому поводу не шутить. А теперь давайте наконец все сядем и попытаемся подумать, что делать, — подытожил он и кивнул на диван. Гости послушно уселись, хотя Стевич продолжал на меня глазеть. — Майя?

— окликнул меня хозяин кабинета, поскольку я так и осталась стоять у витрины.

— Садитесь-садитесь, разговаривайте, а я лучше тут постою, — заверила Недича. — Все равно я ничего по делу не скажу, твой азростат мне пока интересней. А еще прости, но этот Стевич на меня так смотрит, словно прямо сейчас потащит на трепанацию. Я, может, и неестественным образом появилась на свет, но жить от этого хочу не меньше.

— Майя, он не укусит. Обещаю, никакой... трепанации. Откуда вы только такие слова знаете? Пожалуйста, сядьте.

— А что ты меня так активно усадить пытаешься? — возмутилась я уже из принципа. — Тебе надо, ты и садись, а я тут постою!

— Хорошо, стойте, — устало кивнул он и привалился плечом к шкафу.

Какая-то абсурдная ситуация, честное слово.

— Кхм. Майя, да? — осторожно позвал Стевич. — Прости, я в первый момент очень растерялся, увидев тебя. Обещаю не причинять вреда, и уж, конечно, никакой трепанации. Сделай, пожалуйста, что Май просит.

— Зачем? — уже всерьез заинтересовалась я.

— Я не специалист по травмам, но...

— Горан, давай все-таки к делу, а? — оборвал его недовольный Недич.

— Май сегодня набегался, а он сейчас не в той форме...

— Горан, я тебе язык укорочу! — пригрозил хозяин кабинета, окончательно меня заинтриговав.

— Да при чем тут он?! — не выдержала я.

— Пока ты стоишь, он не может сесть, — коротко и доходчиво пояснил Стевич.

— Почему? — опешила я и изумленно уставилась на тезку, явно жалеющего, что умудрился привлечь внимание к этому дурацком вопросу.

— Потому что воспитание не позволяет, — ответил Горан со смешком. — Это мы тут все... попростому, а Май из старой аристократии, у них там свои правила.

— А-а, — задумчиво и немного пришибленно протянула я, растерянно покосилась на Недича, после чего паинькой уселась в кресло, даже руки на коленях аккуратно сложила. И действительно, сразу после этого Май прошел ко второму креслу и тяжело опустился — или даже почти рухнул в него. — А что не так с его формой?

Неловко вышло. Вот почему тезка меня посадить пытался! Ну так и рывкнул бы доходчиво, мол, сиди и не отвечивай. Хотя, наверное, рывкнуть ему тем более воспитание не позволяло...

— Да понимаешь, после аварии... — охотно отозвался мой главный создатель.

— Горан! — рыкнул Недич, и, судя по его лицу, на этот раз Стевич уже переступил черту: если до этого Май одергивал коллегу тяжело, устало, то сейчас — явно злился.

Ан нет, все-таки рывкать он умеет. Но, подозреваю, только на избранных, и даже представить не могу, что мне нужно сделать, чтобы этот человек сорвался на меня. И выяснять опытным путем не хочется: он такой милый, что о подобном даже думать стыдно.

— Прости, давай к делу, — тут же пошел на попятную Горан.

Из дальнейшего обсуждения, которое в основном вел Стевич со своими аспирантами, я поняла, что они действительно не в курсе, как именно я получилась. Очевидно, что-то пошло не так, но что конкретно — сразу никто сказать не мог, надо было думать и пересчитывать все результаты. Но главная проблема сейчас заключалась не в этом, а в том, куда меня деть на время расчетов. Стевич оказался тем самым «фиолетовым специалистом», который действительно мог стереть чью-то личность, и признал правоту Мая: вряд ли кто-то поверит его научному открытию на стадии, когда еще непонятно, что именно открыто.

Тем более Стевич был известен своими... смелыми взглядами на проблему стирания и предлагал расширить границы применения методики. Сейчас ее использовали только в качестве последнего средства при некоторых тяжелых психических расстройствах, а Горан полагал, что подобная мера допустима и в других случаях. Например, это возможность в полном смысле начать все с чистого листа для тех людей, которые потеряли смысл жизни и всерьез склонялись к самоубийству. Не по назначению врачебного консилиума, а по собственному желанию. И самой серьезной проблемой на пути повсеместного внедрения стирания он полагал чрезмерное, травмирующее беспокойство, возникающее у стертых людей из-за отсутствия у них личных воспоминаний. Пересказ с чужих слов обычно воспринимался в штыки, врачам эти люди не верили, не верили вообще никому, даже ближайшим родственникам, так что после стирания им, помимо прочего, требовалось длительное и сложное восстановление.

В результате я начала поглядывать на Стевича с подозрением: слишком мой случай походил на «прорыв» в этом направлении.

— Мне не дают покоя странности Майи, — заметил Недич. — Она не знает многих элементарных вещей, но при этом совсем не похожа на гостью из какого-то глухого угла. При всем уважении к тихим уголкам дальних провинций, я не думаю, что кто-то из тамошних обитателей может не знать о магии, но при этом находиться в курсе военных разработок.

— Любопытно, — кивнул Горан. — Скажи, Майя, а есть что-то, что кажется тебе странным?

— Слабо сказано! — охотно ответила я. — Может, конечно, все так и должно быть, я про стирание памяти ничего не знаю. Но странным мне кажется все. То есть мне знакомы предметы, люди, комнаты, но все совсем не так, как должно быть. И хотя я уверена, что

никогда в этом здании не бывала и настоящих дирижаблей не видела, они кажутся мне очень интересными и завлекательными. Как такое возможно? Но, главное, вы тут все так уверенно говорите про магию, про фиолетовую, еще про красную... а я точно знаю, что магии не существует. И это очень странное чувство.

- Кхм, — негромко крикнул Стевич. — Не существует магии? Я, признаться, в недоумении. Боюсь, никаких версий твоего происхождения у меня теперь не осталось, пойду посмотрю...
- Горан, ты ничего не забыл? — окликнул его Недич. — Может, сначала решим насущный вопрос, куда деть девушку?
- Ох... да, прости, я увлекся, — смутился тот, разом погрузившись. — Но я не представляю, что делать! Боюсь, объяснить все Деяне, если я приведу Майю к себе, будет куда сложнее, чем следователям. А уж ребятам ее тем более девать некуда. — Горан обвел взглядом своих аспирантов.
- Вот именно, — веско кивнул хозяин кабинета, и все взгляды скрестились на мне.
- Я буду сопротивляться, — на всякий случай предупредила их и для уверенности покрепче вцепилась в китель.
- Сопротивляться чему? — озадачился Май.
- Попыткам меня устранить. Ну, знаешь, как говорят: «Нет тела — нет и дела».
- Давайте не начинать с крайних методов, — поморщился Недич.
- Май, а может, ты ее возьмешь? — Горан с надеждой уставился на друга.
- В каком смысле? — опешил тот.
- Ну, у тебя же остались связи, вдруг получится выхлопотать девушке документы. К тому же ты сейчас — наиболее безопасное для нее соседство. Опять же, с твоей репутацией никто даже мысли не допустит, что ты мог совершить такой неблагоприятный поступок, как стирание личности!
- Как показывает практика, цена этой репутации — медяха, — скривился Недич.
- Ну ты сравнил масштабы! То какая-то никому не известная девушка, а то... — чуть смутился, но не сдался Горан. — К тому же, мне кажется, вы поладили.
- И в каком качестве ты предлагаешь мне ее забрать? — вздохнул Май.
- Да не все ли равно! Ты ведь один живешь, так какая разница?
- Принципиальная! — огрызнулся Недич.
- Ну родственницей дальней назови, сложно, что ли?
- Мои родственники расписаны до пятнадцатого колена, и я не возьму на себя смелость приписать троюродному дядюшке еще одну дочь, потому что об этом подлоге станет известно через декаду, — возразил хозяин кабинета.
- Ну, значит, не родственницей! Знакомой, приятельницей, дочкой покойного сослуживца, да какая вообще разница! — всплеснул руками Горан.
- Ты шутишь? — возмутился Май. — Как ты заметил, я живу один!
- И?
- И не могу привести в дом молодую незамужнюю девушку! Это неприлично, понимаешь? Она просто не сумеет потом восстановить собственную репутацию!
- Ма-ай! — простонал Стевич, запрокинув голову и стукнувшись затылком о спинку дивана. — Ты отличный человек и замечательный друг, но в такие моменты мне хочется тебя убить! Какая репутация?! Она гомункул без биографии с очень странными проблесками воспоминаний! Это вопрос ее выживания! В конце концов, можно спросить у нее самой. Майя, тебя волнует твоя репутация порядочной девушки?
- Честно? — хмыкнула я. — Ни в одном глазу. Что-то мне подсказывает, я по жизни не очень порядочная девушка.
- Ты просто не понимаешь, — устало вздохнул Май. — Тебе житья не дадут!
- Хм, а все-таки и у его терпения и вежливости есть предел. На «ты» перешел. Надолго ли?
- Ну будут меня считать твоей содержанкой, подумаешь, беда какая! Тем более, я так понимаю, это важно только в ваших аристократических кругах. А я с ними, по-моему, даже рядом никогда не стояла.

— Май, пожалуйста, это ненадолго. Я надеюсь, скоро мы разберемся во всем, и прятать ее отпадет необходимость, но пока я больше ничего не могу придумать, — вмешался Стевич. — Да, кстати, если нужны деньги...

— Ты прекрасно знаешь, что деньги меня волнуют в последнюю очередь, — отмахнулся Недич, явно сдаваясь. — Дурацкая ситуация. Хорошо, я что-нибудь придумаю. Только нужно где-то найти одежду и обувь, чтобы Майя могла выйти и сесть в авто.

— Погодите, что, и все? — не утерпела я.

— Все, что нужно, можно приобрести позже, — невозмутимо пояснил Май.

— Стой, стой! — Я замахала на него руками. — Я и так в шоке, не надо усугублять! Вот это — все? То есть спокойно решили, куда меня поселить и как сделать документы, и пошли по домам? Нет, я не в претензии, но это как-то... Вы что, настолько мне доверяете и относитесь как к классической «даме в беде»? А вдруг я вру? А вдруг я правда какой-нибудь шпион?

— Про шпиона была шутка, — вздохнул Недич. — Майя, вы сейчас не можете врать и представлять опасность. Это видно. При других обстоятельствах я бы настоял на том, чтобы вызвать следователей, но сейчас в защите нуждается именно вы.

— Что, поймают и будут исследовать? — спросила я с нервным смешком.

Ну вот... Как быстро он взял себя в руки, а я-то уже обрадовалась!

— Нет. Майя, вы сейчас — чистый лист. Стирание опасно и запрещено не только потому, что утрачивается личность, но потому, что на освободившемся месте можно создать что угодно. Чтобы повлиять на вас, даже стараться не надо, новорожденные дети приходят в мир куда более защищенными. Пусть с морально-этической точки зрения это неправильно, но Горан говорит верно: я один из немногих, чье соседство вам на данном этапе неопасно.

— Как повлиять? — запуталась я. — И почему именно ты — безопасен? Нет, не подумай, я ничего не имею против, ты очень милый, но хотелось бы подробностей.

Недич поперхнулся ответом, Горан и Небойша дружно захохотали, а Вук недобрительно нахмурился.

— Я... кхм. Польщен, — смущенно кашлянув, сообщил Май и поспешил поскорее перейти к делу.

Все снова упиралось в ту самую магию, с существованием которой мне почему-то было очень тяжело смириться. В той или иной степени умением видеть магию, сопротивляться и пользоваться ей обладали все люди, это было еще одно чувство наряду со зрением, слухом и прочими привычными. Эта способность появлялась еще до рождения, развивалась вместе с ребенком и для кого-то становилась основой будущей профессии, как слух для музыкантов. Здешние обитатели настолько сживались с этой способностью, что использовали ее произвольно, по мелочи, в обычной жизни, в личном общении, даже не пытаясь всерьез на кого-то повлиять. Нормальными взрослыми людьми магия воспринималась где-то на подсознательном уровне наряду с запахом, и реакция шла тоже из глубины сознания, влияла на первое впечатление, но и только.

А вот на меня магия действовала иначе, заставляла меняться и подстраиваться. При длительном нахождении рядом с одним человеком неизбежно возникли бы привыкание и зависимость: мой организм так настроился бы на этот «запах», что существование без него стало бы вызывать дискомфорт, вплоть до самых мучительных его проявлений, включая физическую боль, и могло даже привести к смерти.

— И что, мне теперь всю жизнь от людей шарахаться? — ужаснулась я.

— Нет, это временно, — успокоил Горан. — У тебя выработается защита, у стертых это происходит достаточно быстро. Думаю, через неделю тебя уже сложно будет отличить от обычного человека и станет возможно свободно выпускать в люди. И тебе никакого вреда, и впечатлительным окружающим никакого ущерба. Увы, какие-то магические способы маскировки сейчас к тебе применять чревато, вреда будет больше, чем пользы.

— А что не так с окружающими? — заинтересовалась я.

— Ну... Май, а у тебя тут зеркала, случайно, нет?

— Случайно, есть, — отозвался тот и, опираясь на подлокотники, поднялся.

— Да я бы обошлась, — виновато заметила тезке. — Куда ты подорвался?

— Майя, я не умирающий и даже не смертельно больной, — поморщился Недич. — Идите сюда, вам действительно нелишне взглянуть.

Зеркало нашлось на внутренней стороне дверцы одного из шкафов, оказавшегося платяным.

— Ой, ма-ама, — протянула я, рассматривая собственное отражение. — Вот же... жуть с глазами. Это точно не навсегда?

— Да. Глаза скоро поменяют цвет, они восстанавливаются первыми.

— Ты меня утешил.

Неестественную белизну собственной кожи и волос я отметила раньше, но вокруг было слишком много куда более интересных вещей, чтобы обращать на это внимание. Да все смотрелось бы не так страшно, если бы не глаза. Даже не красные, как у альбиносов, а в полном смысле слова — белые, с черными дырочками зрачков.

— А у вас, господо, крепкие нервы, — заметила я. — Смотрю на это, и мне хочется шарахнуть в сторону или шарахнуть чем-то тяжелым. А ну как приснится?!

— Вы красивая девушка, Майя, — убежденно возразил Недич, возвращая мне комплимент. — А цвет глаз поменяется, это ерунда.

Нет, ну ведь он правда ужасно милый!

— Спасибо, — ответила я с проникновенной улыбкой.

А нервы и впрямь крепкие, Недич даже не поморщился, хотя гримаса у меня наверняка получилась впечатляющая.

Обменявшись с тезкой любезностями, я вернулась обратно в кресло, чтобы не заставлять мужчину стоять. Спасибо, я уже это выучила, и мне до сих пор стыдно. Кстати, надо бы узнать, что там за авария такая и что у нее за последствия, а то мало ли как еще я умудрюсь ему невольно навредить?

— Так, а почему именно Май для меня безопасен?

— Потому что он черный.

— Прости, что? — переспросила я, недоверчиво уставившись на Стевича. Ассоциации в голове возникли очень смутные, я так и не поняла, с чем именно, но — точно неправильные, потому что слово Недичу не подходило.

— Черный маг.

— Это хорошо? — неуверенно уточнила и рассеянно потерла лоб. — Знаешь, хоть магии и нет, но мне почему-то кажется, что черный маг — это, наоборот, очень плохо. И совсем не про Мая.

— В этом нет ничего плохого, это просто цвет магии, — пожал плечами Стевич. — Черная магия — это защита, а в случае с Маем абсолютный экран от всего: он самый черный маг из всех, кого я знаю, и ни к чему больше не предрасположен.

— А почему он тогда преподает какие-то расчетные дисциплины вместо этой черной магии, если он такой черный?

— Потому что он в ней мало что понимает, — вздохнул Горан, почему-то бросив извиняющийся взгляд на друга.

— Возможности мага во многом завязаны на его настроение, эмоциональное состояние и личные качества, — начал Май каким-то деревянным голосом. Надеюсь, лекции он ведет не таким тоном... — Благополучная гармоничная личность ко всему предрасположена примерно одинаково, а дальше все зависит от желаний и устремлений человека, который выбирает направление для дальнейшего развития по своему усмотрению. Любое отклонение личности от равновесия вызывает перекося. Чем сильнее перекося, тем уже спектр возможностей. Иногда, обычно под влиянием внешних обстоятельств, возможности меняются. Порой кардинально. А преподаю я то, в чем понимаю и что мне интересно.

Я открыла рот, чтобы спросить, отчего же так перекосяло самого Мая, — и закрыла. И заговорила в итоге совсем о другом, потому что...

Я, может, многого не понимаю в этой жизни и вообще «родилась» пару часов назад, но сложить два и два способна. И аварию, при упоминании которой Недич ругался, и виноватые взгляды Горана, и подчеркнута отстраненный вид самого Мая, и другие оговорки. Спасибо, я уже догадалась, что у него недавно случилась большая беда, но благородные аристократы о своих проблемах не говорят.

Или настоящие мужчины не жалуются, или Недич предпочитает не вспоминать, или всего понемногу. В любом случае я побуду пай-девочкой и в лоб ничего спрашивать не стану. Зачем обижать хорошего человека? Лучше потом у Стевича узнаю, он наверняка расскажет. Или у любого другого знакомого Мая, потому что секрета тут явно никакого нет и в курсе все, кроме меня.

— Так. Черная магия, фиолетовая... а какая она вообще бывает?

— Давайте я расскажу об этом чуть позже, хорошо? — попросил Недич заметно оттаявшим голосом, и я мысленно похвалила себя за сообразительность и проявленный такт. — Время уже очень позднее, того и гляди Деяна придет за Гораном, и мы тогда никуда не уйдем. Господа, жду ваших предложений, где можно достать одежду здесь и в это время.

— Я сейчас принесу! — вызвался Небойша и, не дожидаясь ответа, умчался в неизвестном направлении.

— Надеюсь, никто в процессе не пострадает! — все же крикнул ему в спину Стевич.

— А может, пока он ищет, все-таки про магию? — предложила я.

Возражать мужчины не стали, и вскоре мои познания об окружающем мире еще немного расширились.

Магия делилась по цветам и складывалась из трех основных: красный — живая плоть, желтый — техника и неживая материя и синий — преобразование. На стыке цветов лежали смежные дисциплины. Например, неоднократно помянутый фиолетовый — изменения и преобразования живого, тогда как чисто красный — цвет целителей, а синий сам по себе существовал только в качестве разрушительной боевой магии и использовался очень редко.

Особняком стояли две противоположности, черный и белый. Черный считался цветом полного отрицания, направленности внутрь, закрытости и — окончания всего, смерти. Но основную часть этого направления составляла защитная магия. С белым все обстояло еще интереснее, потому что никакой белой магии не существовало, а сам цвет олицетворял пустоту, начало всего, открытость и направленность вовне.

К концу этого ликбеза я окончательно поняла две вещи. Во-первых, среди тех обрывков воспоминаний, которыми я сейчас располагала, не нашлось ничего, даже близко похожего на услышанное, и я готова была поручиться, что прежде ни с какой магией ничего общего не имела, хотя мужчин этот факт приводил в смятение. А во-вторых, мне очень хотелось в этом разобраться и изучить все нюансы, так что безобидным занятием на ближайшие несколько дней я была обеспечена, осталось добыть какую-нибудь книжку.

— «Введение в основы магии»? — уточнил Май. — Хорошо, найдем что-нибудь подходящее.

Брать в университетской библиотеке, наверное, не стоит, а у меня дома его нет, но...

— Я завтра принесу, мои балбесы все равно еще не доросли, — заверил Стевич.

А потом вернулся взмокший и растрепанный Небойша с добычей, и разговор оборвался.

Мужчины вышли в соседнюю комнату, позволив мне спокойно переодеться, даже дверь за собой прикрыли.

Тому, что мне принесли только ботинки на шнуровке и платье без белья, я не удивилась и поэтому не расстроилась: Небойша с его характером просто не мог самостоятельно подумать о такой мелочи.

Ботинки, к счастью, оказались велики. «К счастью» потому, что шансов угадать с размером было немного, а велики — не малы, как-нибудь доползу. Куда-нибудь. Синее платье с широкой юбкой до колен и кружевным белым воротничком тоже оказалось велико — и по объему, и по длине, но главная его проблема заключалась в другом: в ряде пуговиц строго на спине. Несколько нижних и пару верхних я в итоге застегнула, а вот извернуться так, чтобы справиться с остальными, уже не сумела. Увы, не предполагает человеческая анатомия подобных изощрений.

Вариантов осталось три: надеть платье задом наперед, оставить, как есть, нацепить сверху халат и сделать вид, что все нормально, или попросить помощи. Я начала с самого удобного варианта и, придерживая платье, решительно шагнула за порог.

— Господа, у меня небольшая проблема... Ой, а они все уже разбежались?

— Да. Аспиранты ушли по домам, а Горан обещал обойти лабораторный корпус и все проверить. Что случилось? — Май при моем появлении поднялся со стула.

— Помоги, пожалуйста, — шагнула я к нему и выразительно повернулась спиной.

Несколько секунд висела неподвижная тишина, а потом мужчина принял аккуратнo и весьма ловко застегивать мелкие пуговицы. Молча. Наверное, происходящее было очень неприлично, но сообщать об этом Недич благоразумно не стал: понятно же, что вариантов немного.

— Ага, попался! Ой...

Входная дверь с грохотом распахнулась, и на пороге возникла взъерошенная девушка. Высокая, статная, с собранными в толстую косу светлыми волосами, пестрящими все теми же цветными

пряжками: подозреваю, это не местная мода, а некое проявление магии, надо бы расспросить при случае. Одета пришелица была в халат и вязаные тапочки.

— Доброй ночи, — ровно поздоровался Недич. — Вы что-то хотели, студентка Добрица?

— Ой, — повторила она, не сводя с нас непонятого взгляда — не то испуганного, не то восхищенного. — Простите... Я видела, Небойша сюда свернул, и... в общем, простите, пожалуйста! А где он?

— Вы с ним разминувшись, — невозмутимо ответил Май, застегивая последнюю пуговицу. — Аспирант Минин должен находиться на пути в общежитие.

— Ага. Спасибо... — Студентка еще несколько секунд помялась на пороге, потом опомнилась, еще раз извинилась и ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь. А я рассмеялась.

— Похоже, платье он просто спер. Боюсь даже представить, что подумала бедная девушка!

— Не вижу ничего смешного, — возразил Май. — Ситуация весьма компрометирующая, особенно для вас, и...

— Только не говори, что ты, как честный человек, теперь обязан на мне жениться! — перебила Недича.

— По-хорошему — да, но вы несколько переоцениваете мою щепетильность, — невозмутимо подтвердил Май. — Просто слухи пойдут раньше. Кроме того, у подобной ситуации есть плюсы: что-то мне подсказывает, что Добрица не придаст значения цвету ваших глаз и скорее упомянет совсем другие детали.

— Страшно даже представить, что она может наговорить! — вновь засмеялась я. — Это чем мы должны были заниматься и в каком составе, чтобы Небойше пришлось воровать для меня платье, в которое ты меня одевал!

— Не вижу ничего смешного, — поморщившись, повторил Недич. — Успокаивает, что в любом случае в такие подробности точно никто не поверит.

— «Не смешно, не смешно!» — передразнила я. — Знаешь что? Ты, Май, зануда! Поехали домой, может, выспишься, поешь и повеселеешь, — решила я и, подцепив мужчину под локоть, потянула к выходу.

Сопротивляться и выдирать локоть тетка не стал, наоборот, согнул руку, чтобы мне было удобнее опираться, — наверное, в этом жесте ничего неприличного не видел даже он. Погасил свет необычным, забавным выключателем — плоской блестящей ручкой, которую нужно было повернуть, запер дверь на ключ, и мы двинулись по коридору навстречу неизвестности.

Для меня — неизвестности, Недич-то ориентировался здесь вполне уверенно.

ГЛАВА 2

Залог здоровья мужчины — новое платье женщины

За время пути по коридорам, потом на лифте — просторном, с красивыми коваными дверцами, которые Недич открывал и закрывал вручную, — и вновь по коридорам и лестницам я успела расспросить своего спутника, а где мы, собственно, находимся.

Берянский государственный университет имени Тихомира Зорича являлся крупнейшим во всем Ольбаде, располагался в его столице Беряне и занимал в общей сложности восемнадцать зданий. Тот корпус, в котором находились мы, назывался «лабораторно-практическим», он сообщался переходами с преподавательским общежитием (где жили еще и аспиранты, и некоторые студенты) и одним из учебных корпусов. В ближайших окрестностях стояло еще три здания университета, остальные были разбросаны по городу.

Кроме того, неофициально учебному заведению принадлежали несколько жилых домов в округе — просто потому, что в большинстве квартир обитали местные работники, как, например, Стивич.

За Маем, который жил в другом месте, была закреплена комната в общежитии, где он ночевал, когда не хотел ехать через полгорода. Насколько я поняла, подобное случалось очень часто, но сейчас Недич намеревался отвезти меня в свой дом.

Снаружи здания университета впечатляли не меньше, чем внутри. Высокие, с нарядными золотисто-коричневыми фасадами, украшенными пилястрами и лепниной. Три здания образовывали большой внутренний двор, посреди которого зеленел сквер, окаймленный

достаточно широкой мощеной дорогой. А вот остальные подробности мешала разглядеть ночная темнота: вдоль брусчатки тянулся ряд высоких и ярких фонарей, заливающих желтым светом и стены, и кроны ближайших деревьев, а весь остальной мир утонул во мраке.

— Ух ты! — не удержалась я, когда мы остановились у припаркованного неподалеку автомобиля. — Обалдеть! Май, в можно я поведу?!

— Вы умеете? — недоверчиво уточнил Недич.

— Да! Кажется... Только, кажется, что-то другое, — добавила, разглядывая великолепного вороненого монстра с длинным капотом и блестящими фарами.

— Давайте в следующий раз, хорошо? — с нотами обреченности в голосе попросил Май, открывая заднюю дверцу, кажется, чтобы положить портфель. Небольшой такой, элегантно-кожаный, я не заметила, когда тезка успел его прихватить. — В такое время сложно встретить дорожную инспекцию, но не стоит дразнить богов, у вас же нет никаких документов.

— Ну хорошо, как скажешь, — не стала настаивать я, обошла мужчину и потянула на себя за ручку тяжелую переднюю дверцу. — Все равно я дорогу не знаю.

— Майя, вы... что вы делаете? — осторожно поинтересовался Недич, все так же стоявший у открытой дверцы.

— Сажусь, — доходчиво пояснила я, плюхнувшись на холодное гладкое сиденье, и захлопнула дверцу. После чего обернулась через плечо: — А что, ты передумал и мне уже можно за руль?

— Садитесь вперед? — совсем потерянно уточнил мужчина.

— Ну... да. А куда надо? — растерялась я. — Что, сюда нельзя?

— Как вам будет удобно, — обреченно вздохнул Май, закрыл дверцу и, обойдя автомобиль, сел за руль.

— Обалдеть... Роскошно! — пробормотала я, озираясь и поглаживая то кожаную обивку, то лакированные деревянные вставки, то блестящие латунные ручки. — Красота какая! Пока я восхищалась внутренним великолепием вороного авто, Май пробудил его ото сна, и салон наполнился басовитым урчанием двигателя. А потом монстр с рычанием плавно тронулся с места.

Я поерзала. Ощущение было странное: вроде сидеть удобно, но чего-то все равно не хватало. Непокорно.

— Слушай, мне кажется, тут еще должен быть ремень, — сообразила я, рассеянно ощупывая бока сиденья.

— Какой ремень? — не понял Недич.

— Ну... такой, для удержания себя в кресле. Чтобы, если вдруг авария, не улететь вперед.

— Очень странно, — пробормотал мужчина, покосившись на меня с уже знакомым недоверчиво-растерянным выражением.

— Что именно? — так и не дождалась я продолжения.

— Это экспериментальное приспособление, которое не то что не пошло в серию, оно пока толком не опробовано, не доказаны его эффективность и необходимость. А ты ведешь себя так, словно это нечто привычное. Пристегните ремни, ракеты... Может, Стивич вытащил тебя из будущего? Версия, конечно, из модного авантюрного романа, но... Признаться, она единственная что-то объясняет.

— Из будущего так из будущего, — беспечно пожала я плечами. Собственное происхождение по-прежнему занимало меня куда меньше, чем окружающий мир. — А откуда ты все это знаешь? Все экспериментальные разработки, и даже закрытые, специальные...

— Люблю технику и интересуюсь новинками, — ответил Май рассеянно.

Авто плавно плыло по дороге, мерно покачиваясь и вальяжно, с чувством собственного достоинства, заходя на повороты. Шелестела под колесами мостовая, рычал мотор, золотистый свет фар таял в лучах фонарей — с тем чтобы возродиться в ближайшем темном переулке и внезапно выхватить из мрака что-то неожиданное. Пару гротескных, причудливых бронзовых статуй в углах небольшого портика, закрытые кованые ворота в арке — изящное чугунное кружево, шаткую фигуру приподнявшегося прохожего, метнувшуюся в подвальное окошко быструю серую тень — то ли кошку, то ли крысу.

При последней мысли меня передернуло.

Так. Крысы. Я что, их боюсь?

Представила — серую, усатую, с длинным голым хвостом... И поймала себя на попытке закопаться в кресло целиком.

— Майя, что с вами? — Даже Недич заметил, а он внимательно следил за дорогой и в мою сторону как будто не смотрел.

— Все нормально, — отмахнулась я и затрясла головой, пытаясь отогнать очень навязчивое видение длинного извивающегося розового хвоста. — Блин! Я, кажется, крыс боюсь. Даже мыслей о крысах! Бр-р! Май, срочно отвлеки меня чем-нибудь, зачем я о них подумала?!

— У меня дома их точно нет, — неуверенно попытался подбодрить меня мужчина. — И в Зоринке тоже.

— Где? — заинтересовалась я.

— В университете, — пояснил Май. — Его так называют для краткости.

— А, точно, он же имени Зорича! — вспомнила я. — А кто это был, если его именем назвали такое большое и почтенное заведение? Просветитель, основатель?

— Нет, — хмыкнул тезка. — Основал его один из ольбадских владык за несколько веков до Объединения, тогда университет был единственным на всю страну и назывался просто — Ольбадский.

— А Объединение — это?..

— Сто с небольшим лет назад было подписано соглашение о вхождении Гмарры в состав Ольбадской империи, и на землях по эту сторону океана не осталось других государств.

— И что, все сто лет живут душа в душу? И никто не пытался отделиться? — не поверила я.

— Почему? Всякое случалось, но Младичи — хорошая династия, в роду было очень много талантливых правителей, так что пока существуем. А с полсотни лет назад...

Примерно полвека назад хитрый правитель грамотно перенаправил все агрессивные настроения подданных на заокеанского соседа, Регидон. Серьезных столкновений между двумя титанами не было и не предвиделось — очень затратно и бессмысленно воевать через океан, но наличие такой страшилки держало жителей в тонусе, подстегивало развитие вооружения, а следом за ним — и прочих отраслей производства. А ловля регидонских агентов стала любимой народной забавой и главной целью контрразведки. Иногда действительно ловили настоящих шпионов, что добавляло бодрости.

Тихомир Зорич, впрочем, к будням разведчиков никакого отношения не имел. Это был эксцентричный политический деятель, повеса и записной дуэлянт, который в момент своей смерти являлся фаворитом тогдашней вдовствующей владычицы. Лет за двадцать до окончательного Объединения, во время очередной попытки переворота Зорич был убит в драке с бунтующими студентами на ступенях центрального корпуса университета. Больше никакого отношения к славному учебному заведению погибший не имел, но владычица мстительно увековечила его имя.

То есть из-за одного фаворита закрывать славное учебное заведение — это слишком, а вот сделать такую мелкую гадость — самое то. Я считаю, очень по-женски. Мне понравилось. Впрочем, нельзя сказать, что студенты очень уж сопротивлялись наименованию. Видимо, во время побоища Зорич сумел заслужить уважение противников.

— Изумительно, — со смехом подытожила я рассказ Недича. — Главное учебное заведение страны носит имя бабника и скандалиста. Не удивлюсь, если он любил выпить и вообще был тем еще раздолбаем, много чего можно прикрыть красивым словом «эксцентричный». Мне уже нравится этот университет.

— Зоринка — хорошее место, — согласился Май с легкой улыбкой. — С традициями.

Я задумчиво покосилась на строгий профиль мужчины. В салоне авто повисла тишина.

Я смутно представляла, как должны выглядеть родовитые аристократы, но почему-то казалось — Недич выглядит именно так. Строгий, аккуратный, подтянутый. Красивое лицо: прямой нос с легкой горбинкой, выразительные глаза, черные брови вразлет, высокие скулы. Может, для совершенства — губы тонковаты. Или все с ними хорошо, а впечатление портит горькая складка в уголках рта?

Он ведь почти не улыбается. Вот это выражение сейчас — живое, чуть рассеянное, явно вызванное какими-то приятными воспоминаниями бесшабашной студенческой юности, — пожалуй, самое яркое проявление радости и веселья за время нашего знакомства. Да, знаю я его всего несколько часов, но это не мешает делать выводы.

Обычная авария вряд ли привела бы к такому итогу. И совсем не верилось, что Май всегда был таким хмурым и замкнутым. Нет, дело вот в этом надломе, в черном цвете и абсолютной

закрытости решительно от всего. Залез в раковину и закрылся. И мне становилось все интереснее, что же такое с ним произошло.

— Май, а что нужно делать, чтобы у меня поскорее возникла естественная защита?

— Представления не имею. — Недич пожал плечами. — Никогда не интересовался. Надо спросить у Горана, он должен разбираться в этом вопросе. Послезавтра буду в Зоринке — узнаю.

— А завтра?

— Завтра нам нужно что-то решить с вашей одеждой, обувью и документами. Утром позвоню своему портному, надеюсь, он сумеет подсказать какую-нибудь неболтливую мастерицу.

— Портно-ой, — протянула я. Стало неловко. — А что, готовая одежда не продается? Обязательно шить на заказ? Мне кажется, так дороже, нет?

— Во-первых, пока вы выглядите столь экзотично, ни о каких походах по магазинам в принципе не может идти речи, — спокойно ответил Май. — Так что хотя бы один наряд и некоторые другие мелочи нужны вам прямо сейчас, причем от человека, который не побежит сразу после встречи в первую попавшуюся газету — рассказывать, сколь необычная у меня появилась... содержанка. — Последнее слово мужчине явно претило, он запнулся и выплюнул его с отчетливой неприязнью. — А во-вторых, прежде магазинов нужно решить вопрос с вашими документами. Я пока достаточно смутно представляю, как это сделать, но точно могу сказать: это будет происходить не дома. Завтра поговорю с семейным поверенным, он подскажет.

— Ага, и легенду надо придумать, — вздохнула я.

— Что придумать?

— Ну, объяснение, кто я такая, откуда взялась, что с документами...

— Это не так сложно. Дочь моего погибшего сослуживца, приехала в столицу учиться, но на вокзале ударили по голове и украли все вещи. Ударом можно объяснить даже некоторые ваши странности. Но вам в любом случае нужно хоть немного освоиться, прежде чем выходить в люди, это без учета экзотичной наружности.

— Я настолько дикая и невоспитанная, что страшно показывать? — засмеялась в ответ.

— Смотря в каком обществе. — Май улыбнулся. — Если рассматривать Зоринку, то скорее эксцентричная и непосредственная. Ваша главная проблема в непонимании некоторых совершенно естественных и простых вещей и, с другой стороны, наличии весьма неожиданных познаний. Я, признаться, пока не могу решить, с чего начинать заполнение пробелов.

— Что-нибудь придумается, — оптимистично отмахнулась я.

Ого! Вот это победа: Недич улыбается и даже почти шутит. Кажется, я очень положительно на него влияю.

А вообще интересно, неужели тут нет никаких врачей, занимающихся подобными расстройствами? Психотерапевты, психиатры — это одно из тех воспоминаний, которые взялись невесть откуда, или нет? Как бы спросить Мая так, чтобы не принял все на свой счет! Не дурак же он, прекрасно понял, что я поняла, что у него какие-то проблемы. Тьфу, какая кривая мысль...

Я так и не придумала подходящего предложения, а потом стало не до того: мы приехали.

Авто оставили в сумрачном подземном гараже — здесь стояло с десятков машин и имелось еще несколько свободных мест. Прошли в лифт, конструкцией напоминающий университетский, но гораздо более роскошный внутри — зеркало в резной раме от пола до потолка, обшитые темными деревянными панелями стены. Да и двери здесь закрывались не вручную, а с помощью небольшого рычага с круглым эбонитовым набалдашником. Поднялись на четвертый этаж и оказались в небольшом светлом холле на две двери.

— Ух ты, и что, никакой охраны нет? — полюбопытствовала я, когда Май толкнул незапертую дверь.

— Магия, — коротко пояснил Недич. — Посторонний не прошел бы. Пойдемте, я покажу гостевую спальню. Надеюсь, там все в порядке, а то придется искать белье. Прислуга приходящая, не дергать же звонками среди ночи...

После всего увиденного странно было бы удивляться элегантною, сдержанною роскошью апартаментов, вот я и не удивлялась, а любовалась, как в музее. Наборным паркетом, хрустальными люстрами, изящной мебелью; деревом, шелком, бархатом, бронзой и мрамором; высокими потолками, со вкусом подобранной цветовой гаммой и выдержанностью интерьеров.

А потом Май показал комнату с широкой кроватью, хрустящим от чистоты бельем, отдельной уборной и свежими пушистыми полотенцами и оставил меня наедине с этой красотой. Ушел организовывать нам поздний ужин. Я же застыла посреди комнаты в смятении — дура душой. Потому что смотреть, восхищаться, украдкой щупать было интересно, познавательно, но я понятия не имела, как можно тут жить.

Это же музей! Как можно завалиться в постель посреди экспозиции?! Я уже не говорю о том, чтобы воспользоваться ванной! Так и казалось, что сейчас откроется дверь и войдет пожилая смотрительница строгой наружности, глянет поверх очков и поинтересуется, почему я отстала от группы.

М-да. Откуда бы ни взялись мои воспоминания, в той жизни я определенно не имела ничего общего с аристократами...

В конце концов, справившись с ощущением неловкости, я отправилась знакомиться с удобствами ближе. Нашла домашние тапочки и большой безразмерный халат, в который могла завернуться с головой, только переодеться не сумела: проклятые пуговицы со спины никуда не делись. Пришлось ограничиться мытьем рук, не рвать же на себе единственное, да к тому же чужое платье из-за такого пустяка!

Мая я нашла по голосу, в тишине пустой квартиры его было прекрасно слышно. Мужчина разговаривал по телефону в кабинете, не закрыв за собой дверь. Разговор не был личным и тайным, так что я пошла на звук: Недич извинялся за поздний звонок и просил по возможности отыскать хоть какую-то еду. Бутерброды? Прекрасно, пусть будут бутерброды!

Мягкие тапочки ступали бесшумно, так что моего приближения Май не заметил. Однако хулиганить я не стала, замерла на пороге, с любопытством разглядывая домашнюю версию Недича и пытаюсь найти отличия. Увы, тщетно: такой же подтянутый, такой же прямой и черный, даже не разулся.

— Что-то случилось? — спросил он, положив трубку и обнаружив меня у двери. — Вы не смогли что-то найти?

— Нет, все отлично. Я только платье не сумела снять, опять тебе придется помогать. Но потом, после ужина. Кажется, с питанием у меня все нормально, как у настоящих людей. Во всяком случае, голод чувствую. Руки я помыла, так что готова к бутербродам! — Я бодро продемонстрировала растопыренные пятерни.

Май обвел меня взглядом и неопределенно хмыкнул, на мгновение задержавшись на тапках.

— Что-то не так? — предположила я. — В них нельзя ходить? Я могу босиком!

— Нет, что вы, можно, они там для этого лежат. Наверное. Просто... — Май замолчал, подыскивая правильное слово, и заодно потянул с шеи галстук. Даже пару верхних пуговиц расстегнул! — Непривычно, — наконец определился он и жестом предложил мне выйти. — Ими обычно пользуются в пределах покоев, чтобы дойти до уборной или что-то в этом духе, а по дому ходят в домашних туфлях или обычной обуви. То есть это не закон и даже не жесткое требование этикета, просто я так привык. Очень странно смотрится... В общем, не обращайтесь внимания, — отмахнулся мужчина, запутавшись в словах.

— Да ладно, симпатичные шлепки. С помпонами, — улыбнулась я, устраиваясь на высоком тяжелом стуле со спинкой — за разговором мы незаметно дошли до кухни. — Ничего себе, как у аристократов все строго! Или это не у всех, а только твоя семья отличается? Я сейчас, конечно, не только про тапочки, а вообще.

— Скажем так, это общая манера поведения некоторых семей. Либо тех, которые очень гордятся древностью рода, либо тех, которые пытаются притвориться первыми. В последнюю сотню лет этикет стал... проще. Новое время диктует новые правила и новые ценности, но не все это понимают и не все готовы меняться, — устало пояснил он и поднялся, услышав резкий металлический звонок. Открыл большой Двустворчатый шкаф в дальнем конце просторной кухни; там оказалась большая ниша, в которой стоял поднос.

— Это что, лифт для продуктов? — сообразила я.

— Да. Здесь есть небольшая кухня. Ничего вычурного и роскошного, но у них всегда наготове пара-тройка блюд. Или, если нет, могут сообразить что-то на скорую руку.

«На скорую руку» оказалось парой больших тарелок с бутербродами, причем невероятно аккуратными и нарядными, как будто нарисованными. Точно знаю, что у меня такая красота никогда не получилась бы. Половина с паштетом и яйцом, половина с ветчиной и сыром, все с зеленью — просто прелесть.

Хозяин дома пошел заваривать чай, а я сцапала ближайший бутерброд: при виде еды стало понятно, что я не просто голодна, а очень голодна.

— М-м! Как они тут здорово готовят! — восхищенно протянула, прожевав. Не говорить с набитым ртом у меня воспитания все-таки хватило.

— Мне тоже нравится, — поддержал Май и вернулся к столу. Выставил заварочный чайник, чайник с кипятком на деревянной подставке, а потом — тарелочки, к которым выложил приборы. И сел напротив, глядя на меня с очень задумчивым видом.

— Что? — не вытерпела я. — Ты хочешь сказать, что бутерброды нельзя есть руками?!

— Ну... как сказать, — протянул он, покрутил в руке вилку, еще раз покосился на меня. Нескольким секундам мы так и сидели, переглядываясь друг с другом и с моим бутербродом, а потом я недовольно фыркнула:

— Вот еще, глупости какие! — И с удовольствием вгрызлась в кусок хлеба с колбасой.

В конце концов, я гомункул, мне можно! А Май все равно слишком воспитанный и добрый, чтобы ругаться и заставлять.

И он, конечно, не стал этого делать. Вновь бросил на меня задумчивый взгляд, а потом вдруг отложил приборы и аккуратно, недоверчиво стянул с тарелки ближайший бутерброд. Руками. Я дурно на него влияю.

— Что, так удобно? — уточнил мужчина.

Я в ответ энергично закивала.

Май еще некоторое время колебался, но потом все же последовал моему плохому примеру. Причем с таким видом, что мне дорогого стоило не засмеяться, глядя на него, пришлось сосредоточенно изучать блюдо. Было ощущение, что я подговорила благовоспитанного отличника впервые в жизни прогулять занятия.

— А мне показалось или ты правда не одобряешь строгого семейного воспитания? — полюбопытствовала я после второго бутерброда и кивнула на третий в руках мужчины. — Похоже на маленький бунт.

— Это выглядит нелепо, да? — слабо улыбнулся Май.

— Я бы не сказала.

— Да ладно, я же вижу, что тебе смешно, — отмахнулся он.

— Забавно, да, но не нелепо, — возразила я. — Чувствую себя хулиганкой, которая смущает ум благовоспитанного юноши. Не знаю, как росла я, но в таких условиях точно свихнулась бы!

— Когда ты находишься в таких условиях с младенческого возраста, это несложно принять, — возразил Недич. — Наоборот, нужно много времени и жизненного опыта, чтобы составить собственное мнение и пересмотреть то, чем жил с рождения. Многие из тех вещей, которые в меня вкладывали, не теряют ценности и по-прежнему кажутся верными. Уважение к старшим, уважение к женщинам, долг перед страной и семьей, честь, умение держать себя в руках — все это важно. Но у этой медали есть обратная сторона: чопорность, заносчивость, взгляд свысока на людей, не знающих этикета. Может ли одно существовать без другого? Мне кажется, да. Но я не возьмусь критиковать моих воспитателей.

— А как они относятся к твоему бунту? — полюбопытствовала я. — Как сочетается должность преподавателя с суровым аристократическим воспитанием?

— Сложно сказать. Если бы были живы, могли бы и не одобрить, — сказал тезка задумчиво.

— Ой! Извини, как-то об этом не подумала, — смутилась я. — Но здорово, что я попала именно к тебе и ты не пытаешься меня перевоспитывать.

— Перевоспитывать... — протянул он. — Ты очень непосредственная, порой до бесцеремонности, и иногда кажешься избалованным ребенком. Но, с другой стороны, я наблюдаю за тобой и понимаю, что ты со всеми этими странностями уже вполне взрослая, сложившаяся личность. А принудительно перевоспитать взрослого человека нельзя. Да и с детьми все не так просто... В общем, можешь быть спокойна, читать морали я не стану. Мне по-прежнему гораздо интересней понять, где мог сформироваться такой характер, чем пытаться что-то с ним сделать. Уверен, не в нашей стране и не в Регидоне, а все другие варианты из области фантазий и домыслов.

Надо же, опять он на «ты» перешел. Совместное поедание бутербродов на кухне среди ночи, оказывается, здорово сближает. Надолго ли?

— Мне непонятно, зачем люди усложняют себе жизнь этими тонкостями этикета, — задумчиво сказала я. — И есть ощущение, что в прошлой жизни он меня тоже волновал. Ну ладно,

уважение к старшим, придержать женщине дверь, за столом не чавкать. Но почему нельзя у себя дома в отсутствие гостей ходить в тапочках?!

— Мои воспитатели придерживались мнения, что одна поблажка в конечном итоге непременно выльется в неводержанность, и все усилия пойдут прахом, — ответил Май. — В чем-то они, безусловно, были правы. Но когда во главу всего ставят форму, то есть этикет и следование правилам приличия, результат зачастую жалок и насквозь лицемерен. Давай продолжим этот разговор завтра, хорошо? Если ты закончила, предлагаю пойти спать.

— Да, конечно. Помочь с уборкой? — спросила, прекрасно понимая, что нагружать гостью Май не станет. Признаться, настроения мыть посуду у меня сейчас не было совершенно, но совесть требовала хотя бы предложить.

— Не нужно, я сам в состоянии поставить тарелки на поднос, — отмахнулся Недич.

— Ну тогда помоги мне с платьем, и пойду осваивать просторы, — решила я, выбираясь из-за стола. — Надеюсь, я на этой кровати не заблужусь.

— Доброй ночи, — только и ответил Май, без возражений расстегнув мне пуговицы. Очень аккуратно, явно избегая лишний раз притрагиваться к коже.

Меня его приличность и воспитание даже немного пугали. С одной стороны, все правильно: не станет нормальный воспитанный мужчина приставать с неприличными предложениями к первой попавшейся странной особе. Может, я вообще не в его вкусе, это понятно. Но с другой — щепетильность Недича казалась несколько болезненной. Даже несмотря на то, что жениться он из-за компрометирующих меня обстоятельств все-таки не собирался.

Солидный мужчина, симпатичный и обаятельный, с деньгами. С родословной еще, ага. Не думаю, что у него когда-то были какие-то проблемы с женщинами...

А с третьей стороны, ну мне-то какая разница? Наоборот, стоит сказать спасибо за его тактичность: и мысли не допустишь, что он способен обойтись со мной подло — в любом смысле. И порадоваться, как мне повезло с создателем и его друзьями. Я же понимаю, что куда проще было меня убить и избавиться от тела, наверняка у них тут, при наличии магии, есть способы сделать это быстро и бесследно. Хватится меня некому, искать тоже... Но нет, рискуют навлечь на себя дополнительные проблемы, однако пытаются мне помочь, относятся как к человеку — точно зная при этом, что я гомункул и вообще побочный результат эксперимента.

Так что, чем копаться в жизни Мая и его голове, лучше бы свою сначала заполнить реалиями окружающего мира, чтобы не выдать ненароком благодетелей.

И что-то надо сделать с белыми глазами. Интересно, а цветные линзы тут существуют? А вообще — линзы? Или какой-нибудь еще немагический способ маскировки, если магию ко мне применять опасно.

На этой умной мысли я и уснула.

Видимо, Недич вчера вымотался по-настоящему сильно, потому что, проснувшись посреди ясного дня, я обнаружила в квартире тишину. Конечно, искать мужчину и уточнять, действительно он еще спит или уже куда-то убежал спозаранку, не стала. Вряд ли он сознательно рискнул бы оставить меня одну без присмотра, скорее просто умаялся, бедный. Подмывало сунуть любопытный нос в кабинет: уж очень много там было всяких интересных книг, да и на стене, как я сейчас помнила, висело что-то, похожее на карту мира. Но дверь оказалась закрыта, а проверять, заперта или нет, и портить о себе впечатление, шуруя в хозяйских вещах, я не стала. Вместо этого придумала гораздо более полезное и безобидное занятие: организацию завтрака. А если не найду ничего съедобного, хотя бы кофе сварю. Или чай согрею.

Тщательно обыскав все шкафы и полки, я предсказуемо не нашла никаких свежих продуктов — ни молока, ни яиц. Зато обнаружила настоящий холодильник, почти пустой. находка приятно удивила, потому что я считала это чудо техники очередным приветом из того прошлого, которого не помнила. В холодильнике обнаружилось несколько недоеденных с вечера бутербродов.

А еще я нашла кофе и ручную кофемолку, несколько банок с крупами, включая овсянку, несколько мешочков с орехами и сухофруктами, специи и даже банку меда. И принялась за сооружение завтрака чемпиона, мурлыча себе под нос какую-то бравурную мелодию — если в ней и были когда-то слова, их я не помнила. Но заодно поняла, что люблю музыку и, кажется, не лишена слуха.

Не знаю, это я все-таки шумела или Мая выманил из спальни запах кофе, но мужчина возник на пороге кухни как раз вовремя — завтрак был готов.

Недич явно успел принять душ, собранные в хвост волосы были влажными, но проснуться это ему не слишком-то помогло. Помятая физиономия составляла забавный контраст с мокрой головой и безупречными стрелками на бровях.

Нет, все же он ужасно милый!

— Майя, что вы делаете? — растерянно спросил хозяин дома.

— А на что это похоже? — весело уточнила я. — Завтрак готовлю. Правда, из доступных продуктов я только овсянку на воде смогла сделать, но должно получиться неплохо. Если ты ее, конечно, ешь. Топай к столу.

— Но... не стоило... — пробормотал он совсем уж неуверенно.

— Успокойся, я, как оказалось, умею готовить и даже почти люблю. В конце концов, должна же я была себя чем-то занять! Не спи, замерзнешь!

Дождаться, пока Май договорится со своим воспитанием, решительно возражавшим против допуска гостей к приготовлению пищи, я не стала. Подошла, подцепила мужчину под локоть и потянула в нужном направлении. В этом месте он, конечно, очнулся и попытался поучаствовать в процессе, но стол я к тому моменту уже накрыла. Пришлось хозяину ограничиться переноской кастрюльки с плиты — тоже какое-никакое полезное занятие.

На свое место я плюхнулась первой и с некоторой поспешностью: вряд ли Май правильно поймет и оценит попытки за ним поухаживать. Поэтому он наполнял тарелки кашей и чашки кофе, а я сидела, поставив локти на стол и подперев ладонями голову. Ужасно неприлично, наверное.

Кстати, по поводу моего халата и тапочек Недич так и не высказался; видимо, помнил про пуговицы.

— Вы действительно хорошо готовите, — заметил Май наконец. — Никогда не думал, что овсянка бывает вкусной.

— Тяжелое все-таки детство у аристократов, — засмеялась я. — Слушай, давай ты перестанешь прыгать с «вы» на «ты» и обратно? Сам же понимаешь, что это глупо, а мне приятнее и удобней на «ты».

— Хорошо, я попробую, — ответил он обтекаемо и переключился на полезную тему: — Я позвонил своему портному, тот подсказал даму, способную помочь. Она придет к полудню со всем необходимым на первое время и будет молчать.

— Главное, чтобы в обморок не бухнулась при виде моих прекрасных глаз, — весело отмахнулась я.

— Не бухнется, они... действительно очень красивые, — заметил Май.

— Ты просто привык.

— Нет, я не об этом. Они уже поменяли цвет на зеленый. Красиво.

— Здорово, а я и не заметила! Я при виде этой белой жути каждый раз вздрагивала, так что в зеркало старалась не смотреть. А это нормально, что они так быстро поменялись? И с магической точки зрения это что-то значит?

— Значит, тебе ближе зеленая магия, изменение неживой материи. Техномагия. Ожидаемо, учитывая твой интерес к дирижаблям и автомобилям.

После завтрака я порывалась вымыть посуду, но Май не позволил. Правда, сам мыть тоже не стал, составил все в тот же лифт для связи с кухней. Удобно, конечно, но пару тарелок я могла и сама сполоснуть, тем более что там просто овсянка, а с горячей водой проблем нет. Но спорить с хозяином не стала: это мне неудобно людей такими мелочами напрягать, а он-то привык к наличию прислуги. Не могу сказать, что меня коробило — не рабы же, люди честно получают зарплату, — но требовалось время, чтобы привыкнуть.

После завтрака мы переместились в кабинет, где я наконец познакомилась с картой мира. И готова была поклясться, что вижу ее впервые. Май уронил в ответ коронное «очень странно», но, кажется, не удивился.

Континентов было четыре: две скованные льдом «шапки» на полюсах и две бесформенные кляксы обитаемых земель, разделенных океаном с редким крапом островов. Государств на них помещалось всего с десяток: континентальные Ольбад и Регидон и несколько мелких, островных. А вот языков оказалось почти в три раза больше: при объединении страны Младичи не старались изжить традиции новых земель.

Может, благодаря этому уважению им и удалось объединить все земли континента под своей властью? Я по-прежнему не могла поверить в единство этого огромного государства, но и повода усомниться в словах Мая тоже не было. Может, тут люди чем-то отличаются от привычных мне? Неуловимым, необъяснимым, но очень важным. Не просто же так здесь больше полувека не было войн...

Обсуждение истории и географии прервало появление портнихи — крупной громогласной особы с большими и сильными руками, которая сложением и статью больше походила на прачку, чем на модистку. Женщину сопровождала пара крепких рослых парней, которые тащили большие квадратные чемоданы. Предупрежденная Недичем, я не попадалась им на глаза, наблюдала за пришельцами через щелку из гостевой комнаты. Когда сопровождающие ушли, Май провел меня в гостиную, где расположилась портниха.

— Майя, познакомься, это госпожа Рагулович. Вверяю эту девушку вашим заботам, — Недич, склонив голову, обратился к женщине.

— Так. — Госпожа портниха уперла руки в бока и исподлобья уставилась на меня. С таким видом, что я едва поборолa желание спрятаться за Мая. — И что этой девушке нужно?

— Все, — коротко ответил он. — Она попала в затруднительное положение, была ограблена на вокзале, и чудо, что сама сумела уцелеть. А те вещи, которые были на ней, пришли в негодность.

— Бедная девочка, — прокомментировала Рагулович таким тоном, словно собиралась тотчас же пристрелить меня из жалости. — И на чье мнение мне больше полагаться в выборе?

— На ваше, — коротко ответил Недич, чем явно смягчил строгую портниху. — И по возможности учитывать пожелания девушки. А я, с вашего позволения, не стану мешать. Если вдруг что-то понадобится — буду в кабинете.

Оставаться наедине с этой грозной дамой совсем не хотелось, но мне хватило ума не просить Мая остаться.

— Раздевайся. Посмотрим, с чем придется иметь дело, — скомандовала госпожа Рагулович, когда хозяин вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Я глубоко вздохнула, стараясь взять себя в руки, и взялась за пояс халата. Ну не съест же меня эта дама, в самом деле! В крайнем случае, я буду сопротивляться и орать, надеюсь, Май услышит и придет на помощь...

Паника, разумеется, оказалась беспочвенной. Госпожа Рагулович показала себя профессионалом — она была, может, немного грубоватой и неразговорчивой, но незлой женщиной, знающей свое дело. В чемоданах у нее имелись готовые наряды и прочие необходимые вещи вплоть до обуви, а также образцы тканей и альбомы с рисунками. Я, конечно, помнила о своем нежелании тратить чужие деньги и хотела обойтись минимумом, но... не удержалась, сунула нос в зарисовки и пропала.

Почему-то я боялась, что мне предложат только длинные неудобные платья в пол. Не знаю, откуда взялся такой вывод, если одолженный мне наряд едва прикрывал колени, но опровержение порадовало. В итоге я стала счастливой обладательницей пары жизнерадостных платьев, красного и зеленого, одно из которых даже могла застегнуть самостоятельно, пусть и с трудом — ряд пуговичек располагался на боку. А еще мне достались симпатичные ботиночки на шнуровке, простые и удобные туфли, а плюс ко всему я заказала совершенно изумительный костюм с клетчатым пиджаком. Заодно обнаружила, что здешние женщины даже иногда носят брюки, которые, однако, оставили меня равнодушной.

Кроме того, госпожа Рагулович принесла несколько пар нежных, тонких чулок, которые — магия, не иначе! — не соскальзывали по ногам, и их можно было носить безо всяких поддерживающих конструкций. Потом подобрала мне несколько смен роскошного белья. Оно очень ладно село по фигуре, и я всерьез пожалела, что показаться в таком виде некому. Была бы я мужчиной — точно оценила бы.

Судя по этой мысли, опыт близких отношений с противоположным полом у меня имелся.

— Хозяин, принимай работу! — приоткрыв дверь, гаркнула портниха так, что я подпрыгнула на месте. И нервно оправила юбку. В себе я была уверена, но хотелось, чтобы и Май оценил. Во-первых, это было бы очень приятно, а во-вторых, все-таки именно ему за это платить.

— Совсем другое дело. — Окинув меня взглядом, вошедший в комнату мужчина улыбнулся, но как-то неуверенно и немного растерянно.

— Не так что-то? — хмуро спросила Рагулович. — Майе вроде идет.

— Нет-нет, все замечательно, — поспешил заверить Недич. — Майя даже в халате была симпатичной, а сейчас настоящая красавица. Очень... яркая.

Только улыбка стала совсем уж вымученной.

Не поняла. Его не устраивает, что я хорошо выгляжу? А почему? Боится влюбиться, что ли? Я вопросительно покосилась на портниху в надежде, что она хоть что-нибудь пояснит. Но та только усмехнулась многозначительно и подмигнула, как будто с одобрением.

— Ну и отлично.

— Подожди меня, пожалуйста, в кабинете, — попросил Май.

Очень хотелось выяснить смысл подмигиваний портнихи, но спорить я не стала. Отнесла вещи в выделенную мне комнату и опять уткнулась в карту на стене, изучая столицу, ее окрестности и вообще свою новую родину.

Понять бы еще, где была старая...

Недич присоединился ко мне в исключительно деловом настроении, пришлось догонять и настраиваться на конструктивный лад. Раз уж моей физиономией теперь нельзя пугать маленьких детей, Май решил не откладывать в долгий ящик визит к поверенному и решение вопроса с документами. А для этого стоило продумать пресловутую легенду, начиная с фамилии и места рождения.

Согласно придуманной версии отцом моим был Обрад Грол, погибший знакомый Мая, местный уроженец и очень необщительный субъект. Чтобы объяснить отсутствие у меня матери, ее пришлось убить родами при загадочных обстоятельствах: несчастную женщину подобрали на берегу жители острова Брадицы, ближайшего к расположенной на побережье столице. Остров номинально числился частью Ольбада, а по факту не был нужен никому, кроме аборигенов, которые вроде бы разговаривали на ольбадском и не особо отставали в развитии, но все равно жили исконными промыслами — ловлей рыбы, моллюсков и крабов. Больше на этом неуютном каменистом куске суши все равно нечем было прокормиться.

Женщину нашли в горячке, в бреду она все звала Обрада Грола и просила сказать ему, что у него есть дочь. Дочь действительно родилась, но чахленькая и хиленькая, много болела, поэтому приучить ее к промыслу так и не смогли. Зато девочка тянулась к грамоте и книжкам, к шести годам уже уверенно читала и вообще оказалась очень сознательной особой, так что ее стали приглашать в няньки, чтобы посидела с детьми, ну и помогла по хозяйству в доме.

Когда подросла, мне рассказали об отце, а когда подросла еще больше — я попыталась его найти. Но к этому моменту Обрад Грол уже умер, зато я умудрилась разыскать его приятеля, Недича. По этой легенде мне вчера стукнуло семнадцать — возраст совершеннолетия. Решили сказать так потому, что учет паспортов велся куда дотошней, чем учет метрик, и если у меня украли последнюю, проверить будет гораздо труднее.

— Знаешь, как-то все это бредово звучит, — подытожила я рассказ тетки. — По-моему, поймать меня на лжи сможет даже ребенок. Я понятия не имею о быте островов и не уверена, что умею плавать! И вообще, как я умудрилась искать папеньку — а найти тебя? Ни писем никаких нет, ничего...

— Любая другая версия хуже, — возразил Недич. — Эта, по крайней мере, объясняет, почему ты знаешь только ольбадский — именно на нем говорят брадичане. А другой настолько дикий угол в столичной провинции не найдешь, да и риск столкнуться с «земляком» окажется гораздо выше. Ольбадцы знают об островитянах не больше тебя, а для углубления познаний у меня есть хорошая книга. — С этими словами Май подошел к шкафу и принялся рыться на одной из полок. — Встретились мы случайно возле брошенного дома Грола, я могу тебе его показать. В остальном... Я вообще надеюсь, что тебе не придется никому ничего рассказывать. Просто, если вдруг спросят, лучше такая фантастическая история, чем неопределенное бляение. Любой уверенный ответ всегда лучше невнятного бормотания, даже если он неправильный, это я тебе как преподаватель говорю, — со смехом заверил Май и протянул мне нетолстый тяжелый томик. — Вот, держи, это интересная приключенческая история, в достаточной степени достойная доверия. Автор несколько лет жил на Брадице.

— Ладно, как скажешь. Надеюсь, действительно никто не спросит. Мне сначала это прочитать, а потом поедem?

— Нет, поедem сейчас, это развлечение на вечер. Господин Станкевич не станет спрашивать лишнего, ему достаточно моих слов, — отмахнулся мужчина. — Тебе много времени требуется на сборы?

— Пара минут! — заверила я.

Куда сильнее разговора с поверенным меня интересовало знакомство с городом и его обитателями при свете дня, так что собиралась я очень поспешно, не желая откладывать прогулку ни на минуту. Впрочем, сборами это назвать сложно — расчесалась и заплела две косы, заодно осмотрела себя в зеркале повнимательней. И то ли благодаря прическе, то ли еще почему-то заявленные семнадцать лет моему отражению подходили, по-прежнему не сочетаясь при этом с внутренними ощущениями.

А с зелеными глазами — и правда ничего так, хорошенькая. Тем более что брови и ресницы не белые, а коричневые: вроде не такой уж темный цвет, но на фоне светлой кожи заметно выделяются. Может, потому и симпатичная, а то была бы — сущее привидение.

С этим выводом я и выскочила в прихожую, едва не подпрыгивая от нетерпения. Май поглядывал на меня снисходительно и даже как будто с улыбкой в уголках глаз. Сам предложил локоть — кажется, начал привыкать.

— Предсмертный бред Пикассо, — пробормотала я, потрясенно разглядывая улицу и прохожих через окно медленно катящего авто. — Фестиваль косплея, блин!

— Что? — не понял Май.

— А? Нет, все в порядке, это... что-то такое вспомнилось из прошлой жизни, — рассеянно отмахнулась я и прилипла к стеклу, продолжая таращиться на дневной город.

Местные жители были... яркими. Те самые цветные пряди в прическах пестрели у каждого первого, даже у тех, кто был одет сдержанно и строго. Да и ярких нарядов хватало, в основном у молодых девушек, но и женщины, и мужчины иных возрастов в подобной одежде явно никого не смущали.

— Ух ты! Панки?! — ахнула я, зацепившись взглядом за компанию оживленно обсуждающих что-то мужчин, причем среди них несколько было в возрасте, а один так вообще сухонький старичок с палочкой. У кого-то цветные волосы топорщились ежовыми иголками, у кого-то стояли гребешками — одним, двумя и даже тремя. Клетчатые штаны, тяжелые ботинки, мешковатые рубахи, жилетки и куртки с шипами, какие-то браслеты...

— Кто? — растерянно уточнил Недич и пояснил, когда я бесцеремонно ткнула пальцем в компанию, благо мы как раз остановились на светофоре: — Я не знаю, кто такие... панки. А это служители Синего бога, Лазура.

— Синего — это же не в смысле алкоголизма, да? — захихикала я.

— Синего — это того, от которого идет синяя магия. Изменение и разрушение, взаимодействие и противоречия во всех формах. При чем тут алкоголь? Знаешь, боги не вмешиваются в дела смертных, но лучше все-таки над ними не смеяться, — сказал Май неодобрительно.

— Извини! — Я выразительно закрыла ладонью рот и постаралась посерьезнеть. — Просто... неожиданно. И я совершенно точно прежде не слышала о таком боге, и люди в подобных нарядах ассоциируются у меня совсем с другим.

— С чем именно? — любопытно спросил Недич. — Что это такое — панки?

— Ну... — начала я и запнулась. — Не помню, — призналась смущенно. — Но уверена, что выглядят они именно так, и почему-то в сочетании с Синим богом это смешно. А почему у них такие наряды? И прически?

— Я не помню, но в этом точно есть какой-то символизм, — с легким смущением признался мужчина. — Противоречия и смешение всего. Мягкая ткань и твердый металл, прямые линии и бесформенные рубахи... Если хочешь, у меня где-то была книга по истории веры, найду.

— Хочу, но потом, — решила я. — Это не срочно, есть куда более важные вещи. Ты только расскажи, пока едем, сколько у вас всего богов и как выглядят их служители. Они только у Синего такие... специфические?

Богов оказалось три, по все тем же цветам магии, еще Желтый Охор и Алый Черешар. Черноту отдельным божеством не персонифицировали, но свои жрецы у нее тоже были, и только они имели право совершать похоронные обряды. Тогда как другие религиозные таинства вроде свадьбы и имянаречения мог вести жрец любого из трех оставшихся божеств, по усмотрению участников ритуала. Про внешний вид Май так толком и не ответил, просто пообещал показать при случае. Я согласилась, что это лучший вариант.

В ответ на полушутливое возмущение, что все боги — мужчины и это шовинизм, Май покосился на меня озадаченно и пояснил, что боги вообще не имеют никакого пола, они же

боги. Субстанция иного порядка, которую странно мерить человеческими категориями. Я устыдилась.

На этом фоне визит к поверенному прошел скучно и обыденно. В строгом безликом кабинете нас встретил невыразительный полный мужчина с внимательным взглядом, седыми волнистыми волосами до плеч, уже привычно разлинованными яркими прядями, и большой лысиной на лбу. Разговор вышел коротким и обстоятельным, а я за время визита открыла рот всего два раза — поздороваться и попрощаться.

Гораздо веселее прошел забег по продуктовым лавкам. Май пытался возражать, что мне не стоит заниматься приготовлением пищи, и вообще, в доме есть кухня, но получалось у него неубедительно. Кажется, против результатов моих кулинарных экспериментов он не возражал, его не устраивало лишь то обстоятельство, что гостя встанет к плите — невежливо же!

Потом мы перекусили в небольшом уютном кафе и вернулись домой. Там я переоделась в халат и, пока Май подбирал мне учебники и возился с собственными документами, колдовала на кухне. Кажется, из всей готовки я предпочитала возню с мясом: процесс мытья, резки и подбора специй оказывал магнетическое воздействие, даже прекращать не хотелось. Может, в прошлой жизни я все-таки была поваром? Или это хобби такое?

Недич старания оценил. Он с таким удовольствием и скоростью наворачивал мою стряпню, едва успевая нахваливать, что всерьез озадачил. В деньгах Май не нуждался, что мешало ему нормально питаться?! Потому что получилось, конечно, хорошо, но не думаю, что местные ресторанные повара готовят хуже.

В ответ на осторожное замечание по этому поводу мужчина признался, что в последнее время редко выбирался из Зоринки, жил в тамошнем общежитии и ел в столовой, а там кормят хоть и сытно, и вполне съедобно, но далеко не так вкусно.

Удивительно непритязательный аристократ, да уж.

ГЛАВА 3

Владеющие информацией живут долго, не владеющие — счастливо

Вчерашний совместный ужин и последующие посиделки в кабинете — каждый со своим чтивом — прошли совсем по-домашнему, и сегодня утром я встала с ощущением, что Недича знаю если не всю жизнь, то существенную ее часть. С другой стороны, если подходить к вопросу буквально, так и было: от роду мне всего сутки, и с Маем я впрямь познакомилась в самом начале своего жизненного пути. Но об этом приходилось постоянно себе напоминать: несмотря на отсутствие личных воспоминаний и принятую легенду, я продолжала ощущать себя вполне взрослой женщиной.

Сегодня Маю предстояло несколько лекций, и вообще намечался очень плотный график, поэтому меня оставили на хозяйстве. Я не возражала, мне и без того было чем заняться. Боги с ней, с готовкой; у меня неотложного чтения на пару месяцев вперед!

Май нашел несколько старых учебников, по которым учился сам, и я обосновалась с ними на кухне, чтобы совместить чтение со стряпней. Книжки были совсем детские, с большими буквами и яркими картинками, так что ощущения от чтения возникали странные. Но я и не спешила просить что-то серьезное: во время чтения возникала масса вопросов!

Начала, конечно, с истории и географии и только подтвердила прежние ощущения от знакомства с миром: я определенно видела все это впервые. Недич предполагал, что я из далекого будущего, но насколько же оно должно быть далеким, чтобы мне даже очертания континентов казались совершенно чужими?!

А если этот мир мне настолько чужд, может, я попала сюда из какого-то другого? Надо спросить у Мая или Стевича, существуют ли такие, но версия кажется логичной и правдоподобной. И почему-то совершенно не вызывает отторжения.

Конечно, с ходу запомнить все и сразу я даже не пыталась, но читать старалась вдумчиво, сосредоточенно, цепляясь за ключевые имена и события.

Из жизненно необходимого и очень важного я, например, выяснила, что местное летосчисление перевалило за восемь тысяч: учебник истории, например, был напечатан в восемь тысяч сто двадцать четвертом году. Отсчет велся от пришествия богов и сотворения человека, правда, в

первые тысячелетия — весьма условный. Первая письменность появилась только три с половиной тысячи лет назад, и то в виде иероглифов, а современное звуковое письмо насчитывало меньше двух тысячелетий.

За это время мелкие государства собирались в большие, рассыпались снова — сначала только на этом континенте, потом, с развитием мореплавания, и на соседнем. В последнее время все было достаточно тихо, разные народы под знаменем Ольбада сосуществовали вполне мирно, учебник подтвердил слова Недича.

Когда громко хлопнула входная дверь, я стояла у плиты, на пару минут отложив книги.

— Май, ты решил пообедать дома? — весело крикнула в глубину квартиры. — Иди сюда, у меня скоро все будет готово!

Однако ответом стал громкий и резкий цокот каблучков, явно женских, и я быстро обернулась к открытой кухонной двери, на всякий случай удерживая в руке увесистую сковородку, на которой мешала лук.

— А ты кто такая? — вместо приветствия мрачно спросила появившаяся на пороге женщина. Роскошная брюнетка с короткой стрижкой в узком синем платье, которое больше походило на вечернее, с меховым манто на плечах, она была исключительно хороша — но также исключительно неуместна здесь и сейчас. Оценив высоту каблучков и крохотную сумочку в ее руках, я спокойно вернула сковородку на плиту, после чего опять обернулась, вытирая руки. — Только не говори мне, что ты бывшая любовница Мая и пришла устраивать сцену, — хмыкнула я. Проявлять вежливость, когда эта особа первая начала хамить, было выше моих сил.

— Может, я нынешняя жена? — Она одарила меня презрительной усмешкой.

— А я тогда — Любомир Первый, — удачно вернула только что вычитанное имя первого полубогиндарного правителя Ольбада — еще из тех времен, когда владычество было княжеством. — Если тебе нужен Май, он сейчас в Зоринке, можешь поискать его там. А мне тебя развлекать некогда, извини.

— Значит, слухи не врут, — сказала брюнетка, проигнорировав мой намек, прошествовала к столу и с отрепетированной грацией опустила на выдвинутый стул. — Малыш и правда завел себе девку. Тебе хоть семнадцать-то есть, шлюха?

— Я вот думаю, тебе рот помыть с мылом или сразу разбить голову? — растерянно уточнила я. Такое внезапное хамство плохо сочеталось с ухоженной, эффектной и даже благородной наружностью незваной гостьи, и это сбивало. — Знаешь, мне сейчас лень упражняться в остроумии. Ругаться и рыдать я не буду, можешь не стараться. А если тебе охота подраться, так у меня есть горячая сковородка, не советую.

— Зубастая, — с непонятной интонацией протянула брюнетка, слегка сощурившись. — Сколько тебе заплатить, чтобы ты отцепилась от моего брата?

— Брата?! — недоверчиво переспросила я. Ну ни фиги себе разница в воспитании... — Кто-то из вас приемный? У вас разные отцы? Тебя украли ребенком?!

— Что за чушь?! — Незваная гостья так растерялась, что на несколько секунд даже забыла, что надо сохранять брезгливое выражение лица.

— У нас с тобой весь разговор можно назвать этим словом, — поморщилась я в ответ. — Но сейчас мне просто непонятно, как у такого безукоризненно вежливого и заботливого Мая могла вырасти сестра-хабалка. Не похоже, что вы воспитывались в одной семье!

— Не уходи от вопроса, девка! — Опомнившись, дама поднялась и повысила голос. — Сколько? Пятьсот? Шестьсот? Тысячу?!

— Боги, это какой-то сумасшедший дом... — пробормотала я, потерла обеими ладонями лицо и отвернулась, чтобы добавить лук к тушающемуся мясу, а то он уже гореть начал.

Теперь понимаю, почему Недич не упоминал своих родственников и вообще жил в основном в Зоринке. Попроситься, что ли, к нему в общежитие?

— Смотри на меня, шлюха, когда я с тобой разговариваю! — Голос женщины под конец сорвался на визг. Хотя хватать меня за руки она пока не спешила: то ли все же не настолько нервная, то ли угрозу про сковородку запомнила.

— Ты не разговариваешь, ты орешь, — проворчала я, раздумывая, как без рукоприкладства выставить скандалистку. Разговаривать с ней, похоже, бесполезно, не драться же, в самом деле! Может, она просто больна на голову? Да и Май небось расстроится...

— Ах ты...

Брюнетка выдала длинную заковыристую тираду, которую я постаралась запомнить: материться она умела.

— Боги, что здесь происходит? — прозвучал на пороге незнакомый мужской голос. Я опять обернулась со сковородкой наготове, а Маева сестрица захлебнулась руганью и отпрянула от меня — кажется, испугалась, что я покушаюсь на ее лицо. — Любица, а ты-то что здесь забыла?! И кто эта девушка?

— Май притащил домой шлюху! — прошипела та.

— Но это его дом, какая тебе разница? — обезоруживающе улыбнулся новоприбывший, с любопытством разглядывая меня. Я ответила тем же.

Новый гость оказался симпатичным мужчиной моложе Мая. Тоже смуглый, тоже темноволосый, с обычными для местных яркими прядями, с обаятельной улыбкой и ямочками на щеках. В лучистых карих глазах плясали веселые искорки. Исключительно обаятельный тип. А еще он был неуловимо похож на скандальную Любицу и — я теперь это поняла — на самого Мая.

— Какая разница?! — задохнулась брюнетка. — Ты хочешь, чтобы он все семейное состояние спустил на баб? Опозорил семью и память родителей?!

— Сейчас этим занимаешься именно ты. — Мужчина скривился так, словно в него плеснули помоями. Кажется, он мне уже нравится... — Прекрати. Я Андрий Марич, кузен Мая. А вы?.. — коротко поклонившись, осторожно спросил гость.

— Майя. Майя Грол, — с трудом вспомнила я выдуманную фамилию. — Май взялся позаботиться обо мне в память о моем отце, они были хорошо знакомы.

— Хорошо заботится! — зло прошипела Любица.

— Не жалуясь, — отмахнулась я.

— Майя? — с улыбкой переспросил Андрий. — Занятно. Хотя пока, насколько я вижу, именно вы заботитесь о нашем молодом князе, да?

— Мне хочется как-то отплатить за добро, — ответила ему. — Пока получается только так.

— Мне это надоело! — Женщина вдруг резко поднялась. — Пусть с этой дрянью стража общается, я их сейчас вызову!

— Любица, не горячись. — Андрий успел перехватить ее за локоть. — Ну зачем тебе это надо?

— Да ладно, пусть вызывает, — меланхолично отмахнулась я. — Хозяин дома — Май, без него никто ничего решать не станет и на слово какой-то истеричке не поверит. Его сорвут с занятий, чтобы разобрался со своими бабами, потом вся Зоринка будет долго молотить языками... Как думаешь, Май поблагодарит за такое?

Любица метнула на меня яростный многообещающий взгляд, вырвала руку из захвата и молча ушла. Через пару секунд громко хлопнула входная дверь, и я не сдержала облегченного вздоха. Продемонстрированной уверенности я не испытывала, это был чистой воды блеф. Я понятия не имела, какие тут законы; может, как ближайшая родственница, Любица вполне могла распоряжаться в этом доме. К тому же она действительно сестра, а у меня даже документов нет, и кому поверят скорее?! Стражи вполне могли не полениться и посадить меня под замок для острастки, еще и пару нераскрытых преступлений на мою голову повесить...

Нет, я в Мая верила, он бы меня не бросил. Хотя бы даже не из благородства, а из обыкновенного опасения за друга, которого я могла выдать. Только для этого он сначала должен был выяснить, что именно случилось, куда меня увезли, да и вытащить кого-то из тюрьмы вряд ли просто даже для князя. Несколько дней в застенках — это последнее, чего мне сейчас хотелось.

А вышло, что я угадала и никаких особенных прав эта дама не имела. Приятно.

— Не сердитесь на нее, — осторожно подал голос Андрий. — Любица всегда была...

своеобразной, а смерть родителей стала для нее тяжелым ударом. Нехорошо так говорить, но мне кажется, она больна. — Гость выразительно покрутил рукой в воздухе у виска.

— Это многое объясняет, — вздохнула я. — Ой, может, чаю? И вы наконец объясните, зачем пришли сюда в отсутствие Мая? И она тоже.

— Не откажусь от обоих предложений. — Мужчина обаятельно улыбнулся, но, вместо того чтобы смиренно сесть, отобрал у меня чайник и банку с заваркой. — Садитесь, Майя, я сам все сделаю.

Ну вот, мир опять встал с головы на ноги, это уже гораздо больше похоже на традиционное семейное воспитание. Спорить я не стала: зачем ставить хорошего человека в неловкое положение?

— Все просто, — продолжил между тем гость. — Я принес приглашение для Мая и, что уж там, очень надеялся все-таки его застать и вручить лично. Я был недалеко, решил рискнуть, попытаться счастья и заглянуть сюда. Когда консьерж сказал, что Недич не замыкал охранный контур и в квартире есть кто-то, представленный охране как хозяин, я, конечно, решил, что это Май и мне улыбнулась удача. Очевидно, Любица подумала так же и потому так разозлилась при виде вас. Досадно, что кузена нет, но все же хорошо, что я решил зайти. Боюсь даже представить, до чего могла дойти его сестра. — Он недовольно скривился.

— Да уж, вы очень вовремя. — Я скопировала его гримасу. — А ей что было нужно?

— Подозреваю, деньги, — нехотя признался Андрий. — Любица замужем, но она выбрала себе супруга, который не способен удовлетворить все ее нужды и капризы. Родители в ней души не чаяли, единственная дочка, поэтому отец и допустил такой мезальянс, и содержание ей выплачивал, и капризам потакал. Да что говорить, ее очень избаловали, а богемный образ жизни и семейная трагедия окончательно испортили характер. Май оставил сестре содержание, но он... как бы это сказать? Весьма скромнен в запросах и не одобряет жизни на широкую ногу, да и Добрило, муж сестры, очень ему несимпатичен, так что чеки сверх назначенного покойным отцом содержания он выписывает крайне неохотно. Поэтому, насколько я знаю, Любица предпочитает являться и требовать лично.

— Какие высокие отношения, — хмуро проворчала я. От всего этого было противно. Кажется, я тоже не одобряла жизнь на широкую ногу и поведение этой женщины. Или дело в том, что мне категорически не понравилась сама женщина? — Не понимаю, как они получились настолько разными, хотя вроде бы брат и сестра... Тут и правда только психической болезнью можно все объяснить. Но странно, неужели родители этого не заметили? Неужели можно в здравом уме потакать такому?!

— А вы ничего не знаете о семье Мая? — Кажется, Андрий искренне изумился.

— Так получилось, — увильнула я. — А что там было не так?

— Наш молодой князь был самым младшим ребенком в семье и... лишним, что ли? Трое старших братьев — наследник и еще пара, так сказать, запасных сыновей, любимица-дочка. И Май. Его, впрочем, такая судьба вполне устраивала — никого не волновало, какую карьеру выберет младший сын, поэтому кузен спокойно связал свою жизнь с обожаемыми дирижаблями и небом. А потом эта ужасная история, и вот... Про ту аварию вы, я так понимаю, тоже не знаете?

— В общих чертах. — Я пожала плечами, стараясь сохранять незаинтересованный вид. Не знаю, насколько это получалось: по ощущениям, уши у меня вытянулись и повернулись в сторону собеседника, чтобы не упустить ни слова.

— Разбился дирижабль, которым командовал Май и на котором летела почти вся семья, кроме Любицы. Отец, мать, старшие братья с женами и детьми: планировалось большое семейное торжество в связи с пятидесятилетием брака старого князя. Май единственный выжил в том крушении, никто до сих пор не знает, как ему это удалось. Потом все эти разбирательства... Его же обвиняли в том, что катастрофу устроил именно он, намеренно, чтобы получить титул. Потом, конечно, оправдали, но история длинная и грязная, с участием владыки и вообще на всю страну. Очень странно, что вы не слышали.

— Я слышала, но без подробностей. — Прозвучало, кажется, вполне правдоподобно. Во всяком случае, Андрий не стал коситься на меня с подозрением и продолжать расспросы. Впору гордиться собой: хватило выдержки не ужасаться и не ругаться вслух. — А самому Маю очень неприятно об этом вспоминать.

— Его нетрудно понять, — охотно поддержал собеседник. — На него и газеты грязи вылили изрядно, и бывшие друзья, и весь высший свет. Пока разбирательство шло, а это несколько лун, его увлеченно травили все, кто мог, только с полгода назад шум улегся. Но Май молодец, он потом у нескольких крупных газет иски выиграл и отсудил солидную компенсацию за клевету. Семейная хватка.

— Угу, — неопределенно буркнула я, болтая ложкой в чашке и наблюдая за танцем чаинков. Подмывало спросить, а как оставшиеся в живых родственники поддержали Недича в трудную минуту, но я прикусила язык. И так все ясно. Небось только университетские друзья его тогда и

приняли, не поверили обвинениям и помогли устроиться в Зоринку. Он же наверняка еще и без средств к существованию остался...

А еще очень царапнуло высказывание про семейную хватку и суд с газетами. Я не думала, что Андрий врет, зачем бы ему? Но все равно не могла представить, что Недич участвовал в чем-то подобном, слишком он шепетил.

Впрочем, догадываюсь, как все могло быть: велел разобраться господину Станкевичу, который поверенный, а тот мужик ой какой тертый.

— А что за приглашение? — спросила, меняя тему.

— Ничего грандиозного, небольшой камерный прием, буквально пара десятков гостей, — поспешил заверить Марич и полез во внутренний карман пиджака, откуда достал плотный белый конверт и протянул мне. — Маю нелишне развеяться, да и показываться в свете нужно хоть иногда. Может, у вас получится вытащить его из этой норы!

— Вы меня переоцениваете.

— Я на вас очень надеюсь, — серьезно возразил Андрий. — Понимаете, свет не прощает пренебрежения. Май имеет право не любить этих людей и не доверять им, но бесконечно вести жизнь затворника не получится. Затворничество молодого князя готовы прощать, пока еще свежа память о гибели его отца, но потом это может принести проблемы. Даже в делах, не говоря уже обо всем остальном.

— Сомневаюсь, что в Зоринке кому-то важна его светская жизнь, — хмыкнула я недоверчиво.

— Я сейчас говорю не об университете, а о высшем обществе и управлении семейным делом. — Марич качнул головой. — Отмежевавшись от света, Май поступил недальновидно.

Это сейчас ему интересно и исключительно важно преподавание, а что станет через десять лет — неизвестно. Время же будет упущено, а репутация испорчена. И дело не только в нем самом, он ведь еще молод и наверняка женится, пусть не сейчас, пусть через несколько лет. Каково будет той бедной девушке терпеть нападки? Если поначалу она еще сможет не обращать внимания на его репутацию — у Мая очень много других достоинств, — то потом, рано или поздно, общественное отношение отравит жизнь.

— А если он вдруг найдет себе жену там же, в Зоринке? — любопытствовала я.

— Князь Недич? Женится на лаборантке? — изумился Андрий. — Не хочу вас расстраивать, романтической юности сложно принимать такие вещи, но владыка никогда не одобрит подобного союза. Маю просто не разрешат заключить брак такого рода.

Рвущийся с языка вопрос о необходимости согласования на высоком уровне интимных вопросов я, к счастью, сумела удержать. Как и замечание о том, что Май скорее от титула откажется, чем позволит мнению какого-то там общества диктовать ему, с кем общаться. Не хотелось начинать пустой спор, да и... справедливости ради, я ведь не настолько хорошо знаю тезку, чтобы делать подобные выводы. Все же одно дело — работа в университете, милое и безобидное чудачество, а совсем другое — нарушение приказа сюзерена. Вот велит ему владыка жениться на какой-нибудь княжне с хорошей родословной, и никуда бедный Недич не денется, пойдет под венец.

М-да, ну и порядочки. Не помню, кем я была раньше, где и как жила, но такой дикости там точно не было. Или, вернее, была, но устойчиво ассоциировалась с выражением «дикое средневековье» и красивым словом «анахронизм».

— Хорошо, я передам ему ваши слова, — задумчиво кивнула под внимательным, оценивающим взглядом Андрия, который пытался прочитать что-то по моему лицу.

Тьфу! Да понятно, что именно. Обиду, разочарование и недовольство он искал, нормальные эмоции любовницы, которая мечтала стать женой богатого мужика, но получила щелчок по носу. Наивный. Май, конечно, очень милый и симпатичный, но мне сейчас не замуж за него хочется, а усыновить и отгонять венником таких вот доброжелателей. А то ведь он сам воспитанный, он же не пошлет, терпеть будет до последнего!

— Спасибо! — наконец сказал Андрий, сделав для себя какие-то выводы. Знать бы, какие именно... — Вы на удивление рассудительная девушка, что при такой красоте делает вас настоящей грозой мужских сердец. — Гость поднялся и одновременно с комплиментом отвесил поклон.

— Скорее уж кошелек, — насмешливо отозвалась я, и на этой позитивной ноте Марич распрощался, сославшись на какие-то важные дела.

За кошелек испугался, точно-точно.

К учебникам своим я вернулась с опаской, ожидая еще каких-то проблем. Но жаждущие общения родственники Мая закончились, а больше вламываться без приглашения никто не рисковал, и до вечера я дожила без приключений. Успела все приготовить, существенно продвинуться в географии и истории, как следует обдумать полученную от Маевой родни информацию и составить план на ближайшее будущее.

Картина жизни тезки вырисовывалась ясно, а последние перемены в ней казались по-настоящему трагическими. Последний сын в семье, который рос предоставленным самому себе, нянькам и воспитателям. Но поскольку вырос он добрым и заботливым, скорее всего, детство несчастным не было. Может, повезло с нянькой или кем-то из учителей, или с экономкой, или старшие братья у него были хорошими, но мальчика явно кто-то любил и заботился о нем. А наличие других наследников дало возможность выбрать жизненный путь самостоятельно, без оглядки на долг перед родом.

Потом эта авария. Представляю, каково ему было, бедному: чудом выжил — и только для того, чтобы оказаться обвиненным в преднамеренном убийстве всей семьи. Небось прямо на больничной койке допрашивали! Еще повезло, что в конце концов сняли обвинения, а то казнили бы, и привет. Но зато теперь ни затворничество, ни замкнутость, ни магический перекос вопросов не вызывали.

План мой был прост и состоял всего из одного пункта: показать всему этому высшему свету кузькину мать. Точнее, сначала вспомнить, что в этой почтенной женщине такого грозного и почему ее должны бояться, а потом — непременно показать. И начать все это на том самом приеме, приглашение на который лежало сейчас на кухонном столе.

В общем, к возвращению Мая я была бодра, полна энергии и готовности бороться за его счастье и благополучие. Но к важному разговору разумно приступила только за чаем, предварительно как следует накормив уставшего мужчину. Начала с главного:

— Май, тебе нужна невеста!

— Чего? — просипел он, поперхнувшись чаем.

— Невеста нужна, — подтвердила я, участливо хлопая ошарашенного тезку по спине.

М-да. С главным я немного погорячилась, надо было заходить издалека, подготовить его как-нибудь...

— Зачем? — прокашлявшись, осторожно уточнил Недич.

— Как — зачем? Пока не женили принудительно! Нужно найти приличную девушку из хорошей семьи, чтобы никто не мог придраться. Но нормальную, чтобы она не о деньгах думала и всяком таком, и вообще, чтобы человеком была хорошим. Добрая, милая и преданная, а не какая-нибудь там стерва. Не может же у вас во всем высшем обществе не быть таких девушек?! Да нам много и не надо, одной хватит...

— Погоди! — Май предостерегающе вскинул руки и ошалело потрянул головой. — Кто меня женит принудительно? Откуда ты это взяла?!

Пришлось немного отложить грандиозные планы и вкратце пересказать Недичу события дня, предъявив в доказательство приглашение. Правда, кратким изложением Май в итоге не удовлетворился, устроил форменный допрос, вынудив чуть ли не изобразить все в лицах, начиная с визита истеричной Любицы. Ее я поначалу вообще не хотела упоминать, чтобы не расстраивать мужчину, но потом так увлеклась, что не только все рассказала, но еще и обругала его родственничков, и вообще в подробностях объяснила свое видение ситуации. Под конец тезка уже не задавал никаких вопросов, просто слушал, недоуменно приподняв брови и провожая меня слегка расфокусированным взглядом. Даже с места не подорвался, когда я встала и принялась в негодовании расхаживать туда-сюда.

— Боги, Майя! — наконец выдохнул Недич, поставив локти на стол и уткнувшись лбом в ладони.

— Я... не хотела тебя расстраивать, прости, пожалуйста, — тихонько проговорила и, подтащив стул поближе, уселась рядом с тезкой. Участливо погладила его по плечу. — Но эти ваши порядки!..

Плечи его под моей ладонью затряслись, но продолжить утешать я не успела: Май уронил руки на стол и расхохотался.

Так. Или это истерическое, или я что-то неправильно поняла. Сдается мне, второе вероятней.

— Я... погорячилась, да? — уточнила осторожно, с облегчением. — Все не так страшно?

— Чтоб я посерел! Немного погорячилась, да. Боги! Майя, ты... неподражаема, — выдохнул мужчина, тыльной стороной ладони утирая выступившие слезы и пытаясь унять смех. — Прости, это не очень-то вежливо с моей стороны, но...

— Ничего-ничего, смех продлевает жизнь, — отмахнулась я. — К тому же тебе очень идет улыбка. То есть ты уверен, что спасти тебя не надо... Ты что, уже женат?

— А этот-то вывод откуда? — хмыкнул он, успокаиваясь. — Нет, не женат. Прости. Это, наверное, на самом деле не так уж и смешно. Скорее это очень трогательно, что ты готова мне помогать и бороться со сливками общества. Но... уж очень все выглядело забавно.

— Да не извиняйся ты, лучше объясни. А то я заинтригована. Что, кузен наврал? У тебя не будет проблем?

— Андрий... нет, не наврал, что ты. — Май окончательное взял себя в руки, но в уголках глаз и губ еще теплилась улыбка. Я в очередной раз залюбовалась: он и так симпатичный, а когда улыбается — становится совершенно неотразимым, а еще теплым и каким-то светлым, невзирая на темную «масть». Не улыбнуться в ответ решительно невозможно! — Кузен просто поделился своим видением ситуации и отношением к ней. Андрий завсегдатай светских салонов, и лично для него мнение общества — вещь важная, даже определяющая. Но это отношение устарело на полвека, не меньше. В ведении дел куда важнее репутация в свете, а верность слову и другие личные качества, так что с этой стороны мне никакое игнорирование балов и званных ужинов не повредит. А про невесту... Владыка имеет право отказать в заключении брака, если посчитает его мезальянсом. Но Тихомир Пятый — разумный и дальновидный политик, он не так консервативен, как его отец, и не станет по такому пустяку наживать врагов среди ближайших подданных. Ну и, кроме того, у нас есть... договоренность. Я принял титул и аккуратно выполняю все сопутствующие обязанности, а он не касается остальных вопросов моей жизни, вполне удовлетворившись обещанием не умирать, не оставив достойного наследника.

— А как ты собираешься это выполнять? — растерялась я.

— Я обещал очень постараться, — иронично улыбнулся Недич.

— Погоди, а больше родственников у тебя нет? А как же кузен, сестра? Или женщины не наследуют?

— По воле владыки могут наследовать, но обычно в отсутствие других наследников, — ответил мужчина. — Если я умру, титул перейдет к кому-то из них по выбору владыки или к другим родственникам. У Андрия еще три сестры и младший брат, и более дальняя родня имеется. Владыка вряд ли этому обрадуется, потому что прямая ветвь прервется, но и только. Но в любом случае нет никакой необходимости срочно меня спасать и искать высокородную невесту, не волнуйся. А про визит родственников... прости, что так получилось. Но я приму меры, не волнуйся.

— А как они вообще сюда попали? — полюбопытствовала я. — Андрий что-то говорил про незамкнутый контур...

— Я уже почти год бываю тут наездами только ради деловых писем, получать почту на адрес общежития — не самое лучшее решение, там часто что-то теряется. Совсем забыл, как тут что настроено. Гораздо интереснее, почему их принесло именно сюда и как они узнали, что я временно перебрался в квартиру... Но, впрочем, не удивлюсь, если нас вчера видел кто-то из общих знакомых и поспешил поделиться новостью, — неодобрительно предположил тезка. — Ладно, не бери в голову, все это уж точно не твоя забота. Разберусь.

— Хорошо, давай действительно больше не будем об этом, — поспешила согласиться и сменить тему. Нежелание Недича обсуждать родственников я понимала и даже разделяла. — Май, а я весь день занималась историей и географией и только утвердилась во мнении: эти сведения для меня совсем новые, ничего подобного я никогда не читала. Больше того, я уверена, что все это должно выглядеть совсем иначе. Не помню как, но точно не так. И вот мне подумалось: а что, если этот мир мне не родной? Есть какие-нибудь другие миры?

— Мы с Гораном как раз и пришли сегодня к этому выводу. — Май улыбнулся уголками губ. — Теперь можно считать доказанным, что другие миры существуют, потому что иначе объяснить твои странности не получается. Но я не знаток этих теорий и подробнее объяснить не могу. — Он развел руками.

— Да и не надо, — легко отмахнулась я. — Честно говоря, меня прошлое мало беспокоит, мне куда интереснее настоящее и этот мир. Например, я все забываю спросить, мне не нужно перекрасить волосы?

— Зачем? — удивился Май.

— Чтобы никто не заподозрил во мне стертого человека. Я так понимаю, цветные пряди — это же проявление магии, да? У тебя их нет, голова целиком черная именно из-за перекося в соответствующую магию. Значит, у тех, кто подобной проблемы не имеет, должны быть эти попугайские цветные перышки, да? Или нет?.. — Я вопросительно вскинула брови, потому что Недич слушал меня с достаточно ошарашенным видом.

— Интересно, а это со всеми стертymi так работает?..

— Что именно? Или ты полагаешь, что эти перья мне мерещатся?! — опешила я.

— Да как тебе сказать...

Оказалось, эти самые цветные пряди никто в нормальном состоянии не видит. То есть разглядеть их можно, но этому нужно долго учиться. Направление науки называлось «хроматология», и специалисты в ней представляли собой особую категорию врачей-диагностов, работающих в тесном сотрудничестве с психотерапевтами и психиатрами. Что неудивительно, учитывая особенности магии.

Для меня важно было другое: случайный прохожий на улице или любой другой человек, даже в долгой беседе, не мог заметить эту странность. А глаза, волосы и кожа были уже естественных цветов, хотя и необычных.

Май предположил, что эта особенность восприятия связана у меня с временным отсутствием собственной магии. То есть я сейчас настолько восприимчива, что вижу «спектральные метки», не напрягаясь и даже не сознавая, что именно вижу.

— А почему я в таком случае не вижу магию в других местах? Например, приборы в лаборатории, где я очнулась. Они же должны пестреть разноцветными пятнами! Ой, хотя пятна же были... — вспомнила я. — В самый первый момент они надо мной плавали в воздухе, а потом куда-то делись!

— Давай ты задашь этот вопрос Стевичу, — вздохнул Май. — Я, конечно, могу предположить, что это связано с отличиями магического фона живых существ и неживых предметов и что спектральные метки — больше свойство души, чем тела. Но это только логические предположения, а Горан ответит точно.

— А что, я в ближайшем будущем с ним увижусь?

— Ты не хочешь? — насторожился мужчина. — Не волнуйся, он тебя не обидит.

— Да я и не волнуюсь. Просто вроде бы говорили, что меня нельзя оставлять надолго с другими людьми, не скажется ли это на здоровье? А то я еще с визита портнихи об этом периодически задумываюсь.

— Не волнуйся, Горан предпримет все необходимые меры предосторожности, — заверил меня тезка. — К тому же несколько часов общения вполне допустимы, если это происходит не каждый день. Горан хотел провести какие-то тесты и что-то проверить, и я имел неосторожность от твоего имени согласиться. Все же ты — его эксперимент, я не был уверен, что имею право...

— Май, не извиняйся, все в порядке, — отмахнулась я. — Буду только рада компании, и мне тоже интересно, как я получилась. Ты мне лучше вот что скажи, у тебя есть какой-нибудь знакомый, которого не жалко?

— В каком смысле? — удивился Недич.

— Не жалко побрить налысо, — пояснила ему.

— Зачем?! — опешил он.

— Мне просто интересно, а как будут выглядеть эти спектральные метки на совершенно лысом человеке. Они ведь в волосах, даже если те достаточно короткие, и больше нигде. А у лысого как? Что, будут полоски на черепе? Или вообще ничего? Но ведь это нечестно! Май, ну хватит ржать, серьезный вопрос, между прочим!

Я попыталась изобразить обиду, даже в показном негодовании ткнула его кулаком в плечо, но серьезную мину не удержала и сама рассмеялась.

— Боги! Майя... — пробормотал Недич, когда сумел нормально говорить. — Я не успеваю за галопом твоих мыслей. Давно так не смеялся. Прости, не хотел тебя этим задеть.

— Брось, на что тут обижаться, мне даже нравится. Ты и так очень милый, а когда улыбаешься — ну просто слов нет! — заверила я, подперев ладонью щеку и глядя на тезку с умилением. — Так что с удовольствием буду смешить тебя и дальше, готовься.

Кажется, это заявление мужчине несколько смутило, но глаз он не отвел, продолжал смотреть с улыбкой и теплыми искорками в черных глазах. Хм. Или они у него все-таки не совсем черные, а темно-синие? Или тут просто освещение такое?

Вечер у нас прошел почти традиционно: в кабинете, за разговорами и собственными делами. Я читала, Май опять корпел над бумагами. Я не удержалась, спросила; оказалось, это были вперемешку письменные работы студентов, планы лекций, научные журналы и деловая корреспонденция. Не так уж далеко ушел Май от семейного дела: род Недичей владел двумя большими верфями, на которых строились корабли, морские и воздушные, несколькими ремонтными заводами и даже парой исследовательских лабораторий государственного значения, полностью объяснявших интерес и доступ Недича к информации о технических новинках. Управляло этим хозяйством несколько доверенных лиц, а тезка осуществлял общее руководство. Времени «хозяйство» отнимало уйму, но к своим обязанностям мужчина относился ответственно. Хотя, кажется, роль большого начальника ему не нравилась.

— Май, а ты бываешь на верфях и заводах? — с затаенной надеждой спросила я.

— Конечно. На всех и часто не получается, пара заводов находится на другом конце континента, но по возможности стараюсь. Иначе какой от меня толк?

— Я сейчас начну проявлять наглость, — предупредила я и подалась вперед, обеими руками вцепившись в край стола. — Май, возьми меня в следующий раз с собой! Ну пожа-а-алуйста! Ужасно хочется взглянуть, как это все выглядит! Особенно на строительство дирижаблей! Я буду себя очень-очень-очень хорошо вести! Честно-честно!

— Если тебе так хочется, то, конечно, поехали. — Май явно растерялся от моего напора, но согласился как будто без внутреннего протеста. Похоже, на самом деле не видел в этом ничего дурного.

А мне с трудом удалось вернуться к учебникам и отвлечься от мыслей о поездке, как будто предстояла она не через неопределенные несколько дней или даже недель, а вот прямо завтра. Не знаю почему, но возможность увидеть настоящий огромный завод, на котором собирают дирижабли, вызвала ажиотаж и непонятный трепет. От подобной перспективы меня переполняли восторг, предвкушение и странное сочетание нежности и умиления, и я все никак не могла объяснить себе это чувство. Интересно, я действительно занималась чем-то похожим в прошлой жизни или, наоборот, всегда мечтала, но не имела возможности?

Потом я более-менее успокоилась, отыскала собственную шпаргалку и задала Маю несколько вопросов. Например, узнала, что на дворе восемь тысяч сто сорок девятый год, последний месяц весны — цветань. Что Зоринка — огромный университет магической направленности, но готовит и специалистов в других областях, дипломы здесь получают разные специалисты, от военных инженеров до хроматологов и от физиков-теоретиков до философов. Учатся тут на равных и парни, и девушки, хотя последних традиционно меньше. Не потому, что им кто-то мешает, а потому что сами не горят желанием: за красивые глаза в Зоринке никто держать не станет, а к знаниям и саморазвитию местные женщины тянутся несколько меньше мужчин. Еще я узнала, что Май и Горан работают не только на разных кафедрах, но и на разных факультетах. Стевич оказался значительно старше моего тезки, так что вместе они не учились, а сдружились в спортивной секции: оба играли в университетской команде по звочу. Какая-то командная игра с мячом, я не расспрашивала подробнее.

Куда сильнее правил звоча меня по-прежнему интересовали подробности жизни Мая. Конечно, не исключено, что я по жизни сплетница, но мне казалось, что дело тут все-таки в конкретной личности. Мало того что Недич заинтриговывал даже теперь, когда я в общих чертах знала о произошедшем с ним и могла без труда додумать остальное, но главное, во мне все крепче укоренялась странная уверенность, что я могу ему помочь.

Даже не потому, что я такая веселая и замечательная; думаю, в других обстоятельствах мой характер и поведение вполне могли вызвать осуждение столь аристократически воспитанного мужчины. Нет, все дело в магии, которую я не понимала, но видела. Да тут надо быть слепой, чтобы не замечать: мы сейчас противоположности друг друга. По местным меркам мы оба больны, но — взаимоисключающими недугами. И если общество замкнутого после аварии и

закрытого от мира Мая полезно чрезмерно открытой мне, то наверняка это работает и в обратную сторону!

И не по этой ли самой причине Стевич сплавил меня жить именно к проблемному другу, которого он наверняка отчаялся отправить к врачам? Или как минимум эта идея послужила дополнительным аргументом.

Меня даже в конце концов посетила мысль, что ошибка, из-за которой я появилась в лаборатории, была вовсе не ошибкой, а точным расчетом, но я ее отогнала. Нездоровое какое-то предположение.

ГЛАВА 4

Честность — идеальная политика, то есть в реальности не существует

— Вот объясни мне, почему у женских нарядов пуговицы почти всегда сзади, да еще такие мелкие? — обратилась я к Маю, когда мы ехали в лифте.

— Я? — растерялся мужчина.

— А у кого из нас все хорошо с памятью и знанием здешних реалий? — уточнила ехидно. — Я-то, выходит, нездешняя. Пришелица. Хотя нет, это что-то другое, мне кажется. Оно подразумевает какую-то добровольность, а я сюда попала явно неосознанно. О! Попаданка! Какое глубокое, многогранное слово! Но это если случайно, а если Стевич меня сюда принудительно затащил, то, выходит, уже «затащунка»... Как-то неприлично звучит. Я в конце концов захихикала, Недич же с самого начала слушал мою пустую болтовню с благосклонной улыбкой, как обычно слушают лепет маленьких детей.

Кажется, его забавляли не столько мои слова, сколько я сама, но это совсем не обижало.

Похоже, я вообще не любила, когда люди вокруг хмурятся и злятся, тем более люди близкие, и готова была на ушах стоять, если их это развеселит. А Май, хоть я его и знала всего ничего, первый мой близкий человек в этом мире. Пусть временно, пусть он даже не друг — приятель и временный покровитель, но от этого он мне не менее симпатичен.

Когда дошли до великолепного вороного монстра, я снова плюхнулась на переднее сиденье, но с этим Май перестал спорить еще позавчера. А я не стала возражать, чтобы он открыл мне дверцу, сегодня вот даже уняла зуд нетерпения и заставила себя подождать этого момента. Во-первых, зачем ломать многолетние хорошие привычки Недича, во-вторых, дверь действительно очень тяжелая, а в-третьих... Приятно же, чтоб мне посереть!

— Ну так что там с пуговицами? — вернулась к прежней теме, когда мы разместились в машине. — Только знай, я ни за что не поверю, что ты впервые столкнулся с этой проблемой три дня назад! Уж очень ловко у тебя выходит.

— Расстегивал. Застегивал. Носить — не доводилось, — легко отбрил Май, вырвав на улицу.

— Логично, — рассмеялась в ответ.

За подобной легкомысленной болтовней ни о чем мы через бурлящий утренний город докатились до Зоринки. Движение в это время оказалось достаточно оживленным. Попалась пара конных экипажей, но они скорее смотрелись диковинками, в основном по Беряне колесили разномастные автомобили.

Больше того, я наконец-то обратила внимание на наличие трамваев. Пузатые, длинные, покрашенные в красный, порой сцепленные поездами по две-три штуки, трамвайные вагончики напоминали связки сосисок. А торчащие пустые сцепки-хвостики только усугубляли впечатление.

Кажется, я сегодня недостаточно плотно позавтракала.

А вообще Беряна мне очень понравилась. Невысокие, в два-три этажа, дома с цветными черепичными крышами, широкие улицы, утопающие в свежей весенней зелени. Яркие люди, яркие автомобили, вычурные клумбы и вазоны с цветами... Хотелось пройтись по каменным тротуарам пешком, купить свежую булочку вон в той пекарне с полосатым козырьком, посидеть на бортике фонтана, бьющего в центре тенистого сквера.

Ближе к расположенному на окраине университету здания делались выше, улицы — шире, а поток авто — плотнее. Но понять, разочаровывает меня это или нет, я не успела, потому что

великолепный черный монстр нырнул в знакомый внутренний двор, где уже стояло несколько десятков машин. И с плавностью и неспешностью большого корабля среди утлых рыбацких лодок причалил к бордюру, заняв свободное место.

Недич вышел, обогнул автомобиль и открыл дверцу. Я терпеливо дождалась этого момента и даже воспользовалась предложенной рукой помощи, чтобы выбраться наружу. Потом, удобно подцепив мужчину за локоть, вновь начала разговор. На этот раз решила проверить одну очень навязчивую и даже, на мой взгляд, нелепую мысль, возникшую еще в прошлый мой «визит» в Зоринку, но благополучно забытую за более насущными вопросами.

— Май, а вы с Гораном не станете рассказывать обо мне ректору?

— Зачем? — растерялся он.

— Не знаю, — бесхитростно отозвалась я. — Это очень странное ощущение. Я умом понимаю, что это глупость, но почему-то уверена, что во всем происходящем должен участвовать именно он. Решила вот на всякий случай спросить.

Май покосился на меня недоверчиво, помолчал, а потом проговорил:

— Я шесть лет здесь учился и почти год преподаю. Я видел ректора Зоринки, профессора Дудковича, два раза. Первый — на вручении дипломов, второй — на торжественном собрании преподавателей в начале учебного года. Он не бывает ни на каких праздниках, это достаточно старый мужчина, которому все увеселения наскучили еще до моего рождения. Я даже примерно не могу представить, зачем бы ты — и мы все — могла ему понадобиться.

— Говорю же, умом я все понимаю. — Я весело хмыкнула. — Представления не имею, откуда взялся этот стереотип.

Сейчас в университете было очень людно. Что, в общем, предсказуемо: в прошлый раз мы преодолевали этот путь глубокой ночью, а сейчас днем, да еще в конце учебного года.

Большинству студентов и преподавателей было совершенно не до нас, они в разной степени взмысленности и замороченности шли мимо, полностью погруженные в собственные проблемы, лишь некоторые из них рассеянно здоровались.

Но порой нас провожали колкие, любопытные взгляды. Такие люди порывались подойти поближе, привлечь внимание, завязать разговор. Май отвечал подчеркнуто ровно, на его лице и мускул не дрогнул, но я могла поручиться, что мужчину очень злит такое внимание.

Привел меня Недич не в лабораторию, как я ожидала, а в свой кабинет, в его укромную часть, где и оставил с наказом дожидаться его и никуда не выходить. Причин возражать не было, так что я пообещала вести себя прилично. А поскольку никаких ограничений мне не поставили, решила удовлетворить собственное любопытство. Шарить по ящикам стола, конечно, не собиралась, а вот внимательно рассмотреть макеты, сам стол и чертежи на доске — совсем другое дело.

На бледно-розовой бумаге с частой линовкой карандашные следы читались трудно, но я даже, кажется, начала понимать, что именно там нарисовано: готова спорить, это был — неожиданно — редуктор. Неожиданно потому, что Май вроде бы занимался совсем другой темой, и потому, что я, оказывается, что-то понимала в этом вопросе! Но всерьез сосредоточиться на зыбких воспоминаниях не успела, отвлек шорох под ногами.

Вздвогнув от неожиданности, я опустила взгляд — и успела заметить, как мимо меня, мазнув по ноге длинным гибким хвостом, под стол пробежало крупное, серое...

А дальше были ощущение холодной когтистой руки, схватившей за горло, затопившая сознание паника и — провал.

Очнулась я вроде сразу. Но открыла глаза — и поняла, что совсем даже не сразу, потому что обнаружила в поле зрения Недича. Причем смотрела я на него сверху вниз. Кажется, именно от его окрика я и пришла в себя. Сразу сообразила, что сижу, как собака на заборе, верхом на чертежной доске, она опасно покачивается при малейшем движении и вообще непонятно, почему до сих пор не рухнула.

— Майя, что случилось? Как ты туда забралась? — изумленно проговорил мужчина, подходя ближе. — И почему, во имя богов, ты так визжала?!

— Не знаю, — смущенно призналась севшим, кажется сорванным, голосом. — То есть... тут крыса была. Я же говорила, я очень их боюсь...

От одного только воспоминания об этом, голом и гладком,

которое коснулось туфли, меня передернуло.

— Крыса?! — переспросил Май. — Не может быть, здесь же стоят отпугивающие чары, даже в столовой ни одного таракана!

— А я откуда знаю, как она сюда попала? — Попыталась возмущенно вскинуться, но доска дрогнула, и я испуганно замерла. Теперь уже вполне осознанно, потому что наверхнуться с высоты двух с половиной, а то и трех метров, да еще на стол (падать-то я буду вместе с доской!), не хотелось. — Может, из лаборатории сбежала! Но она там была! Мерзкая, серая, со скользким длинным хвостом... Бе-е-е! — Я опять дернулась, зажмурилась и тряхнула головой. — Хорошо, ладно, — примирительно заговорил Май. — Если и была, сейчас ее нет, она уже давно убежала. Ты мне веришь?

— Верю, — решительно кивнула я.

— Тогда спускайся.

— Не могу, — призналась виновато. — Кажется, у меня руки свело. А еще, если я дернусь, оно упадет. Страшно.

— Хорошо, сейчас я тебя оттуда сниму, — пообещал мужчина, подставив стул.

Одно могу сказать: хорошо, что я не на шкаф взлетела, оттуда снимать меня было бы сложнее, пришлось бы идти за лестницей. А так ничего, Май со стула вполне доставал. Наши лица оказались на одном уровне, мужчина мягко накрыл мои ладони своей, обжигаяще горячей, пытаясь осторожно отцепить пальцы от доски.

— Майя, все в порядке, держись за меня, — попросил он ровно, уверенно.

Я хотела возразить, что с удовольствием, но — не могу. Однако, неожиданно для себя самой, смогла. Наверное, спокойные слова в правильном порядке затронули какие-то струны внутри перепуганного подсознания, и то однозначно посчитало мужчину более надежной, а потому предпочтительной опорой. Пальцы послушно расслабились, и Май по очереди переложил мои ладони себе на плечи, потом аккуратно приподнял за талию и привлек к себе. И — о чудо! — я даже не потянула за собой доску, а как-то легко и послушно «перетекла» в надежные руки тетки.

Он перехватил меня поудобнее. Я трясущимися руками обняла его плечи — и поняла, что меня бьет крупная дрожь, в руках и ногах противная ватная слабость, а внутри непонятная опустошенность.

— Ну все, все, не бойся. Нет никаких крыс, — принялся уговаривать Недич. — Все хорошо. Осторожно спустился со стула, мягко усадил — или скорее положил — меня в кресло. Я бы, может, хотела вцепиться в мужчину клещом и не отпускать, но ослабевшие руки не позволили. Осталось только подтянуть ноги поближе и обнять собственные колени.

— Прости, что я такое устроила, — попросила смущенно, пока Май возился с чайником. — Сама не ожидала... Неужели я всегда так нервно реагировала на этих тварей?!

— Не обязательно, — возразил мужчина. — Может сказываться ослабленное состояние. То есть страх никуда не денется просто так даже после восстановления, но столь резко проявляться не будет. И тебе не за что извиняться, это ведь бессознательный поступок. Да и будь он сознательным, ничего страшного ты не сделала.

— Ну да, лучше так, чем если бы я полезла на какую-нибудь витрину и сломала эту красоту. — Я нервно передернула плечами и вымученно улыбнулась.

— Не расстраивайся. Главное, ты сама не пострадала. А вещи — это просто вещи, починил бы или выкинул, — отмахнулся он.

— Починил — то есть сам? — растерянно уточнила я. — То есть это все ты сделал?!

— Ну да. — Он неловко пожал плечами. — Это интересно и помогает приводить мысли в порядок.

— С ума сойти... — пробормотала я потрясенно. — У тебя еще и руки золотые!

— «Еще и»? — со смешком уточнил Май. Приблизился, опустился рядом с моим креслом на корточки и протянул большую кружку. — Держи, поможет успокоиться. Я добавил туда немного брады, это... такой крепкий алкоголь.

— Вкусно пахнет, — ответила я. Поднимающийся от чашки пар благоухал какими-то травами и специями, и один только аромат и обжигающие бока кружки в ладонях неплохо успокаивали. — Спасибо. «Еще и» в придачу ко всему остальному, — продолжила, задумчиво

разглядывая тезку, который не спешил уходить, так и сидел рядом с креслом, опираясь одной рукой на подлокотник. — Как ты умудрился до сих пор остаться холостым?!

— Ты постоянно задаешь вопросы, которых я совершенно не ожидаю и потому оказываюсь не готовым к ним. — Май иронично улыбнулся уголками губ, а в глазах мелькнули теплые искорки, опять заставив меня усомниться в их цвете. — При чем тут это?

— Это же очевидно. Ты такой замечательный во всех отношениях, и мне странно, как до сих пор ни одна девушка не рассмотрела это и не сумела тебя очаровать...

— Так получилось.

Губы его едва уловимо скривились — и я предпочла сразу же поменять тему. Потому что это был не расплывчатый уход от ответа, а вполне недвусмысленное «я не желаю обсуждать».

— А ты успел найти Стевича? Или услышал мои вопли с другого конца здания и вернулся?

— Ты не настолько громко визжала, — хмыкнул он. — Я как раз уже возвращался и хотел сказать, что Горан придет за тобой в конце пары. А по поводу крысы не волнуйся. Хоть я и не представляю, откуда она вообще взялась, но ловушки поставлю. Может, правда из лаборатории, или у кого-нибудь из общежития домашний любимец удрал.

— Да уж, любимец... — Я вздохнула.

Взгляд скользнул к столу и перекосившейся чертежной доске позади него, я поморщилась, после чего опять виновато пробормотала:

— И все-таки извини меня за это. Ужасно неловко, что...

— Майя, не извиняйся, прошу тебя, — оборвал Недич. — Если честно, все это было довольно... забавно.

— Ну да, весело, припадочную с забора стаскивать!

— Помогать попавшей в затруднительное положение даме и носить на руках красивую хрупкую девушку, — с улыбкой парировал Май.

— Сдаюсь! — Я вскинула свободную ладонь в жесте капитуляции. — Если тебе понравилось, кто я такая, чтобы спорить! Если вдруг еще захочется потаскать тяжести — обращайся, я с удовольствием. Только на доску больше не лезу, ладно? Не уверена, что в здоровом уме у меня это получится.

— Договорились, — серьезно кивнул мужчина.

На этом наш содержательный разговор прервало появление Стевича. С одной стороны, обидно, потому что Май тут же встал, и вообще, пропало очарование момента. А с другой... Если бы тезка еще пару минут вот так проникновенно и ласково поулыбался, я бы еще куда-нибудь полезла с риском для жизни, лишь бы он меня оттуда героически спас!

С ума сойти, ну какой же мужчина... Как он умудрился до сих пор не жениться?! Начинаю подозревать, что есть какой-то грандиозный подвох, и даже почти бояться. Срочно надо расспросить кого-нибудь сведущего, пока я не додумалась до каких-нибудь совсем ужасных вещей.

Да вот с Горана и начну, он вроде бы не слишком молчаливый тип, глядишь, и прояснит ситуацию, хотя бы в общих чертах.

— Ну как тут мое драгоценное творение? — бодро проговорил Стевич, с любопытством меня разглядывая.

— Прекрасно, доктор, — насмешливо отозвалась я. — Готова к экспериментам, но только не слишком бесчеловечным, хорошо?

— Это как? — озадачился он.

— Это чтобы в результате выживаемость человеческих особей стремилась к ста процентам.

— О, об этом можно не беспокоиться, — рассмеялся он. — Ничего страшного или опасного, обыкновенное, почти медицинское обследование. Май, ты...

— Когда освобожусь — присоединюсь к вам, — заверил он, и мы вышли из кабинета.

— Что там с теориями моего происхождения? — любопытствовала я, пока шли по коридору.

— Есть несколько версий, но все требуют проверки, — уклончиво ответил Стевич. — Не люблю делать преждевременные выводы. Судя по всему, восстановление идет полным ходом? Глаза приобрели естественный цвет, да и кожа уже не полотняная, живая.

— Я никакой разницы не чувствую, но внешне — действительно заметно, — согласилась с ним. — Единственное, у меня тут открылась одна особенность, я не подумала сразу, что это важно...

По дороге я рассказала ему про «спектральные метки», которые вижу невооруженным глазом. Горана эта особенность очень заинтересовала, но не удивила — по его словам, подобный эффект достаточно часто наблюдался у стертых и проходил с восстановлением собственной энергии. Он даже посетовал на это обстоятельство: было бы очень полезно сохранить такую способность и даже — мечты-мечты! — развить. Я согласилась, а потом мы пришли в уже знакомую лабораторию.

Или в какую-то другую, поручиться я не могла: комната вроде бы была та же, но столы передвинули, переставили приборы, пропала монструозная конструкция, стоявшая в момент моего пробуждения.

— Садись вон туда.

Горан махнул рукой на стол, укрытый белой простыней, а сам подошел к низкому неприметному шкафу в углу и принялся вытаскивать из него какие-то пугающего вида инструменты. Но я решила не паниковать раньше времени: пока Стевич никакого повода для подозрений в кровожадности не давал. Если бы он изначально хотел сделать со мной что-то плохое, то не стал бы отправлять к Маю, спрятал бы где-нибудь здесь, в укромном месте. Никогда не поверю, что в таком огромном здании нет ни подвала, ни чердака.

Вернулся ко мне Горан с овальной жестяной посудиною, от которой резко пахло спиртом. Там лежали шприц, несколько иглонок и ватных тампонов, а еще жгут неприятного коричневого цвета.

— Возьму у тебя кровь, — предупредил мужчина и поставил посудину на стол рядом со мной. — В обморок падать не будешь?

— Вроде не должна, — оптимистично предположила я. — Это же не крыса. Крыс я, оказывается, боюсь до истерики, — пояснила в ответ на озадаченный взгляд профессора.

— Очень... по-женски, — с иронией ответил тот. — Деяна тоже чуть не под потолок каждый раз взмывает при виде мыши.

— Горан, а сколько тебе лет? — полюбопытствовала я.

— Сорок четыре. У меня ранняя седина и ранняя профессорская степень. Подозреваю, одно неотделимо от другого, — отозвался Стевич со смешком.

— А Маю?

— Маю... тридцать один или тридцать два, я точно не помню, — пожал плечами Стевич и посетовал: — Честно говоря, вообще с трудом запоминаю дни рождения и даты.

— И Май выглядит старше, — задумчиво заметила я. Как будто между прочим, но аккуратно подводя разговор к нужной теме.

— Да уж, — поморщился Горан. — Работай кулаком. Сжимаешь, напрягаешь, разжимаешь.

Вены-то, боги! Как у куренка, — проворчал он. — А что до Мая... Очень его эта история подкосила. Я, кстати, хотел сказать тебе за него большое спасибо.

— Мне? — опешила я.

— Я предполагал, что твое общество скажется на нем благотворно, и не только с магической точки зрения, но даже не думал, что результат окажется столь быстрым и заметным.

— Какой результат-то? Ну, про магию я догадалась, что он весь черный — это ненормально. Но ведь изменения нельзя так с ходу заметить, тогда в чем дело?

— Да просто он снова стал похож на человека, а не на статую Капитана, — вздохнул Стевич.

— Ну да, немного оттаял, — согласилась я и добавила с гордостью: — Даже мне выкать перестал!

— Выкать? — Горан, который наконец-то нашел вену и попал в нее иголкой, покосился на меня насмешливо. — Майя, он шутит, улыбается и смеется. Впервые с момента аварии.

— А вы ему анекдоты рассказывать не пробовали? — ехидно поинтересовалась я. — Нет, ну я, конечно, часто творю какую-нибудь ерунду, от которой ему смешно, но шутки получаются той еще изысканности. Что у вас, комедий в театре нет?

— Все есть. Но я говорю о том, что вижу. — Мужчина снова пожал плечами. — Май хороший парень, было больно смотреть, как он себя гробит. Ему бы к врачу обратиться, но не силком же тащить! Взрослый человек, отвечающий за свои поступки. С точки зрения закона. Все, согни локоть и немного поддержи. Сейчас будем твою энергетику измерять.

— Слушай, раз уж мы с тобой так замечательно сплетничаем, открой мне страшную тайну: как так получилось, что настолько замечательный мужчина, как Май, до сих пор не женился?

— Почему? Женился, — хмыкнул Горан, пожав плечами. — Нехорошо, конечно, за глаза обсуждать человека, но тут случай особый. Будем считать, у нас медицинский консилиум. Ты только ему не рассказывай, что я тебе все растрепал подчистую, обидится еще. Он в таких вещах ужасно трепетный.

— То есть как — женился?! — наконец справилась я с удивлением. — Или она... тоже погибла? — предположила с замиранием сердца.

— Да уж лучше бы погибла, — проворчал Стевич. — Красивая амбициозная девка. Когда Мая обвинили в умышленном уничтожении дирижабля и убийстве отца и братьев ради наследства, она с ним тут же поспешила развестись. Владыка наш на младшего Недича тогда был сердит, никакой титул ему не светил, в лучшем случае каторга, вот он и отменил брак своим указом — имеет право, раз детей нет. Потом-то, конечно, когда разобрались, она пыталась помириться. Ложись. Да прямо так, не надо разуваться.

— Вот же дрянь! — ругнулась я. — Нет, ну надо же такой стервой-то быть, а?! Ну ладно, струсил, это полбеды, но как почувяла упущенную выгоду — так сразу дала задний ход! Хоть бы гордость поимела!

Стевич на это ответил одобрительным взглядом и принялся пристегивать ко мне какой-то аппарат. От него тянулись тонкие проводки с широкими кожаными ремешками на концах вроде тех, какие были на мне в момент первого пробуждения, и тоже с камушками. На локти, на запястья, на щиколотки, а самый широкий — на голову.

— Погоди, а почему — консилиум? — уцепилась я за другую брошенную Гораном фразу. — Почему со мной сплетничать можно?

— Да понимаешь, какое дело... — задумчиво протянул профессор. — Только помолчи пару минут и расслабься. Я хоть и рассеянный ученый, но не в анекдотической степени. Хвала богам, женат и трое спиногрызов подрастают. — В голосе за иронией отчетливо проскользнула нежность. — И я в целом в состоянии предположить, чем может закончиться совместное проживание молодого мужчины и молодой девушки, которые друг другу изначально симпатизируют.

— То есть ты решил побыть сводней? — опешила я.

— Да хоть сводней, хоть хозяйкой борделя, хоть нянкой пополам со жрецом Черешара, если это поможет, — недовольно огрызнулся он. — Помолчи, пожалуйста, попросил же! Честно тебе скажу, мне плевать — получится у вас что-нибудь, нет, я не собираюсь срочно кого-то женить. Просто я вижу, что твое присутствие сказывается на нем благотворно, и вижу, что ты желаешь ему добра и спрашиваешь не просто из любопытства, а из интереса к самому Маю. Так почему бы не дать тебе ту информацию, которая нужна? Вдруг это поможет? Все, можно шевелиться. Но не вставай.

— Знаешь, ты очень, очень фиговый стратег, — прочувствованно проговорила, разглядывая Стевича и пытаясь определиться: то ли смеяться, то ли бояться.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты прямо вот так сразу все в лоб говоришь, — пояснила ему. — А вдруг я разочаруюсь, обижусь и потеряю интерес?

— А ты потеряешь? — насмешливо покосился на меня профессор. — Мне-то кажется, наоборот, считаешь это вызовом себе и станешь шевелить Мая уже сознательно.

— Еще и проницательный, — хмыкнула я. — А если я от чрезмерного старания все испорчу? Вот так бы все шло тихонько своим чередом, а я начну помогать сознательно — и сделаю хуже.

— Некуда хуже, — отрезал Горан, не отрывая взгляда от каких-то шкал с дрожащими стрелками и вслепую делая пометки в раскрытом блокноте, потом рассеянно добавил: — А если сознательно получается хуже, чем случайно, то образец подлежит выбраковке...

— Чего?! — возмутилась я. — Какой выбраковке?!

— Обыкновенной, с последующей переработкой на компост. Ну сама посуди, если человек может приносить пользу только случайно, а намеренно вредит, зачем он такой нужен? — Стевич перевел на меня взгляд, осмотрел оценивающе и хмыкнул. — Это шутка. Что ты так напряглась?

— Ну, знаешь ли! — ворчливо отозвалась я. Шуточки у него... — Я, может, и экспериментальный гомункул трех дней от роду, но жить хочется. Кто знает, какие у вас тут порядки, права и обязанности. Вдруг ты меня создал — значит, хозяин и можешь делать, что хочешь.

— В Ольбаде нет рабства, — отмахнулся Стевич. — Все, садись. Сейчас аппарат отключу, и займемся твоей головой.

— В каком смысле?

— Вскрою и загляну внутрь, — спокойно ответил мужчина.

— Ха-ха, — угрюмо проговорила я, но дальше требовать объяснений не стала. Я уважаю умение шутить с серьезным лицом, но вот именно сейчас у Горана получалось совсем не смешно. Интересно, у него всегда такой юмор?

— С чего начнем? С интеллекта, памяти, воображения или психологического портрета? — Стевич жестом предложил мне пересесть на стул.

— Да без разницы. Только можно я сначала задам два вопроса? Они короткие.

— Всего два? Слушаю.

— Где находятся спектральные метки у лысых людей?

Горан посмотрел на меня долгим, непонятым взглядом и уточнил:

— И давно тебя этот вопрос беспокоит?

— С тех пор как я узнала, что вот эти цветные пряди — не дань моде и каким-то традициям, — фыркнула в ответ. — Ну так что?

Оказалось, что все не так весело, как я предполагала, а по-научному строго и логично. Цветные волосы я видела из-за индивидуальных особенностей собственного восприятия. На самом же деле эти метки существовали в энергетической оболочке человека, ауре, которую так просто не различить. К традиционным методикам хроматологов эта моя временная способность не имела почти никакого отношения, хотя и стала бы для них неплохим подспорьем.

В общем, лысого человека мое сознание при переводе магических образов в зрительные впечатления, скорее всего, так и оставило бы лысым. То есть никаких цветных пятен на черепе, скущища.

Второй вопрос — о том, кто такой Капитан, — Стевич встретил еще одним задумчивым и заинтересованным взглядом, но никак не прокомментировал собственное отношение, только пояснил, что это персонаж традиционного мадирского театра. В распоряжении драматургов имелся десяток типажей, лишенных личного имени, из приключений которых складывались разнообразные пьесы. Капитан являл собой персонаж героический, трагический или гротескный. Подтянутый суровый офицер, который, в зависимости от желаний автора, мог быть и центральным персонажем пьесы, трагически гибнущим в военной кампании, и романтическим героем, и недалеким солдафоном, рогатым супругом молодой легкомысленной Кокетки.

Прозвали так Недича студенты едва ли не в первую неделю работы, а через луну за глаза именовала вся знакомая с ним часть Зоринки. Вообще-то относились ученики к начинающему преподавателю беззлобно, даже симпатизировали, но... Нельзя отказать в наблюдательности и остроумии тому, кто первым примерил к Маю эту кличку. В самом же деле похож!

Про Мадиру я спрашивать не стала и очень этим гордилась: кое-что уже знала, выходит, не зря читала учебники! Сейчас страна делилась на провинции, сохранившие исторические имена вошедших в состав общего государства земель, и Мадира была одной из них. Мы сейчас находились в столичной провинции Ольбад, которая граничила с Мадирой на юге.

А потом вопросы начал задавать Стевич, и все остальное пришлось отодвинуть на второй план. Но я по этому поводу не расстроилась: самой было интересно узнать, что Горан выудит своими вопросами из моей беспмятной головы.

Выудил в конечном итоге многое. Правда, я поняла смысл далеко не всех вопросов, но кое-что интересное о себе все-таки узнала и окончательно подтвердила некоторые собственные подозрения.

Мы, например, пришли к твердому выводу, что в прошлой жизни я работала с техникой. Я отлично разбиралась в механике, неплохо знала математику, кое-что понимала в металлловедении и немного — электричестве, да и вообще отличалась сообразительностью и обладала способностью логически мыслить. Правда, последней не всегда пользовалась. Еще я выяснила, что необходимый магический иммунитет у меня уже потихоньку вырабатывается, тут предположения Стевича оправдались. Мое состояние менялось именно так, как это происходило у стертых. Я попыталась вытрясти из мужчины руководство, как бы ускорить этот процесс, но ничего по делу он мне сказать не мог: если бы такая методика существовала, ей бы давно уже пользовались для лечения стертых. А так — оставалось только

ждать, пока само восстановится. Правда, Горан обмолвился, что я восстанавливаюсь процентов на тридцать быстрее статистической нормы, и предположил, что благодарить за это стоит Мая. Но доказать это пока не мог.

В общем, когда к нам присоединился Недич, его друг был обеспечен материалом для размышлений на ближайший вечер, а то и два.

— Судя по одухотворенному лицу, ты что-то понял? — предположил Май с иронией, по приглашению Горана усаживаясь к заваленному бумагами столу.

— Кое-что. А кое-что пойму, когда проанализирую всю информацию, — уклончиво ответил тот. — Но теперь у меня нет сомнений, что Майя — продукт совсем иного общества и, выходит, иного мира. Очень похожего на наш, но — другого. А кроме того, при всей легкости нрава она не соответствует своей юной наружности.

— Почему? — одновременно удивились мы.

— Ты что, это по своим психологическим тестам понял? — скептически добавила я.

— Психологический возраст — это иное, — возразил Стевич. — Я сужу уже хотя бы по количеству знаний и, полагаю, практического опыта, — пожал плечами Стевич. — Ты умная особа, но не гений, тут я уверен. А коли так, сложно предположить, что к семнадцати-восемнадцати годам ты могла накопить и накрепко усвоить такое количество очень специфических знаний. Конечно, если твоя память принадлежит человеку, а не какому-нибудь сказочному существу.

— Воспринимаю я себя человеком, тут противоречий нет, — задумчиво хмыкнула в ответ. — Да и в остальном, пожалуй, соглашусь. Не чувствую я себя настолько уж юной, есть ощущение обширного жизненного опыта. Ну ладно, а какой толк от этого открытия?

— Какой-то наверняка будет, — отмахнулся доктор. — Пока я склонен предполагать, что в своем мире ты жизнь закончила и гю какой-то причине перенеслась сюда. Что душа покидает тело после смерти — это факт доказанный, а вот куда она девается потом — существуют только теории. Пока твой пример говорит, что они переселяются в другой мир, но по какому принципу — неизвестно.

— А жрецы что об этом говорят? — заинтересовалась я.

— Что бы они ни говорили, а доказательств у них все равно нет.

— Ну ладно, как скажешь. У меня вот еще вопрос назрел. Почему я понимаю местный язык, если я из другого мира?

— Да боги знают, — хмыкнул Стевич. — Ты слишком многого хочешь. Если мы и докопаемся когда-нибудь до подобных деталей, то не при моей жизни.

— Что, ни одного специалиста по этому вопросу нет? — не поверила я.

— Издеваешься? — Профессор насмешливо вскинул брови. — Нет, ну если спрашивать, можно отыскать какого-нибудь шарлатана, который в другие миры как к себе домой шастает. Уж среди завсегдаево городской психиатрической лечебницы точно найдется парочка.

— Ну все, все, хватит стыдить, — отмахнулась я. — Откуда я знаю, что у вас тут нормально, а что — сказки?! Напоминаю, в моем представлении магия — тоже сказки!

— Что вы сцепились-то на ровном месте? — прервал наш обмен любезностями озадаченный Май.

— Наверное, надоели друг другу за эти несколько часов, — легко нашлась я с ответом.

— Не то слово! — со смешком согласился Стевич. — Ну-ка, Май, а ложись-ка теперь ты на стол, сниму еще и с тебя показатели.

— Это зачем? — насторожился тот.

— Хочу выяснить, ты благотворно влияешь на Майю или следует искать другие причины ее быстрого восстановления. Ложись, ложись, я тебя не съем.

Вся процедура заняла несколько минут. Горан точно так же, как со мной, внес пометки в блокнот, но если и сделал какие-то предварительные выводы — с нами не поделился. Вместо этого, снимая с друга ремни-датчики, заговорил о постороннем:

— Кстати, Май, сегодня тренировка. Может, все-таки присоединишься? Ну, так, в легком темпе. Тебе в команде будут рады.

— Да я уже не тот игрок, — поморщился мужчина. — Я не думаю...

— Ой, это вот по тому звочу, да? — заинтересовалась я. — А вы зрителей на тренировки пускаете? Честное слово, я буду вести себя хорошо!

— Тебе действительно так интересно посмотреть? — Недич глянул на меня озадаченно.

— Интересно! — подтвердила я.

И, конечно, не стала говорить о том, что куда интереснее мне сейчас затащить туда самого Мая и попытаться расшевелить, согласно заветам его старшего друга. Несмотря на легкий неприятный осадочек после того разговора и слабый внутренний протест против цинизма Стевича, я признавала его правоту и всерьез желала помочь тезке.

Почему? Как минимум потому, что мне хотелось хоть как-то отблагодарить за доброе отношение и совершенно бескорыстную заботу. Дорогого стоит тот факт, что из меня пытаются сделать полноценного человека, не требуя ничего взамен. Возьмется, одежду покупают, документы оформляют, а это, между прочим, подлог и вообще, наверное, подсудное дело! Да и без благодарности мотивов хватало.

Потому что Май — хороший и очень милый, и будет жалко, если из-за какой-то аварии он угробит себя. Потому что я хочу и, похоже, могу ему помочь, и тут уже не важно, почему моя компания столь благотворно на него влияет. Потому что это по-человечески — помочь тому, кто в этом нуждается, пусть даже он сам и отрицает наличие у себя проблем. Да и, наконец, просто назло всем тем сволочам, которые от него отвернулись в трудный момент! Чтобы можно было глянуть на них свысока и заявить — вот вам, не дождетесь.

Так что Стевич, похоже, правильно меня просчитал.

— Хотя бы одним глазком! — продолжила уговаривать я, умоляюще глядя на Мая. — Я так и не поняла, что это за игра такая, а она ведь, наверное, интересная, если всенародно любимая...

— Ну, если так, то несколько минут вечером выделить можно, — неуверенно протянул Недич.

— Отлично, значит, подходите к семи! — бодро подхватил Стевич, бросил на меня явно одобрительный взгляд и украдкой подмигнул.

— К семи... Домой ехать смысла нет, — заметил Май, глянув на часы, когда мы вышли из лаборатории и оставили Горана одного: доктор всем своим видом давал понять, что до семи часов лучше не мозолить ему глаза. — Ты не голодна? Можно сходить поесть.

— Отличная мысль! — охотно согласилась я. — А куда? В столовую? Ты говорил, она здесь есть.

— Учитывая, что у нас почти два часа, это не самый хороший способ убить время, — иронично хмыкнул Май. — В окрестностях есть несколько вполне приличных ресторанчиков, в которых обычно гуляют студенты, когда есть на что. Предлагаю съездить в один из них.

— А может, пешком пойдем, разомнемся? Тут далеко? Уж очень погода хорошая.

— Если пешком, это ограничивает выбор. Впрочем, пойдем. Согласен, проветриться — хорошая мысль.

Прогулка удалась. Минут за двадцать мы не спеша дошли до уютного ресторанчика на первом этаже явно жилого здания, поели и вернулись в Зоринку уже более долгим, кружным путем, пройдя какими-то уютными зелеными дворами-скверами и симпатичными узкими переулками, затерянными в жилых кварталах.

Все это время оживленно болтали о чем-то отвлеченном и иногда обо мне. Трогать прошлое и вообще жизнь Мая я избегала и только радовалась, что Стевич столь многое успел рассказать. Обсуждать человека за его спиной, конечно, нехорошо и невежливо, но мы ведь не гадости говорили, а... заговор плели, м-да. Тоже не очень-то благородно. Но ведь, не знай я, как все было на самом деле, могла, пытаясь удовлетворить любопытство, нечаянно задеть какую-нибудь болевую точку!

А так — все как будто довольны.

Май много улыбался и с удовольствием рассказывал о мире и здешней технике. Об открытиях, об обожаемых дирижаблях и немного менее любимых парусниках, о легких фанерных самолетах с пропеллерами, о навигации по солнцу и звездам и о новейшей системе радиомаяков, сеть которых активно строилась по всему континенту.

Ну а я с большим удовольствием и пониманием слушала его пояснения, задавала вопросы и уточняла детали, порой вместе с Недичем искренне удивляясь собственному знанию предмета, которое только подтверждало предположения Стевича: моей голове явно больше семнадцати лет. Хорошо так больше, раз в пять.

— Слушай, может, я уже совсем старенькой бабушкой была? Прожила жизнь и умерла естественной смертью? — предположила весело.

— У тебя для этого неподходящий характер. — Май покосился на меня с сомнением.

— Ой, ну вот только не говори, что ты никогда не встречал энергичных старушек, которые могут дать фору молодым!

— Пожалуй, — вынужденно согласился мужчина. — Есть у нас одна преподавательница на кафедре... Только тебя очень сложно воспринимать взрослой, когда ты не рассуждаешь о чем-то сложном и важном. Даже просто — взрослой, не говоря о другом.

— Да и не воспринимай, — легкомысленно отмахнулась я. — Номинально мне вообще три дня от роду, считай — младенец!

После ужина мы без спешки добрались до внушительного спортивного комплекса, принадлежавшего Зоринке и расположенного неподалеку от уже знакомых мне зданий. Просторный бассейн, два больших спортзала и несколько маленьких гимнастических — университет предоставлял своим студентам и работникам возможности не только для умственного развития.

Май, за локоть которого я продолжала держаться всю дорогу, знал этот корпус отлично. Мы не пошли к главному входу, а попали внутрь через неприметную боковую дверь — слегка обшарпанную, подвального вида. Она, собственно, и вела в подвал, только сухой и обжитой. Прямо за дверью находился небольшой, совершенно пустой холл с высоким белым потолком, серой керамической плиткой на полу и выкрашенными в жизнерадостный светло-зеленый цвет стенами.

Оттуда в три стороны расходились коридоры — прямо, влево и вправо, куда мы и свернули. По коридорам гулко разносились невнятные разнообразные звуки — то шорохи, то шаги, то гул ударов, то монотонное гудение голосов, когда слова разобрать невозможно, но ясно, что говорящих несколько.

Коридор закончился крутой лестницей с серыми высокими ступенями и белой, местами потемневшей штукатуркой на стенах. Поднявшись на два этажа, мы опять шагнули в коридор, уже гораздо более широкий и «представительный», чем в подвале: плитка под ногами крупная, с красивым геометрическим узором, двухцветные стены — снизу, примерно до середины, шоколадно-коричневые, выше нарисованного орнаментального бордюра — песочно-желтые. Да и света тут было больше — те же самые шарики на подставках, что и везде, но внизу они располагались гораздо реже.

А вот дверь в стене имела только одна, и через нее мы вошли в собственно спортивный зал. Тренировка пока не началась — видимо, еще не все собрались. Восемь подтянутых крепких мужчин в легких светлых брюках, мягких тапочках на шнуровке и свободных зеленых рубашках с коротким рукавом собрались группой недалеко от входа. Кто-то спокойно разговаривал, кто-то лениво разминался.

Стевич был среди них, он-то нас заметил первым и — буквально просиял:

— Май! Пришел-таки!

Кажется, в этот момент Недич с трудом подавил порыв шмыгнуть за дверь, а потом стало уже поздно. Из присутствующих моего тезку не знали, кажется, только двое — они вежливо подошли со всеми, но держались чуть в стороне, пока товарищи выражали эмоции. Одинаковые у всех: появлению Мая очень радовались. А я, тихонько отступив за спины мужчин, наблюдала за этой картиной с отчетливым умилением.

Все-таки он очень бестолковый. Ну вот почему он с этими людьми перестал общаться? Видно же, что плевать им на его титул и прочие регалии, они его без них хорошо знают и ценят.

Небось и не вспомнили сейчас об изменении его статуса, иначе не хлопали бы так радостно и искренне по плечам. Нет, понятно, после аварии Май наверняка был не в том состоянии, чтобы впрягаться в тренировки, но я считаю — это совсем не повод прекращать общение с друзьями! Вскоре подтянулись остальные игроки, часть которых радостно присоединилась к гомонящей группе с черным пятном-Недичем посередине, а другая, меньшая, скучковалась в стороне, с одинаковым любопытством поглядывая на меня и на товарищей.

— Что показывают? — раздался рядом тихий незнакомый голос.

Глянув через плечо, я обнаружила невысокого худощавого мужчину с узким сухим лицом и коротко остриженными седыми волосами, конечно же традиционно расцвеченными пестрыми перьями. Выглядел он заметно старше Стевича, и я сделала вывод, что это тренер. Он был одет в зеленое.

— Возвращение блудного сына, — также негромко сообщила я.

— Интересно? — живо любопытствовал он.

— Поучительно, — ответила честно.

Тренер весело хмыкнул, сделал пару шагов вперед, обошел меня и гаркнул так, что я подпрыгнула:

— Недич, гнутую битую тебе в ухо, ты почему не в форме?!

— Гнат, но я... — совершенно растерялся Май.

— Бегом! — рявкнул тот. — Забыл, где раздевалка? Чтоб через пять минут со всеми разминался! Время пошло!

Остальные игроки, не дожидаясь команды, гурьбой побежали кругом по залу, посмеиваясь и переговариваясь на ходу.

— Гнат, но как же...

— А девушку я у тебя временно реквизирую, — ехидно оборвал Гнат. — Верну после тренировки.

— Но...

— Четыре с половиной минуты!

Не то по привычке, не то от неожиданности Май послушно выскочил из зала, а я озадаченно посмотрела на обернувшегося ко мне тренера:

— А вы меня с какой-то конкретной целью реквизируете или ради эффекта неожиданности?

— Одно другому не мешает, — насмешливо подмигнул он.

— Ой, только вы с Маем поосторожнее! — опомнилась я. — Он же после травмы, и вообще, пару дней назад вечером еле ходил...

— Не учи дедушку кашлять, — беззлобно отмахнулся тренер. — Пойдем. Свистеть умеешь? Seriously? Ну-ка, покажи.

Я послушно сложила большой и указательный пальцы колючком и, вложив их в рот, пронзительно свистнула, не задумываясь о том, откуда взялось такое специфическое умение.

— Добре! — крикнул Гнат. — Тогда все еще проще. Вот тебе скамейка, сиди и болей!

— Ага, это я могу. Еще бы мне кто правила вкратце объяснил, — задумчиво протянула я.

— Давай после игры, — отмахнулся тренер.

— Ну, как скажете, — озадаченно согласилась я с этим парадоксальным заявлением и даже не стала спрашивать, зачем мне нужны будут эти правила потом.

Да и не успела бы расспросить, даже если бы захотела: усадив меня на скамью у стены, Гнат вплотную взялся за своих подопечных. Сначала разминка, потом — собственно игра, из наблюдения за которой я поняла только одно: прежде ничего такого видеть мне не приходилось. В правилах, конечно, не разобралась, но это не мешало ответственно выполнять поручение и морально поддерживать игроков. Ну или мешать им, тут я не поручусь.

Болела я за «своих», то есть в первую очередь за Мая, потом — за Стевича, все равно больше никого не знала. А в основном, конечно, просто любовалась тем, как бегают и прыгают по залу четырнадцать крепких мужчин. Ну и молча негодовала, что они все в рубашках: на мой вкус, без этой детали все смотрелось бы интереснее.

По сравнению с остальными игроками было отлично видно, насколько Недичу тяжело и насколько он не готов к серьезной тренировке. К счастью, видно это было не только мне: тренер зорко следил за игрой и за движениями всех игроков и постоянно тасовал их, меняя роли и заставляя перестраиваться. Мая он хоть номинально и гонял вместе с остальными, но заметно щадил и делал скидку на состояние, так что получалась практически лечебная физкультура.

Отличный все-таки мужик этот Гнат. Не зря он мне сразу понравился!

Когда Недич окончательно выдохся и начал ощутимо прихрамывать, тренер отправил его отдыхать ко мне, велел не уходить до окончания тренировки, а сам вплотную сосредоточился на действующих игроках. Май, тяжело дыша, почти упал на скамейку рядом со мной, утирая тыльной стороной ладони мокрый лоб.

— Вы хорошо играете! — уверенно заявила я.

— Сказал человек, который даже правил не знает, — насмешливо ответил мужчина.

— Ну и ладно. Мне было интересно смотреть, значит — играете хорошо. И ты молодец, после такого большого перерыва...

— Майя, не надо, — со смешком оборвал меня тезка. — Мне очень приятно твое стремление поддержать, но здраво оценить собственные способности и силы я могу.

— А почему тогда раньше сюда не пришел?

— Сначала по здоровью нельзя было, потом... так получилось, — слегка стушевался он.

— Ну, ничего, — оптимистично заключила я. — Буду теперь водить тебя на тренировки! Вот сейчас узнаю у Гната, когда они проходят, и буду водить.

— Звучит как угроза, — тихо засмеялся Недич. — Майя, у меня слишком много дел, и, боюсь...

— Не отмазывайся, не в военкомате, — отмахнулась я.

— Что? — переспросил мужчина.

— Точно не знаю, — призналась смущенно. — Но это значит: «Не нужно придумывать нелепые отговорки».

— Почему — нелепые? — нахмурился Май.

— Потому что тебе здесь нравится, — ответила я, взглянув на него уже совершенно серьезно. — И эти люди тебе нравятся. И ты им нравишься. Тебе здесь хорошо. Поэтому все твои оправдания и отговорки — нелепы по определению.

Взгляд мужчины стал пристальным, острым, он пробирал до костей. Кажется, Май хотел что-то сказать или сделать, но не решился, а потом я первой опустила глаза — под этим взглядом было здорово не по себе. Не могу сказать почему. Вроде бы ругаться и активно спорить Недич не собирался, даже как будто принимал мои аргументы, но... Я все равно нервно поежилась и с трудом подавила желание зябко обхватить себя руками.

Ну нет, пусть он лучше улыбается! Так все понятно, а вот как относиться к такому серьезному и холодному Маю — я пока не представляла. Не удивилась, что под внешней мягкостью, добротой и аристократическим воспитанием скрывается твердый характер, но — подготовиться не успела.

— Может, хоть ты мне теперь объяснишь, что вы там делали полчаса и о чем вообще игра? — попыталась перевести тему.

— Да, конечно, — поддержал Недич. — Все довольно просто...

Простота, конечно, относительная, но я действительно быстро сообразила. Две команды, у каждой — свой угол, который оборонял страж с битой, выглядевшей как квадратная деревянная лопата на короткой ручке. Целью игроков было — забросить в чужой угол мяч, а защитник должен был этой своей лопатой мяч отбить. Если, отбивая, попадал во вражеского игрока, тот временно выходил из игры. Ловить отбитый мяч до удара о землю запрещалось, разрешалось только уворачиваться. Игроки также не имели права долго держать мяч в руках и вынуждены были чеканить им об пол. Май упомянул еще кучу тонкостей и деталей, но в них я уже не вникала. Все равно играть не собиралась, да и болела не так уж отчаянно — кажется, азарта я лишена начисто.

Вскоре к нам, улучив минуту, подошел тренер и разрешил Маю отправляться домой, чтобы «своей ленивой физиономией не мозолить остальным глаза». Но наказал на следующей тренировке быть обязательно, пока «совсем не охлюпился». Май пообещал постараться, я — под внимательным взглядом тренера — пообещала сделать все, от меня зависящее.

Потом Недич отвел меня в какую-то небольшую комнату и, извинившись, оставил там, а сам отправился приводить себя в порядок. Я с интересом огляделась.

Тренерская. Как пить дать!

Две свободные стены почти полностью закрывали плакаты, наградные листы с вензелями, медали, черно-белые фотографии каких-то молодых мужчин, на полке рядом стояли разнообразные кубки. Еще тут имелись письменный стол, несколько стульев, а вдоль других стен выстроились высокие шкафы с глухими дверьми. В углу между ними был свален спортивный инвентарь — я узнала несколько квадратных бит и крупноячеистую сетку, назначение которой, однако, оставалось загадкой.

Портреты были подписаны, но мелко, от руки и очень неразборчиво, так что я оставила попытку прочитать имена местных героев, только рассматривала лица. И предусмотрительно не трогала руками: обещала ведь вести себя прилично. Честно говоря, я была почти уверена, что среди прочих найду портрет Недича, чем и занималась, но — нет, тезка в этот зал славы не попал. Жалко, я как-то уже привыкла считать его самым хорошим и талантливым.

Заскучать не успела, Май вернулся очень быстро. Был он задумчив и углублен в себя, отвечал невпопад, поэтому вскоре я оставила попытки поговорить и просто смотрела по сторонам — на улицы, по которым мы ехали, и на самого Недича, любясь строгим профилем.

Удивительно, но за результат его размышлений я не переживала: верила, что решение мужчины примет разумное. Боюсь сглазить, но он, кажется, сам начал сознавать, что жил в последнее время... странно.

Через вечерний засыпающий город в молчании мы добрались до дома. В молчании прошли в лифт, поднялись в квартиру, в той же тишине выпили чаю с пирогом, который я испекла вчера. Но тишина была хорошей, правильной, не давила на уши, просто позволяла спокойно подумать. Было еще не очень поздно, когда я решила пойти спать — настроения читать не было, и вообще я как-то вдруг сообразила, что чувствую себя ужасно усталой и клюю носом.

— Доброй ночи, — пожелала я, поднимаясь с места.

Недич рассеянно кивнул, но потом опомнился, подскочил с места.

— Майя, стой! — окликнул он меня, даже зачем-то за руку схватил. И спросил осторожно в ответ на мой озадаченный взгляд: — Ты не сердись?

— На что? — искренне удивилась я. — Боги с тобой, конечно нет!

— Хорошо, — кивнул он. Помолчал, но руку мою не выпустил, как будто забыл о ней, только пристально разглядывал мое лицо, словно не поверил и пытался отыскать признаки спрятанной обиды. А потом добавил — негромко, очень прочувствованно, чуть крепче сжав мою ладонь: — Спасибо тебе.

— Обращайся! — широко улыбнулась я в ответ, без труда сообразив, что имелось в виду. А после поддалась порыву, подалась вперед и, приподнявшись на носочки, быстро поцеловала мужчину туда, куда сумела дотянуться — вышло в подбородок, до щеки не достала. Потом стремительно повернулась спиной и почти уже привычно попросила: — Помогите, пожалуйста! Пуговицы он расстегнул с привычной уверенностью, на мое спасибо и благодарную улыбку ответил растерянным взглядом и пожеланием доброй ночи, после чего я упорхнула в комнату, чувствуя себя вполне довольной жизнью. Хотя и сонной, да.

ГЛАВА 5

Чтобы питаться чувствами, чувства надо хорошо питать

Следующий день начался очень рано. Утром Маю нужно было в Зоринку, причем на целый день, так что до вечера я оказалась предоставлена самой себе и обществу книг.

Недич оставил мне и обещанные истории об островах, и несколько учебников для более старшего возраста, и переданные Стевичем «Основы магии», о чем успел сообщить, уже убегая: я заспалась и, проснувшись, застала его на пороге. Ну, зато успела пожелать хорошего дня и получить ответную улыбку — считаю, неплохое достижение с утра пораньше.

О вчерашнем мы не успели бы поговорить при всем желании, да и желания такого, кажется, не испытывали. С одной стороны, не хотелось дергать Недича личными вопросами, а сам он не заговорит о подобном. А с другой...

Утром я испытывала легкую неловкость за вчерашний порыв. То есть я, конечно, очаровательная непосредственность и вроде бы ничего совсем предосудительного не сделала — подумаешь, в щеку его по-дружески чмокнула! Но для меня это ерунда, а кто знает, может, для их высшего общества это все жутко неприлично. Еще более жутко, чем все остальное.

В общем, не готова я оказалась отвечать на вопрос, что это было, и только порадовалась отсутствию подобной необходимости.

А вскоре, поглощенная изучением магии по переданным Стевичем «Основам», и вовсе выкинула все эти мелочи из головы. Изложено все было просто и доступно, только рассчитано не на детей, а скорее на подростков — этакая научно-познавательная энциклопедия для любознательных.

Оказалось, все это гораздо сложнее, чем виделось мне со стороны.

Изначальная склонность к какой-то магии не давала человеку почти никаких преимуществ, даже если он был совершенно благополучной личностью и имел в своей ауре яркие и отчетливые метки основных цветов в одинаковом количестве. Чтобы стать магом, приходилось долго и старательно учиться — как, например, чтобы стать музыкантом. Или математиком — при математическом складе ума. То есть гении и самородки, как и в любых других сферах, встречались, но так же редко.

И тут обнаружилась первая странность: книга уверяла, что в ауре большинства людей есть и черные метки, но черных прядей в волосах светловолосых окружающих я не наблюдала. То есть, будь Май блондином, о его «черномагичности» я могла бы судить только по отсутствию

цветных пятен. Выходило, для меня всякое отсутствие в человеке магии, как у стертых, оказывалось равносильным их «абсолютной черноте». Книга этот парадокс объяснить не смогла, я сама — тем более.

Магия работала достаточно своеобразно. Мне почему-то казалось, что волшебники должны пулять сгустками силы или вроде того, но — нет, магия оказалась очень обыденной в проявлениях и... прикладной. Более-менее отвечала моим ожиданиям только синяя магия в чистом виде: она позволяла разложить некий объект на составляющие. Но и то не абы как, а почти естественным путем. То есть органика под ее воздействием стремительно гнила, железо — ржавело, и так далее.

Непосредственное воздействие, когда маг собственными руками что-то творил, составляло сравнительно небольшую часть магической науки. Подобное практиковалось в основном в медицине и в создании «орудий труда» для прочих магов. Орудий таких существовало три типа: приборы — инструменты на стыке магии и технологии, артефакты — магические устройства с собственным восполняемым источником энергии и амулеты, «неремонтопригодные» и рассчитанные на определенное количество срабатываний.

Но даже в этой области, являющейся самой основой магии, почти не встречалось эффектных штук и фокусов. Специалисты изменяли материю, придавая ей порой фантастические свойства, но выглядело это достаточно буднично и было давно систематизировано при помощи массы законов и формул. В основном работали с твердыми материалами разного происхождения, реже с жидкостями и почти никогда с газами — по банальной причине их разреженности.

Впрочем, и такое применение магии порождало порой совершенно невообразимые явления. Например, существовала группа материалов, позволявших с помощью черной и желто-зеленой магии превращать сравнительно небольшие объекты, изготовленные из них, в «универсальный отрицатель», по-простому — «уник». Они просто висели в воздухе, отталкиваясь от всех находящихся поблизости твердых тел и жидкостей. Сила отталкивания, правда, была невелика, и грузоподъемность, соответственно, оставалась мизерной, но применение такие вещества нашли. Например, из них делали сосуды для хранения особенно едких кислот и малонагруженные подшипники, которые привели меня в восторженный трепет.

В общем, я так зачиталась, что забыла пообедать, опомнилась только к вечеру и побежала на скорую руку соображать ужин. С минуты на минуту у меня мужчина вернется, голодный и уставший, а на кухне еще конь не валялся!

Почему, кстати, конь должен был валяться, я так и не поняла, но точно знала переносное значение выражения.

Все-таки это ужасно неудобно — такие дыры в памяти.

Успела я как раз вовремя, пожаренная с фаршем каша уже доходила до готовности, когда в кухню, привлеченный запахом еды, заглянул хозяин дома.

— Привет. Ты опять у плиты весь день? — виновато спросил он.

— Не переживай, всего последние полчаса, — отмахнулась я весело и кивнула на лежащую на столе толстую книжку. — Зачиталась, очень уж интересно. Но ты как раз вовремя, сейчас ужинать будем.

Май неуверенно улыбнулся в ответ, но послушно пошел мыть руки.

— Странное чувство... — негромко пробормотал он себе под нос, когда мы уселись и первый голод был утолен.

— Какое именно?

— А! Да я вот про это. — Недич кивнул на тарелку. — С одной стороны, мне очень неловко, что ты, гостья, готовишь, тем более есть возможность обойтись без лишней работы. Но с другой — к моему стыду, это очень приятно... Почему ты смеешься?

— Потому что ты очень милый, — честно ответила я, но тут же поспешила пояснить: — Что в этом стыдного? Ты же меня не заставляешь, наоборот, постоянно напоминаешь, что все это необязательно. Ну и, кроме того, что в этом странного? Ну ладно, последнее время ты в столовой питался. Но до этого-то, наверное, был какой-нибудь жутко именитый повар, ужины по часам и все такое...

— Это другое, — со вздохом возразил он. — Дело же не в еде, и приятна не столько она, сколько...

— Забота, — закончила я за замывшегося тезку. — Это очень хорошо, потому что в этом весь смысл.

— Как это?

— Мне хочется сделать тебе приятное — я делаю. И хорошо, что получается. В общем, не забивай ты голову глупостями, лучше вот что мне объясни. Я сегодня весь день «Основы магии» читаю, это безумно интересно, но кое-что мне непонятно...

Противоречие виделось в том, что каждому богу и цветку магии соответствовали одновременно противоположные черты характера и эмоции. То есть возможность применения красной магии, связанной с плотью, определяла, например, страсть и любовь и одновременно с тем — ненависть, жадность. В моем представлении гармоничная личность была все-таки личностью приятной, то есть положительные черты преобладали над отрицательными. Но, выходит, магии все равно?

Оказалось, да, магии действительно все равно.

Кроме того, ни один хроматолог, даже самый сильный и талантливый, не мог различить, какой оттенок он видит в человеке. Собственно, именно поэтому они обычно работали в спайке с другими специалистами.

— Как-то это несправедливо, — проворчала я. — Получается, с точки зрения магии влюбленный ученый, работающий над новой проблемой, равносителен жадной злобной тупой сволочи, которая бьет окна и сжигает книги...

— Теоретически да, — с ироничной улыбкой ответил Май. — Но природная склонность дает не так много. Тот, кто стремится к знаниям, может стать магом, а ленивый злобный дурак — вряд ли. Не нужно придавать столько значения этим цветам. Они, конечно, важны, но они — это далеко не все, что нужно человеку.

— Ну да, я понимаю. Но все равно — обидно! — проворчала я.

Хотя на всякий случай сделала себе мысленную пометку уточнить при встрече у Стевича. Не потому, что подозревала тезку в намеренной лжи или искажении фактов: не тот характер, да и смысла нет. Но могло статься, что сам он недооценивает значение пресловутого равновесия — иначе, надо думать, уже обратился бы к врачу. А махнуть на проблему рукой куда легче, если убедить себя, что ничего страшного не происходит.

Это наверняка не смертельно, иначе Горан — я была в этом уверена — непременно отволоку бы друга к доктору силком. Но чем больше я узнавала о магии, тем яснее понимала, насколько Маю нужна помощь. И дело даже не в его работе и невозможности заниматься привычными вещами — я же не знаю, был ли он вообще магом или нет, нужны ли подобные навыки для управления дирижаблем или можно обойтись так. Просто...

Магическое восприятие слишком часто сравнивали с прочими органами чувств, и аналогия эта прочно засела в голове. Да, будучи слепым или глухим, можно продолжать жить, даже получать от жизни удовольствие, быть счастливым, любить и заниматься любимым делом. Но как можно по доброй воле отказываться от возможности выздороветь?!

А ведь это просто органы восприятия, с магией же речь шла о чувствах. Если у человека осталась одна только защитная скорлупа — и больше ничего под ней, разве можно подобное считать нормальной жизнью? Май, наверное, и не сознавал толком, насколько изменился и насколько изменилась его жизнь. А может, сознавал, но списывал все это на испытанное потрясение и считал нормальным. Его право, да. А мое — попытаться вытащить его из этой раковины. И пусть попробует меня убедить, что в ней ему лучше!

На краю сознания, впрочем, маячили сомнения, что Недич — взрослый человек, а лезть в чужую душу — поступок не самый благовидный. Но я решительно отмахнулась от них.

Никогда не поверю, что настоящему Маю — такому, каким он был до сломавшей ему жизнь аварии, — понравилось бы зрелище нынешнего Мая. Под этой скорлупой — энергичный, увлеченный, жизнерадостный человек, и я буду не я, если не выволоку его наружу!

Боевитые мысли, впрочем, пока так и оставались мыслями. Спешить в подобном деле нельзя, а если верить Стевичу (повода не верить ему у меня не было), то прогресс у нас уже и так налицо. Но вопрос Горану я все-таки при встрече задам. И узнаю, почему я не вижу черных меток в волосах, поскольку Недич прояснить эту странность не сумел.

— Майя, а как ты относишься к прогулкам на свежем воздухе? — задумчиво поинтересовался тезка, хмуро разглядывая какой-то листок.

Мы к этому моменту уже с час сидели в кабинете, каждый со своими бумажками, и уютно молчали, порой нарушая тишину короткими вопросами и ответами — я обращалась к Маю за уточнениями, если чего-то не понимала.

— Положительно. А что, что-то случилось? Нужно куда-то ехать? — живо заинтересовалась я.
— Что? — удивился Май, бросил на меня взгляд поверх бумаг и уточнил, слегка махнув листом: — А, ты об этом! Нет, я пока работы студентов проверяю. Просто вспомнил, что завтра выходной, и задумался, как его провести. К людям тебя пока тащить не стоит: Горан ворчал, что вчера было слишком много контактов. Сидеть дома не хочется, а погода очень располагает к прогулке. И я подумал, может быть, прокатиться к морю?

— Конечно! — Я тут же загорелась идеей. — С огромным удовольствием! Да я хоть сейчас! Да я!.. Бутерброды приготовлю, да? Там колбаса вкуснющая осталась, и сыр, и...

— Хорошая идея, — засмеялся Недич. — Только не прямо сейчас, успокойся. Ночь на дворе, до утра мы в любом случае никуда не поедим. Кстати, забыл сказать. Тебе оставили посылку от госпожи Рагулович, я положил в твоей комнате на кровать.

— Ой, мой костюмчик! — искренне обрадовалась я, сообразив, что могла передать портниха. — Здорово! Вот в нем и поеду завтра. А где его оставили? А почему прямо сюда не принесли?

— Оставили у консьержа, а не принесли... — Он на мгновение замешкался с ответом, потом все же объяснил развернуто: — Я исправил настройки охранной системы, обещал же. Ты при необходимости можешь спокойно входить и выходить, но для посторонних дома никого нет. Ты не против?

— Да как скажешь. — Я растерянно пожала плечами. Историю с явлением родственников мы с того дня не вспоминали, и предпринятые меры оказались для меня полной неожиданностью. — Твоя квартира. Но, по-моему, ничего столь ужасного не случилось...

— Я верю, что встреча с Любицей не шокировала и не обидела тебя. — Май заговорил веско, глядя на меня пристально и хмуро — под тяжестью этого взгляда стало здорово не по себе, хотя вроде было очевидно, что сердился Недич не на меня. — Но я не намерен терпеть подобные выходки. Одно дело, когда она разговаривает со мной, но совсем другое — оскорбление моих гостей.

— Да она меня особо и не оскорбляла, — возразила я из чистого упрямства, неопределенно пожав плечами.

— Я прекрасно знаю свою сестру, ее манеру общения и примерно могу воспроизвести все ее реплики. Не стоит Любицу выгораживать. — Взгляд мужчины неожиданно потеплел, а твердую линию тонких губ смягчила улыбка. — Ты удивительно добрая и спокойная девушка, но позволь мне самому решать, как именно общаться с сестрой и что позволять ей в моем доме.

— Пожалуйста-пожалуйста, я не настаиваю! — Я выразительно вскинула руки. — Неужели она всегда была такой?

— Мы с ней никогда особенно не общались, тем более наедине, — рассеянно ответил Май.

— Не представляю! — шумно вздохнула я. — Ну не можете вы быть близкими родственниками: такой замечательный ты — и такая вот... склочная дама!

— По-всякому бывает, — отмахнулся Недич, едва заметно поморщился и опять уткнулся в лист с записями.

А я вздохнула и вернулась к своей книге. В кабинете повисла тишина — уже не такая уютная, как раньше, наполненная мрачными мыслями и невысказанным недовольством.

Поговорили, м-да. И вот что я полезла с расспросами? Только расстроила человека... Могла бы и сообразить, что обсуждать сестру ему неприятно. Не только потому, что ведет она себя безобразно и ему за нее наверняка стыдно, а еще и потому, что сестра напоминает о недавней трагедии. И, кстати, не удивлюсь, если напоминает не только фактом своего существования, но и какими-нибудь высказываниями. Мне кажется, с нее станется обвинить Мая в аварии, наплевав на доказанную невиновность.

Несколько минут я так и сидела, тупо пялясь в книгу, не видя букв и перебирая в голове все сказанное и собственные предположения о том, что именно могла Любица заявить брату и что я могла бы ей ответить вместо Мая. А потом резко захлопнула книжку, так что хозяин кабинета вздрогнул от неожиданности и перевел взгляд на меня.

— Никуда не годится! — раздраженно заявила я.

— Что именно? — растерянно спросил Недич.

Кстати, лист мужчина все это время держал один и тот же; похоже, у него рабочий настрой растаял одновременно с моим.

— Все! — ответила емко. Поднялась, положила книгу в кресло, подошла к мужчине и, ухватив его за свободную руку, потянула за собой. — Пойдем.

— Куда? — опешил тезка, но послушно отложил бумаги и встал.

— Пить чай. Я выговориться и поругаться не могу, ты тем более, поэтому будем успокаиваться другими методами. Чай с медом — первое средство от дурных мыслей.

Легче стало уже в тот момент, когда я закрыла книгу. А когда мы уселись за стол с большими кружками и вазочкой печенья, я окончательно убедилась, что поступила правильно. С рассеянного обсуждения слегка подсохшей сладости мы потихоньку перешли к мирной болтовне о вкусовых предпочтениях и любимых блюдах, причем я свои назвать не могла, но зато с интересом слушала тезку, старательно запоминая на будущее. Раз уж я люблю готовить и у меня есть на это время, почему бы немного не скорректировать меню?

После чая я поняла, что начинаю клевать носом, и пожелала тезке спокойной ночи. Он ответил тем же и проводил меня задумчивым взглядом. Кажется, хотел что-то сказать, но передумал. Утром я снова заспалась и подскочила, когда было совсем светло. Подскочила в панике: в моем представлении поездка на природу должна была начаться ранним утром, а если уже день — выходит, все отменяется?

Торопливо умывшись и оставив косы нечесаными до более подходящего момента, я завернулась в халат и отправилась на поиски Мая. Полбеда, если он тоже проспал, но вдруг уехал без меня?! Нет, Май, конечно, замечательный и вряд ли сделал бы такую гадость, но вдруг?!

Однако мужчина обнаружился в кабинете, причем без особого труда — дверь была открыта нараспашку. Я-то планировала начать поиски с кухни, а сюда заглянула, проходя мимо. И застала тезку за весьма неожиданным в это время суток занятием: он собирал на своем рабочем столе какую-то модель. Документы двумя неопрятными стопками высились на дальних углах столешницы, а перед Маем на сложной подставке раскорячился полусобранный остов аэростата; слева небольшие тиски зажимали нечто совсем уж малюсенькое, а справа стоял внушительных размеров раскладной ларь с уймой растопыренных во все стороны крошечных ящиков. К широкому ремню на лбу мужчины крепились линзы в массивной оправе, которые сейчас были опущены, а рабочее пространство освещал ярко-белый шарик на длинной суставчатой ноге.

Кхм. У меня появилось смутное ощущение, что прогулка на сегодня отменяется.

Дождавшись, пока Недич оторвется от остова модели, приладив какую-то деталь, я громко кашлянула и одновременно постучала костяшками пальцев по двери. Май вскинулся, и я не удержалась от хихиканья — с сильными линзами перед лицом выглядел он очень потешно. Поморщившись, тезка откинул увеличительные стекла на затылок и неуверенно улыбнулся.

— Доброе утро, Майя. А я как раз собирался идти тебя будить...

— Я заметила, — весело отозвалась и подошла ближе, на всякий случай сцепив руки за спиной, чтобы ненароком за что-то не схватиться. — Давно сидишь?

— Нет, я встал буквально... — Недич перевел взгляд на часы, висевшие на стене напротив карты, и смущенно кашлянул. — Каких-то пять часов назад. Прости. — Он вздохнул, стянул с головы конструкцию с линзами и энергично потер ладонями лицо. Потом встрепенулся, опомнился и поднялся с кресла. — Увлёкся. Сел буквально на полчаса, хотел дать тебе еще немного поспать, и вот...

— А ты его прямо вот так по памяти собираешь? — полюбопытствовала я, успев за это время обойти стол, чтобы глянуть ближе. — Я что-то никаких шпаргалок не вижу.

— В основном по памяти, — ответил Май и чуть подвинулся в сторону, чтобы мне удобнее было сунуть нос в его работу, над которой мы теперь склонялись вдвоем. — Но это несложно, стрингеры почти все одинаковые, а шпангоуты отличаются почти исключительно диаметром. Ну и направлением. А вырезал я их раньше, они тут вот лежали, все руки не доходили.

— То есть ты их еще и сделал сам? — Я искоса глянула на него, после чего вернулась к модели. — Это же ювелирная работа... С ума сойти! Нет, у тебя точно и руки золотые, и терпения океан. Я бы, кажется, озверела на втором... шпангоуте. Это же вот эти поперечные колечки, я правильно поняла, да?

— Они самые.

— А гондолу ты станешь отдельно собирать?

— Нет, сразу, иначе трудно будет закрепить. Вот тут, внизу, видишь? Это киль. У настоящих дирижаблей через него происходит сообщение с гондолой, а в модели он служит несущей основой.

— А это какой-то строго определенный дирижабль или абстрактная модель?

— Серийный аппарат, который производится на нашей верфи. Модель, конечно, условная, в действительности каркас не деревянный, это алюминиевые фермы. Но в таком масштабе настолько детализировать каркас я, когда начинал собирать, поленился. Все равно же не видно внутри оболочки. — Он усмехнулся. — У меня есть одна детальная модель, чуть больше. Так вот, начиная эту, я к повторению подвига не был готов.

— Не показывай мне его, а то я лопну от восхищения, — с нервным смешком ответила Мая. — Там же проволочки, наверное, совсем паутинки!

— Не совсем, полмиллиметра. Я не алюминий брал, медь, чтобы паять можно было.

— Обалдеть... — подытожила, представив себе процесс. Под микроскопом паял, не иначе. — Нет, это же сколько терпения надо иметь?!

— Ты до сих пор не выставил эту шлюху?! — нарушил утреннюю идиллию знакомый голос.

— Что, опять?! — тихо вздохнула я, переводя взгляд на стоящую в проходе женщину.

— Здравствуй, Любица, — спокойно сказал Май. — Ты сегодня рано.

— Моя воля — ноги бы моей тут не было! — Она обвела брезгливым взглядом кабинет. — Но с тех пор, как ты убил отца, приходится, знаешь ли, переступать через себя. Я аж задохнулась от возмущения, а Май на пару мгновений замешкался с ответом, но ничем больше не выдал своего состояния. То ли настолько отлично держал себя в руках, то ли... привык уже.

— Сколько тебе нужно? — ровно спросил он.

— Десять тысяч.

— Куда столько? — Похоже, сумма была настолько большой, что Недич, не удержав маски спокойствия, искренне изумился.

— Не твое дело. Я не спрашиваю, сколько ты на свою шлюху тратишь, — огрызнулась Любица и процедила себе под нос, нервно потроша сумочку и пытаясь что-то из нее достать: — Лучше бы ты один тогда сдох, никто бы и не заметил!

— Слушай, ну ты или больная, или просто офигела! — продышалась наконец я.

— Майя, не нужно... — устало начал Недич.

— Заткни свою подстилку! — одновременно с этим рывкнула женщина и обратилась уже ко мне: — Что, на семейное состояние облизываешься? Замуж за князя захотелось? За вот это ничтожество?!

— Тебя бы я придушила из чистого альтруизма, даже доплатила бы за такую возможность! — фыркнула я.

— Ах ты...

— Хватит! — вдруг рывкнул Май, громко хлопнув ладонью по столу, — мы обе аж подпрыгнули от неожиданности. И замолчали, конечно. А тезка заговорил — вроде бы ровно, спокойно, но уже каким-то... совсем другим, промораживающим насквозь, тоном. Имелся бы у меня хвост, я бы непременно его поджала. Все прочие демонстрации характера Мая, оказывается, были цветочками, а вот сейчас мы его, похоже, всерьез разозлили. — Любица, впредь подобные вопросы мы будем решать через Станкевича. Напиши ему, на что тебе нужна эта сумма, и я решу, смогу ли ее выделить. Можешь идти.

Похоже, сестра тоже не ожидала от брата такой вспышки, потому что послушно развернулась и вышла. Через несколько секунд хлопнула дверь. А Май, постояв еще пару мгновений, тяжело рухнул в кресло и, поставив локти на стол, обхватил голову ладонями.

М-да. Все-таки довели.

И вот чего я полезла с замечаниями и заступничеством? Можно подумать, он маленький и сам не справится. Нет же, влезла со своим сверхценным мнением, а ведь попросили помолчать... Я несколько секунд стояла, ругая себя и скандальную гостью, и никак не могла определиться, что делать дальше. Вроде бы разумнее оставить мужчину в покое и дать спокойно собраться с мыслями. Но, с другой стороны, так поступать стыдно: я же виновата, получится, что набедокурила — и сбежала. А ты, мол, разбирайся сам, мужик же...

Наконец я решила, что пусть он лучше на меня рывкнет, авось полегчает, поэтому тихонько позвала:

— Май! Май... Прости меня, пожалуйста. Понимаю, не надо было лезть, но... ну вот такая я невыдержанная и взбалмошная. Прости, ладно? Я не хотела ничего портить... Май? — позвала, неуверенно коснувшись его левого плеча ладонью. — Ты только не молчи. Ну поругайся на меня,

полегчает! Я не обижусь, честно-честно, знаю, что виновата, и вообще в каждой бочке затычка...

Ответить тезка не ответил, но вдруг накрыл мою ладонь правой рукой, сжал — осторожно, но крепко. Я замолчала, не зная, что еще можно сказать и как толковать этот жест — не то как знак одобрения, не то как молчаливую просьбу наконец заткнуться.

Однако собраться с мыслями и нарушить тишину я не успела. Май отмер и перевел взгляд на меня. Усталый, больной, но — неожиданно спокойный.

— Не нужно извиняться, — глухо проговорил Недич. — Я даже благодарен тебе, боги знают, сколько бы это продолжалось в противном случае.

— Ты ведь сейчас не про деньги, да? — предположила я.

— Нет, я про эти... встречи и разговоры. Семьи нет, и глупо уверять себя в обратном, — ответил он, а потом резко поднялся и как будто с неохотой выпустил мою руку. — Поехали.

Позавтракаем по дороге, ты не против?

— Только за! Пять минут, пойду оденусь, — заверила я и убежала к себе в комнату.

Пока петляли по городу, молчали. Май хмурился, глядя на дорогу и как будто забыв о моем присутствии. Сложно не догадаться, о чем думал мужчина. А я не спешила лезть в душу и теребить: по-прежнему чувствовала себя виноватой из-за некрасивой сцены. Да и за Любицу было очень стыдно, хотя я прекрасно знала, что уж на нее-то повлиять никак не могла. Вообще я умом понимала, что даже без моего участия разговор с такой сестрицей с гарантией и надолго испортил бы Недичу настроение, но все равно часть вины лежала на мне.

Оставалось только молча пялиться в окно, чем я и занималась. И виды города, а после — предместий под солидное урчание мотора потихоньку, исподволь успокаивали, выравнивали настроение. Через какое-то время я перестала прокручивать в мыслях неприятный утренний разговор и несостоявшиеся варианты его продолжения, а потом и вовсе сосредоточилась на живописных видах, выкинув из головы стержневую тетку.

Беряна раскинулась на холмах чуть в стороне от берега. Просто потому, что для большого города места внизу, у воды, не нашлось: полосу прибоа от крутых отвесных скал отделяла узкая линия берега, и все, что там удалось втиснуть, это торговые пристани и склады, помещения которых частью были вырублены прямо в камне. Раньше на побережье располагалась рыбацкая деревушка, порт и город связывал длинный крутой серпантин, потом построили вторую дорогу, пошире, а сотню лет назад в скале пробили первый туннель фуникулера. Сейчас вдоль побережья их работало шесть, и порт здорово разросся. Май обещал показать мне это место, хотя так и не понял, что там интересного, но все это откладывалось на тот неопределенный момент, когда я смогу без вреда для здоровья находиться среди людей.

Именно по причине неудобной для отдыха береговой линии Беряна так и не стала курортом. Зато в окрестностях столицы — в местах, где прибрежная полоса становилась шире и живописнее, — их выросло огромное множество. Вдоль берега в оба конца тянулась крохотная, почти игрушечная железнодорожная ветка, по которой раньше катались небольшие паровозики, а сейчас — вполне обыкновенные трамваи. Параллельно шла и широкая дорога, по ней мы сейчас ехали.

Кругом расстилались зеленеющие поля, виноградники, густые перелески. Тут и там белели отдельные домики, на расстоянии казавшиеся игрушечными, кое-где они собирались в крохотные поселения. Порой домики выбиравались к дороге, и тогда образовывали деревушки покрупнее. «Сельская пастораль», — подсказала моя дырявая память. Почему-то с иронией. Дорога то бежала вблизи побережья, и тогда между придорожных кустов синела морская гладь, то отдалялась, забираясь вглубь зеленого лоскутного одеяла суши. В таких местах влево, к морю, отделялись дорожки поуже, и я сделала вывод, что именно там располагались дома отдыха. Но Май игнорировал эти ответвления, а я не лезла под руку и не напоминала. Даже если мужчина настолько задумался, что совершенно забыл, куда мы едем, смысла возражать я не видела: тоже наслаждалась поездкой.

Мы проехали уже приличное расстояние, когда Недич все-таки решил остановиться. Перед нами была уже не деревушка, скорее небольшой городок. Он уютно устроился в живописной бухте и даже имел собственный маленький порт, которым пользовались, наверное, только местные рыбаки.

Великолепный вороненый монстр замер на широкой мощеной площадке возле ресторана, расположенного на прибрежных скалах. Я потянулась к двери, но вовремя вспомнила, что так

делать не нужно, и дождалась Мая, который подал руку, помогая выбраться. К собственному облегчению, обнаружила, что Недич выглядит куда бодрее и спокойней, чем в момент отъезда из дома, и рискнула нарушить молчание.

— Что это за место? — любопытствовала, с интересом оглядываясь.

— Город называется Ежар, — пояснил мужчина вроде бы вполне охотно. — В соседней бухте, вон там, за мысом, расположен один из семейных судоремонтных заводов, так что местность я знаю неплохо. А ресторанчик называется «У Хорича», здесь подают лучшую на всем побережье рыбу, да и остальных морских гадов хозяин готовит отлично.

— Что, лучше, чем в столице?

— Я бы даже сказал, лучше, чем на кухне у владыки, — со смешком ответил Май. — Но не буду, а то еще обвинит кто-нибудь в оскорблении правящей фамилии.

— Нет, такого нам точно не надо, — задумчиво согласилась я.

В ресторанчике помимо хорошей кухни и зала имелась веранда с дивным видом на бухту. На этом балкончике, под лохматым от устилающей его соломы навесом, мы и расположились. Плетеные кресла с большими мягкими подушками, живые цветы в небольшой вазочке на трогательной вязаной салфетке, белая скатерть со слегка обтрепавшимся краем... Уютное, очень домашнее место, где хозяин и хозяйка стоят у плиты, а дети и прочая родня — помогают со всем остальным. Почему-то при виде этого ресторанчика у меня защемило сердце почти так же, как при мысли о заводе дирижаблей.

— Как тут хорошо, — тихо сказала я, когда молодой и очень энергичный парнишка, которому, похоже, не было еще семнадцати, взял у нас заказ и нырнул в дом. — Дышится легко. И ощущение такое, будто домой вернулась...

— Я был уверен, что тебе понравится, — улыбнулся Май. — Я здесь первый раз остановился совершенно случайно и теперь не могу проехать мимо.

— У них не так много посетителей, — задумчиво заметила я.

— Сейчас время не то, нужно судить по вечеру, — возразил тезка. — Это местечко ценят не только всякие заезжие чужаки, оно любимо и горожанами. Но те днем заняты своими делами, а вот как стемнеет, можно прийти и поговорить о жизни под вкусную еду...

— Боги, кого я вижу! — прервал неспешный разговор зычный мужской голос.

На веранду вышел... надо думать, хозяин заведения. Был он весьма колоритен, хотя я так и не поняла, где в этом тщедушном теле умещается такой сочный бас. Маленький, худенький, юркий мужичок с пушистыми усами и кустистыми бровями заодно наглядно продемонстрировал правоту Стевича и удовлетворил мое любопытство: хозяин ресторанчика был совершенно лыс, и лысина блестела вполне естественным цветом.

Кстати, вот еще странность: почему мое воображение раскрашивает в разные цвета головы, а растительность на лице не трогает? У этого Хорича вон какие усищи, вполне могли бы сиять всеми цветами радуги вместо прически...

— Доброе утро, Сава, — поприветствовал его Май.

— Да я не про тебя, — отмахнулся тот, ловко сцапал мою руку и пощекотал усами, целуя.

Выражение лица его при этом было настолько хитрющим, что я не удержалась от смешка.

Впрочем, долго удерживать мою ладонь и усиливать ощущение неловкости хозяин не стал.

Упер руки в бока, окинул нас обоих долгим, пристальным, каким-то заговорщицким взглядом.

— Какова барышня-то, а! Где такую деву морскую отловил, а?

— На суше, — улыбнулся Недич, конечно, не вдаваясь в подробности.

— Ах, хороша! — одобрительно прицокнул языком хозяин. — А мы все гадали: парень молодой, справный, но все один и один — беда! А ты, вишь, хитрый, редкую рыбку караулил, не абы какую. Ну, добре, то-то Дудица порадует! Она уж больно сокрушалась, что молодой князь словно бирюк. Какой, мол, хозяин из мужика, ежели у него даже бабы нет?

— Сава, у тебя не язык, а помело, — заметил Май, которого высказывания Хорича заметно смутили.

— А что, красавица еще пока не невеста? — искренне изумился тот. — Так, может, я старшего своего балбеса к вам пришлю? Хороший парень, рукастый, да только вот тоже до сих пор не женатый... Видать, так же перебирает. Тоже мне, нашелся князь!

— Не надо старшего! Нам бы... — попытался унять его Недич, но куда там!

— А, то есть красавица все-таки занята, но пока еще об этом не знает? — еще больше обрадовался Сава.

— Понимаю, понимаю. Так ты не робей и долго не тяни, а то ж уведут

красоту такую, а? Эх, молодежь! — Он вновь прицокнул и все-таки вспомнил, зачем приходил: выставил на стол кувшинчик с вином. После чего ушел, тихонько насвистывая какой-то бодрый мотив, а я, покосившись на донельзя смущенного Мая, наконец дала волю смеху, щекотавшему все это время нос и клокотавшему в горле.

— Не обращай на него внимания, — попросил тезка. — Сава тот еще болтун.

— Да ладно, такой забавный дядька, — весело возразила я. — Мне кажется, он тебя намеренно дразнит, потому что ты ведешься, как мальчишка. Только я понять не могу почему. Взрослый мужчина вроде бы, даже был женат... Ой, извини! — ахнула я, прикрыла ладонью рот и виновато уставилась на спутника.

— Горан растрепал? — проникательно уточнил Май, уже вполне спокойный. Странно, но упоминание той истории даже как будто помогло ему справиться с замешательством. — Не за что извиняться, во всей этой дрянной истории развод беспокоит меня меньше всего, — отмахнулся он. — А что до Савы... Майя, при чем тут возраст и брачный статус? — вздохнул тезка. — Бесцеремонность Хорича неприлична, в том обществе, в котором я вырос, за такое вызывают на поединок. Я, конечно, и прежде видел, что он за языком особо не следит, но такого все-таки не ожидал и... растерялся. Ну не драться же с ним, в самом деле! Отрадно, что тебя его поведение не задело, но...

— Сложно жить аристократам, — вздохнула я. — Не задело, он забавный. А я тоже веду себя жутко неприлично, да?

— Ты обычно не выходишь за рамки эксцентричности, — осторожно возразил Недич. — Да и... непосредственность твоя чаще всего проявляется в личном общении, это совсем иное.

— Могу пообещать постараться вести себя приличней, но за результат не поручусь. — Я виновато развела руками.

— Не нужно, — возразил Май и улыбнулся. — Тогда это будешь уже не ты.

На этот раз уже мне стало неловко под его теплым, немного насмешливым взглядом. Но меня спасло появление все того же шустрого мальчишки с большим подносом. Недич разлил вино, некоторое время мы молчали, отдавая должное действительно прекрасно приготовленной рыбе и потрясающе вкусному салату с креветками.

— А ничего, что ты за рулем? — любопытствовала я, одновременно с тезкой пригубив напиток.

— В каком смысле? — озадачился Май и тут же с улыбкой продолжил, сообразив: — Не думаю, что от бокала молодого вина я утрачу контроль над авто.

— Наверное, — согласилась рассеянно. — Но у меня есть смутное ощущение, что это нарушение закона. Похоже, очередной привет из прошлого.

— Честно говоря, некоторым действительно не помешал бы законодательный запрет, — заметил Недич. — Когда собственного разума не хватает, иногда помогает угроза наказания. Поздний завтрак мы закончили в благодушном настроении под неторопливые рассуждения о тонкостях вождения и местного законодательства. Оказалось, в этом вопросе многие вещи мне понятны и знакомы, они повторяют те, которые хранила моя дырявая память. То есть я чувствовала, что местных правил гораздо меньше, многого вспомнить не могла, но то, что имелось, вполне соответствовало моим представлениям о правильном и хорошем.

Провожать нас снова вышел Сава, который в этот раз обошелся без сомнительных комплиментов и восторгов, ограничившись типичными пожеланиями радушного хозяина: заходить еще, и почаще, советовать знакомым и не поминать дурным словом, если что не так. Пошли мы не к машине, а к каменной лестнице, спускавшейся к морю чуть в стороне от ресторанчика, среди густой «ничейной» зелени. За скалы здесь цеплялся густой колючий кустарник вперемежку с корявыми невысокими сосенками, а у их подножия стелилось еще что-то хвойное, оплетенное буйными живучими вьюнками с круглыми листьями и мелкими синими граммофонами цветов.

Любуясь, спускались без спешки. Неторопливости способствовала и крутизна ступеней, местами здорово изгрызенных ветром и водой. Впрочем, ботинки у меня были удобные, да и Май держал под руку, так что упасть я всерьез не боялась и потому со спокойной совестью наслаждалась видами и прогулкой.

Пляж оказался полосатым: зыбкая и переменчивая полоса прибоя, полоса тяжелого и густого от влаги песка, полоса зеленовато-бурых водорослей, выброшенных волнами, полоса мелкого ракушечника и, наконец, слоисто-полосатые береговые скалы.

Сейчас море было спокойным, а во время сильного волнения вода, наверное, захлестывала берег полностью, и по растительности на скалах легко можно было определить безопасную зону. Ниже нее выживали только пучки желто-зеленой и на вид ужасно колючей травы, а еще ниже, прямо на мелком ракушечнике, торчали неожиданно крупные для такого неудачного места цветы — белые лилии на тонких ножках сантиметров тридцати высотой. Хотелось бы посмотреть на это в плохую погоду. Зрелище, должно быть, завораживающее... Шагать по ракушечнику в ботинках оказалось удобно, и я в очередной раз похвалила себя за выбор обуви. Хотя Май все равно бдительно следил за каждым шагом и явно готовился в любой момент меня подхватить. И хоть я понимала, что это очередная дань воспитанию, все равно было немного обидно. Особенно в первое время, пока Недич косился на меня очень напряженно. Я не горная антилопа, но все же не настолько кривонога!

Потом тезка все же расслабился и перестал дергаться от каждого моего резкого движения: поверил, что падать и ломать себе конечности я не собираюсь. То ли он прежде общался с крайне неустойчивыми девушками, то ли эти девушки сознательно демонстрировали чрезмерную падучесть, то ли Май впервые потащил девушку гулять на дикий пляж и не сразу приунылся. Я склонялась к последнему варианту.

Солнце изрядно припекало, и я со все возрастающим интересом косилась на близкую воду. Но потом с какого-то камня «пощупала» прибой и признала правоту Недича, уверявшего, что купаться не захочется: море было не ледяным, но все же очень холодным. Не настолько тут жарко...

Май по дороге развлекал меня рассказами о местности, здешними легендами и народными сказками о встрече рыбаков со всевозможными морскими духами.

Упомянул и морских дев, любимых персонажей местного фольклора. Сотканные из пены красавицы морочили головы морякам и заманивали их в пучину. Но не всегда, была у их жертв лазейка: если поймать такую деву, удержать и не поддаться мороку, умудрившись в это время еще и не утонуть, она соглашалась быть моряку послушной и верной женой. Тот, кому удавалось заполучить себе подобную невесту, больше не знал неудач в море — сети всегда были наполнены рыбой, штормы обходили стороной, лодка не давала течи, да и во всех остальных отношениях дом с появлением волшебной жены становился полной чашей. По-моему, достаточно вредная сказка, которая только поощряла наивных любителей халявы сигать за борт. С другой стороны, может, оно и к лучшему? Естественный отсев наивных дурачков...

— Май, а можно все-таки задать личный вопрос? — через некоторое время не утерпела я. — Понимаю, не мое дело, но...

— Я предполагал, что ты не выдержишь раньше, — со смешком ответил Недич. — Спрашивай, конечно.

— Почему ты не отправишь сестру лечиться?

— На каком основании? — поинтересовался он. — Она взрослая женщина, самостоятельная. И она не безумна, как может показаться на первый взгляд. Обрати внимание, Любица умеет останавливаться. Да, ведет себя так, что это сбивает с толка, но она способна держать себя в руках. Да и подобные истерики сестра устраивает исключительно для меня, со всеми остальными мила и приветлива. Не исключено, что ей нужна помощь, но не настолько, чтобы оказывать ее принудительно.

— Мне кажется, нормальный человек не может закатывать такие скандалы только кому-то одному, а с остальными быть лапочкой, — проворчала я. — Но мне сложно поверить, что она способна на подобное в здравом уме. Вас ведь вместе воспитывали! Не может же она не понимать, что такие скандалы не красят в первую очередь ее! И психическое расстройство прекрасно все объяснило бы. Неужели в здравом уме можно дойти до... такого!

— До какого? — Май вздохнул. — Она просто выражает собственную ненависть — как умеет. Прежде у нее такой необходимости не было, всех заклятых подруг Любица способна поставить на место одним взглядом — как и положено княжне. А на меня ее взгляды не действуют, вот она и начинает вести себя как капризная, избалованная девочка.

— Мне кажется или ты действительно ее оправдываешь? — опешила я.

— Не оправдываю, но — понимаю. Наверное, я отчасти виноват в том, что она дошла до такого. Надо было раньше поставить ее на место, а я... — Так и не сумев подобрать подходящее слово, мужчина махнул рукой.

— Наверное, стоило. Хотя ставить это тебе в вину странно. — Согласиться с его видением ситуации я не могла. — Но это было неожиданно. Никогда бы не подумала, что ты умеешь так рычать. Прямо жуть!

Тезка в ответ засмеялся.

— Почему?

— Ты такой спокойный, выдержанный, мягкий. Меня вот терпишь, сестрицу эту свою сколько терпел...

— А как это связано? — с иронией уточнил Май. — Мне кажется, если рычать из-за каждой мелочи, толку от такого поведения не будет, разве нет?

— Ну да. Нет, я все понимаю, не думай. Постоянная ругань — это признак не силы, а слабости, и я ни в коем случае не считала тебя бесхарактерным: раз уж ты дирижаблем командовал, то, наверное, умеешь заставить себя слушаться. Но... в общем, очень неожиданно было. Хотя красиво, конечно.

— Красиво? — озадаченно переспросил Недич. — Все же у тебя очень своеобразная логика.

— Еще как красиво! Нормальная логика, ты просто себя со стороны не видел. Вон даже сестрица твоя сразу прониклась... Слушай, а как Любица вообще попала в квартиру? Ты же перенастроил охрану. Или в твоём присутствии может войти вообще кто угодно? А вдруг ночью воры влезут?!

— Все просто, — вздохнул Май виновато. — Это моя безалаберность, я не запер дверь. Не привык — что раньше тут, что в Зоринке никогда не было такой необходимости. На территорию общежития вообще никто посторонний не может пройти без особого разрешения, которое каждый раз дается отдельно, а в доме все устроено немного иначе. Прости. Я обещал, что никогда больше...

— Да не извиняйся, она гораздо сильнее расстроила тебя, чем меня. Лучше расскажи, как там устроена охрана? А то у меня ощущение, что ее вообще нет. Нигде. Я вон даже пресловутого консьержа не видела, мы каждый раз в подвал приезжаем!

Оказалось — охрана работала. И в университете, и в квартире.

В Зоринке разрешение на беспрепятственный проход выдавалось только студентам и преподавателям. Они же могли привести с собой кого-то постороннего, и отпечаток ауры такого гостя оставался в памяти охранного контура.

Конечно, я тут же забеспокоилась, не всплывет ли в неподходящий момент информация о существовании с пустой аурой, которое в здание не входило, но зато вышло. Май подтвердил, что заметить могли — но только в том случае, если бы кто-то начал целенаправленно сравнивать. А к памяти охранного контура обращались только тогда, когда что-то случалось, и уж точно не просматривали все записи подряд. Да и Стевич обещал решить вопрос с охраной, а как именно — Маю было неинтересно. В конце концов, это больше нужно именно профессору.

В доме все работало немного иначе. Там никто не мог заставить обитателей каждый раз встречать гостей внизу — непременно нашлись бы недовольные, и мог выйти скандал. Поэтому охранных контуров было несколько: по одному у каждой из квартир и большой, общий. Внешний пропускал посторонних, не внесенных в особый список «нежелательных гостей», только на первый этаж, к консьержу. Тот проверял, дома ли хозяин и не предупредил ли о том, что никого не желает видеть, и пропускал дальше. А там уже жилец с помощью замка и внутреннего контура решал, ждет он гостей или нет. И вот именно этот внутренний контур Май забыл замкнуть, когда вернулся вечером домой.

Объяснение оставило у меня чувство внутреннего удовлетворения и смутную, необъяснимую ностальгию.

С охранной системы потихоньку перешли к общим особенностям и ограничениям магии, а потом и на легкомысленную болтовню обо всем на свете.

В какой-то момент мы укрылись от жары в тенистом гроте, в глубине которого бил обжигающе-ледяной родник. Май усадил меня на собственный расстеленный пиджак, потом все же поддался уговорам и сам пристроился рядом. Вспомнил несколько забавных и жутких историй про контрабандистов. Было очень хорошо и уютно прижиматься плечом к теплому плечу, слушать интересные байки и не думать о чем-то серьезном. Если бы тезка еще догадался меня обнять, вышло бы совсем здорово...

Мысль эта озадачила своей внезапностью, потом пришло осознание: наша прогулка очень мало напоминала поездку с целью развеяться и подышать свежим воздухом, зато здорово походила

на самое настоящее свидание. А когда я поняла, что это обстоятельство меня совершенно не тревожит, даже наоборот, поспешила отогнать несвоевременные мысли. Я лучше их потом, в одиночестве обдумаю, а пока буду наслаждаться моментом и хорошей компанией. Немного померзнув, мы отправились гулять дальше. Смеялись, болтали, снова смеялись, довольно быстро выкинув из головы все неприятности и некрасивую утреннюю сцену. Помогая мне преодолевать всевозможные препятствия вроде груды камней или ручья, Май порой подавал руку и в какой-то момент просто не выпустил мою ладонь, кажется, даже не заметив этого. А я заметила, стало смешно, неловко и до невозможности приятно. Внутреннее мое состояние в это время достигло полного равновесия с внешним обликом, потому что ощущала я себя легкомысленно-счастливой девчонкой. А еще я обнаружила, что мне не мерещилось: глаза Недича действительно поменяли цвет. Они стали синими-синими, как летнее небо после заката, и от этого сделалось еще легче и радостней. Но открытие это, боясь спугнуть первую маленькую победу, я оставила при себе. Вряд ли Май сам заметит, а там, глядишь, и до остального очередь дойдет!

ГЛАВА 6

Слишком живое прошлое убивает будущее

К счастью, никакие события, визиты и известия чудесный день не омрачили. Мы вернулись в город ближе к закату, остановились поужинать в первом попавшемся ресторанчике, за который зацепился взгляд. Не прогадали, готовили там хорошо. Потом еще немного посидели в кабинете, где Недич снова возился со своей «ювелирнойстройкой», а я устроилась в кресле с книгой.

Правда, с чтением не складывалось, все мысли занимали Май и сегодняшняя замечательная прогулка. И воспоминания о пронительности Стевича с его «известным концом проживания под одной крышей молодого мужчины и молодой девушки».

Следовало признать, что в своего временного покровителя я влюбилась. А если немного подумать, становилось очевидно, что другого выбора у меня, в общем-то, с самого начала не было: Май слишком замечательный, чтобы оставаться к нему равнодушной.

Открытие это я приняла на удивление спокойно. Наверное, ощущала нечто подобное когда-то давно, и воплощение эмоций в слова ничего не поменяло. Что вдвойне странно, не волновало меня и ближайшее будущее этого чувства. Никакой паники и опасений, что оно останется безответным; мне просто было хорошо, вот именно сейчас и именно так, а что произойдет потом — потом и посмотрим.

Впрочем, одна сложность в моей жизни все-таки возникла: навязчивое желание поцеловать Мая. Не настолько навязчивое, чтобы я не могла его контролировать, по крайней мере наяву. Но все равно досадное! А что уж мне ночами снилось после таких размышлений — в любом случае никто не узнает.

На следующий день нас снова ждали Зоринка и Стевич с очередным осмотром. А по дороге — неожиданное открытие: окружающий мир утратил для меня дополнительные краски и стал намного скучнее. С одной стороны, эта перемена принесла понимание, что я на пути к выздоровлению, а с другой — все же с цветными прядками было интереснее, да и привыкла я к ним.

А еще неприятно царапнула мысль: мое выздоровление означает, что как будто бы и нет больше необходимости прятаться от мира у Мая. Нет, я верила, что он меня вот так просто не бросит, не выгонит, вроде даже обещал показать верфи, когда мое состояние улучшится. Но все равно было тревожно, и потому делиться новостями с Недичем я пока не стала.

Зато сообщила Горану, когда мы остались наедине. Профессор растерянно кашлянул, смерив меня озадаченным взглядом, и поспешно загнал на измерительный стол.

— Ну, что там? — не выдержала я, когда Стевич разрешил снимать ремни.

— Прогресс... ошеломляющий, — рассеянно ответил он. — Ты уже совсем не похожа на стертую, просто человек, оправляющийся после серьезной болезни. Такими темпами через пару дней можно будет забыть, откуда ты вообще взялась. Май не сказал, когда вернется? Мне

срочно надо снять с него показатели. Ты не заметила никаких изменений? У него не появились спектральные метки?

— Нет, вчера не было. Но глаза поменялись, — нашла нужным уточнить я.

— Глаза? — Стевич уставился на меня в недоумении.

— Ну да. Были черные, стали синие. А что? Разве так не должно быть?

— Конечно нет! — возмутился Горан и даже нервно всплеснул руками.

Оказалось, я немного неправильно понимала эту деталь. Цвет глаз был явлением наследственным и в течение жизни не менялся. Они только у стертых белели и теоретически после восстановления могли измениться. Говорило это о том, что восстановление пошло неправильно, что больной подвергся какому-то воздействию — умышленному ли, нет ли, но достаточно серьезному. Если не магическому, то хотя бы психологическому.

А о таком, чтобы глаза человека меняли цвет во взрослом возрасте безо всякого стирания, Стевич прежде попросту не слышал.

— Это не опасно? — тут же всполошилась я. — Синий — это же вроде бы разрушение и хаос, да?

— Не дергайся, — недовольно поморщился Горан. — Причин для паники нет, а синий — это не только разрушение, но еще изменение и начало нового. Ничего ужасного нет ни в каком из цветов. Это все, пожалуй, стоит расценивать как... хм. Да вот хотя бы как начало новой жизни. Но мне срочно нужно его измерить! — Профессор увлеченно зашуршал блокнотом, отыскивая какие-то предыдущие записи.

— Ну придет — измеришь. Скажи пока, почему я не видела в волосах черных меток? Почему это словосочетание кажется мне смешным, не спрашиваю, это явно что-то из прошлой жизни.

— Понятия не имею. Какие-то индивидуальные особенности восприятия, — отмахнулся Стевич с таким видом, что я сразу поняла две вещи: во-первых, это не ответ, а уклонение от него, а во-вторых, настаивать на своем бессмысленно, все равно не расскажет. Ну и ладно, не хочет говорить — не надо. Вот выучусь и сама узнаю!

— Но ты можешь хотя бы рассказать, что со мной будет? И вообще, меня давно мучает вопрос: если мое тело — это гомункул, то насколько оно вообще соответствует нормальному человеческому? Внешне-то я его вижу, а внутри?

— Да все у тебя нормально, — нехотя буркнул Стевич, но потом все-таки поднял на меня укоризненный взгляд. — Сама подумай, если мы создавали человеческое тело, какой смысл был делать его отличным от нормального человека?

— А зачем вы его создавали?

— Проверка возможности переноса сознания из одного тела в другое, а если не получится — материал для пересадки органов, — пояснил Горан.

— И кому вы планировали пересаживать органы гомункула? — спросила с подозрением. — И чье сознание в него вселять?

— Если бы получилось — нашли бы кому, — отмахнулся Стевич. — А заранее такие вещи планировать глупо и бесчеловечно. Это же эксперимент, кто знал, чем он закончится? Вдруг тело окажется нестабильным? Вот пересадишь кому-то сердце, а оно через луну разложится на составляющие... Нет уж. Предваряя твой следующий вопрос — тебе это не грозит, не дергайся. Я вздохнула. Легко сказать — не дергайся! Мог бы про эти свои опасения не говорить. Да и про остальное — тоже. С другой стороны, все это неприятно, но... они же не разобрали меня на ценные составляющие, когда все пошло не так. Поэтому — какая разница?

— А из чего вы меня собирали? — любопытствовала я.

— Ты точно уверена, что хочешь это знать? — очень ехидно осведомился Стевич, насмешливо выгнув брови.

— Уже не уверена. Но — говори, а то меня любопытство замучает.

— Три литра донорской крови от разных людей, два литра молока, немного минеральных удобрений, мела и некоторых других элементов. Пятьдесят килограммов говяжьей обрезки, костей и потрохов из лавки мясника, — перечислил Горан, с искренним злорадным удовольствием наблюдая за моей реакцией. — Чем изменяемое вещество ближе к результату по структуре и составу, тем проще и эффективней работа.

— Ясно, — через несколько секунд протянула я, рассеянно пялясь в пространство перед собой и пытаясь как-то уложить в голове информацию. Потом нервно хихикнула. — Дефицит финансирования, пособия лепятся из говна и палок.

— Ну, не настолько фатально, — со смешком возразил Стевич. — Все-таки это не мусор и не отходы. Мясо использовали вполне свежее.

Я бросила на него задумчивый взгляд, пытаясь на глаз определить, издевается он так или утешает, а потом не выдержала — и расхохоталась.

— Только Маю об этом не говори, ладно? — попросила с трудом сквозь смех. — А то мало ли как он воспримет...

Стевич задумчиво осмотрел меня с головы до ног — не то прицеливаясь, не то прицениваясь, и в конце концов заметил:

— Не думаю, что он проявит брезгливость. Не думаю, что он вообще обратит на это внимание! Но если хочешь — не скажу, будем считать врачебной тайной.

— Это что же получается, если кто-то меня короной обзовет, мне и возразить нечего будет? — задумчиво предположила я и вновь захихикала.

Под чуть насмешливым взглядом Стевича чувствовала себя глупо: сама пошутила, сама посмеялась. Но ничего поделать с немного истерическим весельем не могла.

— Горан, а ты не знаешь, что могло так повлиять на Мая? Не только ведь мое общество, правда? — протянула задумчиво. — Я, конечно, само очарование, да и цвета — черный с белым — действительно кажутся противоположными, поэтому процесс видится естественным. Но хотелось бы, знаешь ли, подробностей. Не в научных терминах, на пальцах. Как именно это работает?

— Если я выясню точно, ты сможешь прочитать об этом в каком-нибудь толстом научном журнале, — со смешком отмахнулся мужчина. — А то еще, может, Ивичевскую премию дадут, — размечтался он.

— Мы будем за тебя болеть. Погоди, тебе премию... а как же те двое ребят аспирантов? — вспомнила я.

— Я с ними поделюсь, — весело фыркнул Горан. — Что, думаешь, мерзавец задвинул пару юных дарований? Не переживай за них, они как работали со мной, так и работают. Ты просто с ними по графику не совпадаешь. А зачем они тебе?

— Да просто так. — Я развела руками. — Хочется немного расширить свой круг знакомств, а больше я кандидатур не вижу. Нет, Май чудесный и лучше всех, но мне как-то даже неловко постоянно ходить за ним хвостом. В идеале мне бы, конечно, подружку... Жалко, что сестра его такая психованная.

— Сестра, — задумчиво повторил Горан, вздохнул и махнул рукой. — Там тоже не все гладко и очевидно. Смотреть надо, а она мне не пациент и не друг.

— Ладно, не хочешь про нее — давай опять про Мая, — легко согласилась я. — Расскажи, что на самом деле случилось с его дирижаблем?

— А можно я просто спокойно займусь своими расчетами? — Стевич возрился на меня с укором.

— Нет, — твердо ответила я и пояснила под его взглядом, полным восхищенного возмущения такой наглой прямолинейностью: — Ты меня создал? Вот и будь добр отвечать на вопросы собственного детища. Ты же отец трех детей, ну должен же что-то понимать! — добавила не без ехидства.

— Они пока еще слишком маленькие для того, чтобы отвлекать меня от работы.

— Или жена у тебя слишком добрая, — легко парировала я. — Горан, ну мне скучно, у меня же даже книг с собой нет! Зато представляешь, как здорово будет, когда Май меня заберет?

— Жду не дождусь, — иронично отозвался Горан, но бумаги свои все-таки отложил.

Ничего внятного он, правда, рассказать не сумел, но не из вредности, а по неосведомленности. Дирижабль потерпел крушение в горах, где поиски выживших и обломков осложнились очень трудным, изрезанным рельефом и потому опасной ветровой обстановкой. Поиски начали почти через полсуток после крушения — пока поняли, что и где случилось, наступила ночь. К вечеру первого же дня повезло, обломки обнаружили, но добраться до них так сразу не удалось — ни самолет, ни шар посадить возможности не было. Но, судя по виду обломков дирижабля, найти выживших надежды не было.

А на третий день после крушения Мая подобрали местные пастухи. Истощенного, израненного, чуть живого, в беспомощности — почти в пятнадцати километрах от места аварии, если по прямой. Как именно он туда добрался, оставалось загадкой: даже потом, придя в себя, Недич так и не сумел вспомнить обстоятельства аварии.

И, пожалуй, не было ничего удивительного в том, что подобное появление капитана погибшего дирижабля всем показалось подозрительным. Это я твердо знала, что ничего дурного Май сделать не мог просто потому, что это Май, а со стороны чудился мерзкий душок. В скандальной горячке громкой трагедии озвучили поспешные выводы — надо было найти виноватого. Младшего Недича взяли под стражу прямо в больничной палате, когда он не то что сбежать — говорить едва мог.

Но, надо отдать должное как владыке, так и ведущему дело следователю, дотошность не позволила им вынести приговор на одном только основании фантастического везения, поэтому через три недели собранная и тщательно оснащенная экспедиция добралась до места аварии. Еще через полторы луны экспедиция вернулась с результатами, из-под стражи Мая выпустили, но продолжили трепать нервы.

Именно тогда он нашел убежище в Зоринке. Старый ректор университета хоть и не встречался лично с каждым служащим, но, похоже, был в курсе последних новостей и показал себя при этом, на мой взгляд, очень достойно. Всех недовольных и интересующихся, почему преступник на свободе и что он вообще забыл в таком замечательном учебном заведении, профессор Дудкович вежливо посылал. Мол, профессиональные качества преподавателя Зоринку устраивают, а к его боданию с законом университет отношения не имеет. Человек на свободе, не прячется, его не задерживают? До свидания, господа.

В итоге после долгой муторной волокиты обвинения с тезки сняли. Авария была названа результатом несчастного случая, невиновность капитана — доказана. Владыка объявил младшего Недича новым князем и даже публично извинился. Май столь же публично пообещал служить владыке, народу и стране верой и правдой, а историю потихоньку замяли. Хотя подробный отчет так и не опубликовали, что некоторое время подстегивало слухи и сплетни о том, как и какой ценой Недич договорился с владыкой. А потом затихли и они.

Сволочь этот владыка. И следователи его — сволочи! Можно подумать, они действительно все это время не могли отличить несчастный случай от злого умысла! А потом ручки умыли, а бедному Маю отмывайся! А он этой сволочи еще и присягал...

— Ты в курсе, что уже наговорила на луну ареста за оскорбление правящей семьи? — со смешком предупредил Стевич, наблюдая за моими метаниями по лаборатории.

— Да хоть на год! Бедный Май... Ух, мне бы этого владыку вместе со следователем, я бы им глаза выцарапала! Как можно было так долго разбираться?!

— Май мне друг, но ты говоришь ерунду, — поморщился Горан. — Не так-то просто разобраться, что привело к аварии, случайно дирижабль врезался в скалу или его туда направили. Тем более что случайность там весьма сомнительна.

— Погоди, вот сейчас не поняла. — Я остановилась перед Стевичем и скрестила руки на груди. — Но ведь есть заключение, да и Мая оправдали. Ты хочешь сказать, что веришь, будто он мог такое сотворить?!

— Я этого не говорил, — возразил мужчина. — Май на подобное не способен, не нужно приписывать мне такое лицемерие. А заключения в свободном доступе нет. Вообще никаких подробностей, только вывод.

— И что из этого вытекает? И что говорит об этом сам Май?

— Он не обсуждает ту аварию. Когда я пытался задавать вопросы, мы всерьез повздорили, и с тех пор я перестал навязчиво лезть ему в душу, — спокойно пояснил Горан. — А вытекает... Я бы предположил, что авария все же была неслучайной. Долгое расследование неизбежно в любом случае, но такой финал свидетельствует именно об этом.

— То есть кто-то подстроил аварию, но виновного так и не нашли? — опешила я.

— Как вариант, — пожал плечами Стевич. — А еще это может быть некая конструктивная ошибка, которая вскрылась столь высокой ценой. Поскольку дирижабль был серийным, вполне могли скрыть истинную причину, чтобы избежать паники. Увы, я не знаю, проводились ли проверки других аэростатов той же серии, это бы все объяснило.

— А почему ты за такое долгое время не выяснил?! — возмутилась я.

— Зачем? — Горан задал вопрос, который поставил меня в тупик.

— Как — зачем? Любопытно же!

— То есть ради удовлетворения любопытства неправильного гомункула, которого я вывел почти через год после аварии? — язвительно уточнил он. — А мое любопытство не столь велико, чтобы ради сомнительной цели отвлекаться от основной работы. Или, вернее,

направлено в другие области. Я не следователь и не инженер, и, чтобы во всем этом разобраться, мне понадобится очень много времени. Какой в этом прок? Если Мая оправдали — значит, занимались этим люди компетентные. В конце концов, каждый должен делать свою работу.

— Как это компетентные, если они хиленькую отписку напечатали — и забили на расследование?!

— Кто тебе такое сказал? — поморщился Горан. — Если дело не полощут в прессе, оно не обязательно закрыто.

— Да, действительно... Такой вариант мне в голову не приходил, — слегка смутилась и поутихла я.

— Прекрасно. А теперь, может быть, ты наконец подумаешь о чем-нибудь полезном или не очень, но, главное, тихо? — Раздражение все же прорвалось в голос Стевича.

— Прости, не могу. — Я не прониклась, но виновато развела руками. — Если начну думать, я точно упрусь куда-нибудь и стану задавать вопросы. Может, ты привлечешь меня к какому-нибудь полезному делу?

— К делу? — переспросил Горан уже более благосклонно. — Это можно. Посмотрим, на что ты согласишься.

Применение мне в итоге нашли, хоть и не особенно почетное, но полезное, а главное, отвлекающее от посторонних мыслей. Выяснилось, что я хорошо разбираю торопливый почерк Стевича, а сама пишу на порядок аккуратнее, вот мужчина и приставил меня к переписыванию какого-то отчета с потрепанного и заляпанного черновика на чистые листы тонкой сероватой бумаги. Я, конечно, все равно продолжила дергать Горана уточнениями непонятных терминов и неразборчивых цифр, но на это он уже не сердился и отвечал с куда большей охотой. А сам мой создатель занялся какими-то мудреными вычислениями с помощью обычных счетов, пары справочников и какого-то очень мудреного механического устройства с кучей шкал и рычажков.

— Как тебе только не стыдно? — укорил его Май, нашедший нас за этим занятием.

— Никак не стыдно, — отозвался Горан. — Занятый ребенок — счастье родителя. Садись, дай я с тебя опять показатели сниму.

В этот раз Май уже не стал сопротивляться и уточнять зачем. По-моему, Стевича такое обстоятельство порадовало, а визуальное подтверждение моих слов, то есть изменившийся цвет глаз друга, придало энтузиазма. Он с таким хищным выражением поглядывал на Недича, что я бы на месте последнего напряглась. Но нет, тетка даже внимания не обратил; видимо, и не к такому привык.

— Как обстоят дела у Майи? — поинтересовался Май, когда Горан закончил процедуру.

— Прекрасно, она уже почти в норме. Великолепный результат, а вот что к нему привело — предстоит выяснить, — ответил тот.

Я запоздало вспомнила о собственных страхах и нежелании сообщать новости Недичу, но тут же убедилась в их несостоятельности.

— Это замечательно, — обрадовался мужчина. — Значит, ей не придется целыми днями скучать дома, да и на верфь можно будет поехать. Как раз должны быть готовы ее документы. Похоже, Май за прошедшие дни успел настолько ко мне привыкнуть, что просто не вспомнил о возможности выселить гостью, хотя бы в общежитие. Я, конечно, задушила голос совести и стремление к самостоятельности и напоминать о таком варианте не стала. Потому что гордость и независимость — это здорово, но лучше бы немного освоиться в окружающем мире перед началом самостоятельной жизни.

А если совсем уж честно, плевать на эти мелочи. Не пропаду. Найду работу, научусь жить среди местных: я ведь не дура и не слепая, могу за языком следить, если надо, и не болтать лишнего. Но мне совсем не хотелось расставаться с Маем. А если это нежелание взаимно, то...

Нет, пока об этом лучше не думать, а то начинает швырять от шальной надежды к отчаянию и обратно. И торопить события тоже не надо, пока все и без моих усилий идет хорошо.

— Май, а как ты думаешь, чем мне стоит заняться? — полюбопытствовала я позже, когда блестящий вороной монстр вырливал с территории Зоринки.

К этому времени мы успели не только закончить разговор со Стевичем, но и посетить очередную тренировку, которую я провела на знакомой уже скамейке. Май отправился в спортзал как будто с охотой, и это меня несказанно обрадовало.

— В каком смысле? — озадаченно покосился на меня мужчина.

— В глобальном. Ну вот я сейчас быстренько освоюсь, мне кажется, этот мир не так уж сильно отличается от привычного. Писать, читать и считать я умею хорошо, я сегодня это, взяв с отчетами Стевича, поняла. А дальше мне чем заниматься? Может, в Зоринку поступить? Как думаешь, возьмут?

— Отчего бы и нет, — хмыкнул он. — Но до нового набора еще четыре луны, куда ты так торопишься?

— Я не то чтобы тороплюсь, просто... — Я запнулась, подбирая слова. — Знаешь, такое ощущение, что я привыкла к большим нагрузкам, привыкла много думать и что-то делать, а эти детские книжки — они хоть и полезны, но все-таки совсем не то. Да даже не в думах проблема; мне хочется что-то делать, что-то полезное. Может, отчасти поэтому и нравится готовить, а?

— Понимаю. Нет хуже кары для деятельной натуры, чем вынужденное бездействие, — задумчиво покосился на меня Май. — Постараюсь что-нибудь придумать к тому моменту, когда у тебя появятся документы.

— Спасибо!

Дальше вечер пошел проторенным путем, разве что ужин Май заказал на кухне. Спорить я не стала: слишком сильно хотелось есть, чтобы ждать, пока приготовится что-то даже очень быстрое. Это же страшная мука — вдыхать ароматы, пока на сковородке что-то аппетитно шкварчит...

Ну и, кроме того, я чувствовала себя слишком рассеянной для готовки и не питала к ней сейчас никакого интереса. В голове теснились вопросы и мысли, и стоило очень внимательно следить за собой, чтобы не ляпнуть что-то вслух. Речь шла, конечно, не о чувствах: я еще не настолько прикипела к Недичу, чтобы прямо в лоб заявить бескомпромиссное «я тебя люблю». Беспокоил меня рассказ Стевича, который за день улегся в голове, а теперь требовал подробного анализа. Как выжил Май? Один, раненый, в горах... Что он там пережил? Именно крушение дирижабля стало тем ударом, который лишил его памяти, или что-то иное? В том, что он действительно забыл аварию, я не сомневалась: как не мог бы тезка безжалостно уничтожить дирижабль со всем экипажем и пассажирами, так не стал бы лгать следствию. Да и не только следствию: в то, что следователям он рассказал правду, а версию про беспамятство сочинили для посторонних, тоже не верилось. Скорее, Май просто отказывался бы обсуждать этот вопрос или ссылался на запрет.

Почему разбился аэростат? Это ведь очень надежный аппарат. Хоть я помнила о них не так уж много, но это утверждение не вызывало сомнений. Мог разбиться при посадке, да, но с чего бы вдруг Маю сажать дирижабль среди гор? А в полете... Попали в грозу и поймали молнию? Но тогда с чем там так долго разбираться? Других столь сокрушительных случайностей я представить не могла.

Стевич прав: по какой-то причине утаили правду. Но какую и зачем?! Диверсию легко можно было обернуть в свою пользу, обвинив заокеанского врага. Ошибку экипажа Маю не простили бы. Да и инженерную ошибку не списали бы так просто... Может быть, предпочли проверить все по-тихому, не поднимая паники и не подрывая доверия граждан к воздушным кораблям? Верилось в это с трудом.

В общем, вопросы мелькали в голове, а все поиски ответов раз за разом терпели фиаско из-за отсутствия у меня специфических знаний о возможностях магов и невозможности прояснить детали происшествия и расследования. Май-то точно не расскажет...

Я отдавала себе отчет, что интенсивно копать в том направлении не стоит, только привлеку к себе ненужное внимание. Историю столь странно замаяли явно не случайные люди, а специалисты по распоряжению свыше, и они с легкостью укоротят излишне длинный нос любому коренному ольбадцу, не говоря уже о подпольно слепленном из собачьих деликатесов гомункуле с контрабандной душой.

Ни одного весомого аргумента, зачем мне вообще нужно лезть во все это, я также назвать не могла. Но все равно хотела знать. Из-за огромного интереса к самому Недичу, желания снять груз с души Мая, отсутствия у меня другого серьезного дела или общего любопытства — боги знают!

Но в конечном итоге я кое-как справилась с собой, уняла разыгравшуюся фантазию и спустилась на землю, к книгам.

А на следующий день поняла, что сидеть до вечера в одиночестве совсем не хочу, и напросилась с Маем в Зоринку. Тезка не особо возражал, хотя предупредил, что у него сегодня консультационный день и уделить мне внимание не получится: Недича будут осаждать студенты с недозащищенными практическими работами и домашними заданиями. Если он хотел меня этим отпугнуть — зря старался, стало только интереснее.

— А я тебя никак не скомпрометирую, если сунусь послушать на консультацию? — запоздало уточнила, когда мы уже погрузились в авто.

— Ты — меня? — с иронией переспросил Май. — Только если будешь мешать работе, вести себя вызывающе и свидетелем этого станет кто-то из начальства, случайно заглянувшего в кабинет. Но я не думаю, что ты планируешь нечто подобное. А в остальном — поздно уже об этом думать.

— Нет-нет, что ты! Я буду тихо-тихо сидеть, как... как мышка. Но только если я там буду единственной мышкой, — предупредила, пожившись от воспоминания о встрече в кабинете с мерзкой хвостатой тварью. — Но ты же меня от нее спасешь, если что, да?

— Обязательно, — серьезно кивнул Недич, покосившись на меня, хотя глаза его весело блестели.

Нет, ну до чего же он все-таки милый, а...

— А о чем поздно думать? — полюбопытствовала я, желая свернуть с опасной темы грызунов-вредителей. — Ну, ты сказал, что...

— Я помню, — отмахнулся Май. — А ты уже забыла о встрече со студенткой Добрицей в первый день своей жизни? Так что, если не готова к неудобным вопросам, лучше не оставайся наедине с незнакомыми людьми. Ты и моя личная жизнь мало кого интересуют всерьез, но зато те, кого интересуют, вряд ли станут стесняться в выражениях.

— А-а-а, в этом смысле поздно! — осознала я. — Да ладно, какие они мне могут задать неожиданные вопросы?

Грустная мысль, что молва нас уже поженила, а мы даже не целовались ни разу, меня своим появлением не удивила, и отогнать ее удалось быстро.

Май же задумчиво глянул на меня и, тяжело вздохнув, негромко заметил:

— Я не думаю, что это хорошая идея — повторять слухи.

— Ну здравствуйте! — Я возмущенно всплеснула руками. — Сначала растравил любопытство, а теперь слухи повторять не хочет! Нет уж, давай рассказывай, а то я пойду у студентов спрашивать!

— Впечатляющая угроза, — хмыкнул Недич. Несколько секунд помолчал и предположил: — Я не возьмусь повторить все фантазии. Но вот, например, возможный вопрос: мальчик или девочка?

— Мальчик, — машинально отмахнулась я еще до того, как осознала вопрос.

— Что — мальчик? — не понял Май.

— А что — или? — ехидно передразнила я. А сообразив, о чем речь, захихикала: — Погоди, ты что, имеешь в виду, что катастрофа уже приобрела вот такие масштабы?

— Горан делился и такой версией, — виновато пожал плечами Недич. — Что я таскаю тебя к нему для наблюдения, боясь огласки. Кхм. То есть это кажется тебе не оскорбительным, а смешным? — уточнил он с некоторой растерянностью.

— Конечно, смешно. Хороша секретность — среди дня таскать любовницу к университетскому профессору на глазах у всего университета! Погоди, но Горан же не врач, зачем водить к нему беременную любовницу?

— Стевич — фиолетовый маг большой силы и опыта, специализируется на людях, — пояснил Май. — Он легко может справиться с такой задачей. Просто он ученый и не интересуется столь... приземленными вещами. Но теоретически вполне мог бы... оказать другу подобную любезность.

— Что, и ему не нужно для этого какое-нибудь специальное разрешение с печатью?

— Если только он соберется зарабатывать на этом деньги и начнет активный прием пациентов. А тут личная просьба, и просящий действует на собственный страх и риск.

— Логично, — признала я. — А какие еще версии наших взаимоотношений существуют?

— Разные, — уклончиво ответил Май. — Впрочем, если ты так же уверенно станешь отвечать на все глупые вопросы, бояться тебе нечего.

— Ага, бояться надо тебе. Я же такого наотвечаю сгоряча! — рассмеялась я. — Прощай, репутация.

— Боги, Майя! — пробормотал тезка насмешливо. — Пойми, мужскую репутацию портят совсем другие вещи, а никак не наличие красивой любовницы, даже если она своим поведением не похожа на светскую даму. Особенно если она не похожа на светскую даму, — хмыкнул он себе под нос.

— А какие портят? — заинтересовалась я. — То есть я могу предположить, но лучше тебя послушаю.

— Невоздержанность в азартных играх. Пьянство. Трусость. Бесхарактерность — хотя тут вопрос, с кем проявлять характер. — Усмешка Мая стала жесткой, а в глазах мелькнуло что-то холодное и недоброе. — Жестокость к женщинам, соращение молоденькой аристократки. Нарушение присяги и предательство владыки, — продолжил перечислять он. Потом помолчал немного и добавил бесцветным тоном: — Но все пороки в высшем обществе искупаются состоянием и титулом. Так что, чтобы испортить мою репутацию, нужно очень здорово постараться. Вряд ли у тебя это получится.

— Неужели они там все такие... мерзкие? — осторожно спросила я.

— Я бы не сказал. — Он слегка пожал плечами. — Со стороны все это выглядит достаточно благолепно, и большинство посещающих салоны и вечера аристократов просто не задумываются о подоплеке. Для человека, который живет спокойной размеренной жизнью, привык соблюдать правила, которому повезло не попасть в серьезные неприятности, это — милое развлечение. Танцы, салонные игры, разговоры, флирт — все достаточно невинно и жизнерадостно.

— А ты... принципиально не желаешь иметь с ними что-то общее? — уточнила еще осторожнее.

Май некоторое время помолчал. Я не торопила — понимала, что вопрос слишком личный, на грани. Потому что касался он, конечно, не салонных развлечений, а недавнего прошлого мужчины, и тот не мог этого не заметить.

— Скорее просто не могу сосредоточиться на форме, — наконец ответил Недич. — Умом понимаю, что людям свойственно не задумываться о чужих бедах, и это нормально. Но... — протянул неопределенно, пожал плечами. А потом вздохнул и продолжил: — Уместнее назвать это чувство обидой. Думаешь, стоит плюнуть и забыть?

— Ну разве что плюнуть в лица, — ответила я с рассеянным смешком.

— Что ты имеешь в виду? — Май бросил на меня озадаченный взгляд.

— Не в прямом смысле, конечно. Да и обычаев великосветских я не знаю, так что могу что-нибудь не понимать или понимать неправильно. Но, по-моему, лучшая мезь тому, кто сделал гадость, — показать, что у тебя все прекрасно. Вот он старался, делал, язвил, интриговал, столько сил и эмоций потратил — а я прихожу вся такая счастливая, красивая и блистающая, вежливо здороваюсь, улыбаюсь ласково. Да он же сдохнет от собственного яда!

— Интересная позиция, — кашлянул тезка, бросив на меня задумчивый взгляд. Улыбнулся иронично и спросил: — Или тебе просто любопытно взглянуть на высшее общество и ты так изящно подталкиваешь меня принять приглашение?

— Любопытно, конечно, — не стала я отрицать очевидное. — Но мнение по вопросу было честным. Если совсем уж прямо: мне кажется, тебе стоит пойти. Именно на этот прием или на какой-то другой, независимо от того, возьмешь ты меня с собой или нет. Чтобы никто не мог сказать, что ты трусишь, прячешься и кого-то там боишься. Нет, я-то понимаю, что тебе просто противно. Но ведь, наверное, есть какие-то мероприятия, обязательные для посещения? Ну не знаю, например, день рождения владыки, которого нельзя не поздравить. Так, может, стоит морально подготовиться заранее?

— Интересная мысль, я подумала, — медленно, с расстановкой проговорил Май.

А дальше разговор прервался сам собой, потому что мы приехали в Зоринку.

В этот раз студенты уже караулили Недича у двери — два долговязых юноши и миниатюрная девушка, все трое — с испуганными глазами первокурсников. Они хором поздоровались с Маем, меня не заметили и на нетвердых ногах прошли в кабинет. Смущать их своим присутствием я не стала, и хозяин проводил меня дальше, заодно положил книги на стол: тащить их самой мне, конечно, не позволили. Но дверь в лабораторную часть я оставила приоткрытой: было жутко интересно подслушать, как именно Май общается с учениками.

Впрочем, подслушивать эту троицу мне быстро наскучило — они оказались из отстающих, ответы на вопросы блеяли неуверенно и даже при подсказках Мая несли какую-то чушь, я это понимала. Поэтому в очередной раз подивилась выдержке и терпению тезки и погрузилась в собственные книги.

— Ой, привет, проект! — через какое-то время отвлек меня знакомый голос.

Рыжий аспирант Небойша Минич вошел в кабинет впереди Мая, с интересом и жадностью разглядывая меня.

— Сам ты это слово, — фыркнула я. — Но привет, раз не шутишь.

Недич тем временем подошел к шкафу и достал оттуда два бумажных свертка, которые вручил аспиранту.

— Держите, Минич. Платье из прачечной, обувь вычищена, все в целости и сохранности. Передайте студентке Добрице благодарность и извинения за доставленные неудобства, — сказал он.

— Да ладно, я уже извинился, — беспечно отмахнулся Небойша. — Вот вещи отдам, и совсем никаких претензий не будет. А ты, я смотрю, осваиваешься? — переминаясь с ноги на ногу под выжидающим взглядом хозяина кабинета, все-таки спросил у меня Минич.

Май окинул нас выразительным взглядом, неопределенно хмыкнул и молча вышел в соседнюю комнату: видимо, понял, что аспирант так просто не уйдет, а причины выгонять его силой не было.

— Да, потихоньку, — согласилась я. Почему бы и не поболтать, в самом деле? — А почему ты вещи именно с этой девушки стащил?

— Ничего я не стаскивал, я просто одолжил... ненужное, — не смутился аспирант и без приглашения плюхнулся в соседнее кресло.

Студентка Добрица во время отъема у нее имущества не пострадала: Небойша просто зашел к ней и влез в шкаф, пока хозяйка не видела. Почему именно к ней — объяснялось просто: они встречались. Хотя за такое объяснение мне этого аспиранта захотелось стукнуть. Вроде взрослый человек, неглупый, мог же сразу придумать какое-нибудь объяснение и попросить! Нет ведь, надо по-тихому спереть и удрать в надежде, что девушка не заметит пропажи. А объясняться все равно пришлось, когда недовольная Добрица его поймала. Надо отдать должное Миничу, по простейшему пути он не пошел и не стал валить все на преподавателей — мол, ничего не объяснили, просто попросили достать одежду. Представил меня «родственницей учителя Недича» и соврал, что я в лаборатории случайно опрокинула на себя какую-то жидкость с непроизносимым названием, и моя собственная одежда пришла в негодность. Подозреваю, что в родственницу Мая Добрица, уже нарисовавшая себе романтическую картину, не поверила. Но это все равно лучше версии с массовой оргией.

Мы еще некоторое время поболтали о разном, включая мои воспоминания и историю появления. Небойша среди прочего рассказал, что отнеслись они ко мне, как к стертой, не только на основе внешнего вида, но и благодаря показаниям прибора. Объяснил еще, в какой момент все пошло не так, как планировалось: именно тогда, когда готовому гомункулу запустили сердце. До этого тело больше года «созревало» в соответствии с расчетами на столе, в сформированном приборами коконе — той самой радужной неощутимой пленке, остатки которой я видела при пробуждении. Причем, на взгляд Небойши, я перед пробуждением здорово изменилась внешне. Как смущенно пояснил аспирант, болванка была безликой, а я — красивая.

Даже неловко стало от таких известий. Не про красоту, конечно, — про способ создания тела, которое я присвоила. Оказывается, на него потратили столько сил и времени — а я взяла и сбежала под крылышко к Маю. Конечно, они меня сами туда отправили и вроде счетов за сорванный эксперимент не предъявляли, но все равно совестно. Надеюсь, из такого результата Стевич тоже сделает какие-нибудь жутко полезные выводы и время эксперимента не окажется потерянным.

Поболтали мы неплохо, к общему удовольствию, но вскоре я поняла, что общество Небойши меня... не сказать, что тяготит, но не вполне устраивает. Чего-то не хватало, хотя совсем недавно я была уверена, что не хватает мне именно разнообразия в общении. И вскоре признала очевидное: я соскучилась по Маю, который находился сейчас за стеной и что-то втолковывал студентам.

Поначалу эта мысль только позабавила, потому что весело было находить новые признаки влюбленности. А потом я кое-что вспомнила — и стало не по себе. Жутковато, если честно, стало...

— Неш, а Стевич сейчас в Зоринке? — спросила напряженно.

— Должен быть, только у него сейчас лекция. А что? — любопытствовал он.

— Хочу кое-что уточнить по моему состоянию и его перспективам.

— Так давай я отвечу, — предложил аспирант.

— А ты уже знаешь, что он там намерил и насчитал вчера? — спросила я, очень надеясь на отрицательный ответ. Конечно, отвлекать профессора от лекции не хотелось, но делиться настольно личным с Миничем хотелось еще меньше.

Вообще, забавно. Горан — циничен и язвитель, он наверняка не упустит случая съехидничать на тему моих чувств и привязанности. Но все ему рассказать морально было куда проще, чем кому-то другому. Видимо, я воспринимала его как доктора, обманывать которого вредно в первую очередь для собственного здоровья.

— Ну... нет, пока не успел, — смутился аспирант. — Но вообще лекция скоро должна закончиться...

— Покажешь, где это? — решила я. Можно было и до вечера подождать, но тревога все-таки грызла, хотелось выяснить все сразу.

— Это в соседнем корпусе, — предупредил Небойша, которому явно было лень куда-то со мной идти.

— Ничего, не прибьют же меня тут и не съедят по дороге, — отмахнулась я. — Пойдем.

Мая мое срочное желание поговорить со Стевичем, может, и озадачило, но протеста не вызвало. Он только уточнил, проводит ли меня Минич обратно и, если нет, найду ли я дорогу самостоятельно. Я оптимистично заверила, что как-нибудь доберусь.

— Привет! — с удивлением и нотками ревности встретила нас у двери уже помянутая сегодня студентка Добрица. — А куда это вы?

— Привет! — ответила я и поспешила взять инициативу в свои руки, пока аспирант не наговорил какой-нибудь ерунды: — Спасибо тебе большое за одежду и прости, что так получилось. Небойша согласился проводить меня к профессору Стевичу, чтобы я не заблудилась. Пойдем с нами? Я Майя.

— Майя? — хихикнула девушка, заметно смягчаясь, и деловито подхватила под руки меня и Минича. Я стратегический ход по отделению парня от возможной соперницы оценила и вырваться не стала. — А я Радмила, Рада. Что, правда — Майя? Ну это прямо судьба!

— Да уж, судьба, — задумчиво отозвалась я.

— А ты правда невеста Капитана? — конечно же не удержалась она от главного вопроса.

— Я дочь его погибшего друга. А Май просто пожалел меня и согласился помочь освоиться. Мне в Беряне ужасно не везет... Как приехала — ограбили, да и то платье, которое оставалось, испортилось, — грустно вздохнула я, радуясь, что по документам мне всего семнадцать лет и болтать без умолку положено природой. — Страшно представить, что со мной было бы, если бы не Май! Беряна такая огромная, столько людей, так все сложно...

— Ой, да не то слово! — подхватила Рада. — Я сама долго привыкала!

За такой вот девичьей болтовней мы и коротали путь. Небойша не встречал, лишь поглядывал на меня ошарашенно: кажется, он удивлялся той легкости, с которой я маскировалась под нормального человека и выдавала заранее заготовленную историю.

К вопросам об островах я тоже была готова: приключенческую книжку про рыбаков и контрабандистов, выданную Маем, прочитала от корки до корки, притом с удовольствием. Тезка даже пообещал найти мне еще что-нибудь того же автора, у него в личной библиотеке больше не было. Кстати, надо бы напомнить...

В итоге Радмила прониклась и, если до этого сердилась за платье, окончательно простила вынужденную кражу. Только попеняла Небойше, что мог бы и попросить — что ж она, зверь какой, человеку одежду пожалеть! Аспирант благоразумно покаялся в очередной раз и пообещал больше так не делать.

— Рада, а скажи мне, пожалуйста, — опомнилась я, — почему здесь, в столице, приняты наряды с такими неудобными застежками, на спине? Вот то платье, которое Неш принес, и другие, которые мне Май купил...

— Потому что Неш выбрал, конечно! — возмущенно фыркнула она.

— Ну я же тебя в нем видел, узнал, ну и вот... — виновато пробормотал Минич.
— Ну да, на свидании он меня видел! Хорошо, хоть что-то запомнил, — проворчала Рада.
— Это все к чему было? — попыталась я вернуть их к заданному вопросу.
— Да не все они такие, — отмахнулась Радмила. — Капитан-то небось не в абы какую лавку тебя потащил, а к личному портному или в салон. А кто в таких местах одевается — у тех прислуга есть. У остальных все практично! — Она кивнула на собственный костюм из юбки, блузки и приталенной жилетки.
— Да, я как-то не подумала об этом, — пробормотала растерянно. Ответ оказался удивительно простым.

Мы перешли из лабораторного корпуса в соседний, миновав живописную галерею с огромными окнами по обеим сторонам. Вид был не особенно захватывающий, но зато вдоль прохода тянулись широкие низкие подоконники, которые студенты облюбовали для своих посиделок вместо лавочек. Кто-то читал, кто-то болтал, кто-то переписывал не то лекции, не то домашние задания, кто-то дрожащими от усталости руками переводил через стекло чертеж. Последнего парня я искренне пожалела: у него выходило не слишком-то ровно, а работа была обширная и непростая. Хотя бумага по стеклу и не съезжала; подозреваю, работала тут та же увеличивающая трение магия, что и в моих чулках.

Лекционный корпус отличался масштабами. Коридоры шире, потолки выше, больше света — здесь явно все было рассчитано на внушительные толпы народа. Хотя сейчас, посреди занятия, в коридорах царил тишина.

— Предлагаю подождать, осталось всего пять минут, — сообщил Небойша.

— Пять минут потерплю, — покладисто кивнула я.

— А зачем тебе профессор? — запоздало поинтересовалась Радмила.

— Он мою голову после того нападения осматривал, а она вот закружилась сегодня, я хотела попросить проверить. — Версию я придумала по дороге, поэтому к вопросу оказалась готова. — Да вам не обязательно ждать, я запомнила путь.

— Ну нет! Еще не хватало, чтобы ты упала по дороге! Удар по голове — это не шутка, — назидательно заявила Рада.

Хм. Версия хорошая, но мне-то надо со Стевичем с глазу на глаз поговорить, без свидетелей! Ладно, одна надежда, что он после лекции соберется обратно в лабораторный корпус, глядишь, получится ускользнуть из-под опеки Добрицы. Нет, она хорошая девушка, хоть и болтушка, сердобольная и заботливая. Но... вот именно сейчас это ужасно некстати.

— Майя? — с удивлением окликнул меня профессор, последним покидая аудиторию. — Стучится что-то?

— Мне кажется, мое самочувствие ухудшилось. Ты же говорил, если вдруг голова опять заболит или закружится, сразу обращаться. Ну вот и... — спешно затараторила я, делая страшные глаза и старательно кося на Добрицу.

— Ах, голова, — задумчиво протянул Горан. — Ну давай посмотрим твою... голову. — Он потянул на себя дверь, которую не успел запереть. — Проходи. Нет, вы, если хотите ждать, ждите тут, осмотр пациентов — дело личное.

К моему облегчению, Стевича они послушались, и мы вдвоем вошли в лекторий. Это была большая прямоугольная зала, где стулья и столы для учеников располагались ярусами, словно в театре. Горан прошел к преподавательскому столу, положил на него потертый пухлый портфель.

— Ну что там у тебя за проблема? С головой, — хмыкнул он.

— С головой — это я для Добрицы придумала. Что меня треснули по макушке, когда ограбили, а Май к тебе привел для наблюдения.

— Давай к делу, перерыв короткий.

— Да, к делу. Ты уже проанализировал вчерашние результаты? Ничего... странного там не было? — напряженно спросила я.

— Кроме того, что вы оба идете на поправку? Нет. — Стевич после моих слов сделался гораздо более заинтересованным. — Что-то изменилось?

— Не знаю, — вздохнула я. — Помнишь, ты говорил, что при продолжительном нахождении рядом с другим человеком у стертого может возникнуть привыкание, а потом и вовсе зависимость? Так вот, твои измерения показали бы, если бы что-то подобное приключилось?

— А ты, значит, полагаешь, что оно приключилось? — переспросил Горан с кривоватой усмешкой. — И какие симптомы?

— Ну... Я вот, например, вчера думала, что мне не хватает разнообразия в общении, очень узкий круг знакомств. А сегодня посидела, поговорила немного с Небойшей и поняла, что мне совсем даже не хочется ничего расширять и лучше бы я с Маем болтала. Хотя он при этом, на минуточку, был в соседней... — В этот момент я осеклась, потому что Стевич расхохотался, не дождавшись конца рассказа. — Ага. То есть я напрасно паникую, это не магическое отклонение?

— Как сказать, — весело возразил мужчина. — Но поверь мне, такую зависимость ты бы ни с чем не спутала и сомнений у тебя не возникло бы. Там речь не о желании быть рядом, а о панических атаках в отсутствие объекта привязки и болезненном, мучительном состоянии сродни абстинентному синдрому. У тебя, деточка, это симптом другого заболевания, — ехидно подытожил он.

— Ой, вот только издеваться не надо! — поморщилась я. — И без тебя давно догадалась, что влюбилась окончательно и бесповоротно. Но я же не знаю, как у меня обычно это происходило! И про магию местную ничего не знаю, мало ли подо что она маскируется.

— Магия... — Горан иронично хмыкнул. — Пожалуй, тут без нее тоже не обошлось, но в ином ракурсе. Ты не обращала внимания, что после общения с другими людьми очень устаешь?

— Эм-м... Нет, не обращала. Но вот сейчас ты сказал — и обратила, было такое. Например, в тот день, когда Май на тренировку ходил. Напекаешь, это все именно из-за магии?

— Не намекаю, а говорю прямым текстом. Май тебя не утомляет из-за собственных отклонений, а общение со всеми остальными — серьезная нагрузка на организм. Так что с этим все-таки поаккуратнее, ты еще не до конца выздоровела.

— Ага. Ну да, это многое объясняет, — согласилась я. — Ладно, спасибо, что успокоил. Пойду обратно, раз Май для меня — такая во всех отношениях полезная компания, а все остальные — нет.

— Благословляю, дочь моя. Мир и достаток вашему дому и детишек побольше! — напутствовал Горан.

— Зараза ты, — беззлобно ругнулась я, уже подходя к двери. Язвительность Стевича не задела, я изначально ждала от него чего-то подобного. Да и сама на его месте, наверное, не удержалась бы от подначек.

— Ну как ты? — участливо спросила Рада.

— Все в порядке, — отозвалась бодро. — Жить буду. Пойдем?

Недич, которого одолели студенты, наше возвращение все же заметил. Но отвлекаться не стал, только кивнул удовлетворенно, а я вернулась к книгам и подслушиванию. Но больше, конечно, к книгам: хватит с меня на сегодня общения со всякими посторонними, я лучше тезку подожду. И не потому, что в Мая втрескалась, а потому, что доктор не велел. Вот.

ГЛАВА 7

Любовь к небу не исключает страха падения

— Майя, ты все еще хочешь посетить воздушную верфь? — спросил Май вечером после разбора почты и долгих разговоров по телефону. О чем — я не слышала, возилась на кухне.

— Шутишь? Конечно! Едем сейчас? Я готова! — оживилась я. Куда только делась дневная усталость!

— Нет, ночью там делать нечего, — со смешком ответил мужчина. — Завтра утром поедем.

— А что, что-то случилось? — сообразила я. Не просто же так Май срывается среди недели! — Какие-то неприятности?

— Ничего страшного, — успокоил Недич. — Управляющий сообщил, что в одном из ангаров упала часть лесов. К счастью, никто не пострадал, даже стоящий на стапеле каркас не повредило. Но специалистов для определения причины произошедшего вызвали, они уже

приступили к работе. А мне необходимо взглянуть, что и как, поговорить с экспертами и работниками, кое-какие бумаги посмотреть и подписать... в общем, ехать надо. Благо завтра первая половина дня в Зоринке свободна, не нужно ни с кем меняться и никого просить заменять.

— А мы успеем за полдня?

— Хотелось бы, — развел руками Май. — Поэтому отправлюсь из дома очень рано, часов в пять, чтобы как раз к первой смене добраться — тут не близко. Поедешь?

— Спрашиваешь! Конечно, поеду! Когда еще такая возможность представится? А выспаться и потом можно, — отмахнулась я. — А из-за чего же все могло рухнуть? Ну не просто же так, стояло-стояло — и упало от скуки!

— Мне тоже это интересно, — согласился Недич. — Для диверсии и намеренного вредительства — слишком мал ущерб, для случайности или чьей-то ошибки — слишком нелепо происшествие. С другой стороны, и не такие случайности бывают... Я больше склоняюсь именно к этому, но надо взглянуть своими глазами.

— Отлично! Значит, я с тобой. Жалко только, я не сообразила заказать еще и брюки. Мне кажется, лазить по дирижаблям в юбке будет не очень удобно... Ну да ладно, выкручусь, — оптимистично решила я.

Май смерил меня долгим задумчивым взглядом и с легкой улыбкой заметил:

— Что-то мне подсказывает, что все же стоит попросить на завтра замену. Не успеем мы за полдня.

— Да ладно, надо значит надо, — опомнилась я и немного притушила энтузиазм. — Можно будет в следующий раз с экскурсией, а сейчас только по делу...

— Вряд ли у тебя получится изобразить спокойное равнодушие, — насмешливо хмыкнул Недич. — А значит, и я не удержусь от того, чтобы объяснить все подробно и показать что-то интересное. Одно интересное, другое интересное — и день кончится. Лучше я его заранее освобожу. Пойду позвоню.

Тезка встал из-за стола и ушел в кабинет. А мне хоть и было неловко срывать завтрашние занятия, но переубеждать мужчину я не стала. Он же сам предложил? Сам. А я не настолько скромна и благородна, чтобы добровольно менять день в компании Мая и дирижаблей на день с книгами.

Готовясь к раннему подъему, спать легли почти сразу после ужина. И все равно, когда Недич разбудил меня стуком в дверь, было ощущение, что я только-только сомкнула глаза. Есть в такую рань я оказалась не способна, но составила Маю компанию на кухне — мужчина завтракал, а я клевала носом над чашкой кофе. В салоне автомобиля и вовсе задремала, так что пустынной рассветной Беряной полюбоваться не сумела.

Воздушная верфь располагалась в стороне от побережья, за холмами и скалами, на равнине, и ехать туда предстояло не меньше двух часов с учетом мощного двигателя под капотом вороного монстра. Если недавно вдоль взморья, на прогулке, мы двигались плавно, без особой спешки, любуясь окрестностями, то теперь Май гнал автомобиль гораздо быстрее.

Дорога стелилась достаточно ровно, без бугров и колдобин, но вороной все равно рычал и подскакивал на каких-то камушках. Собственно, тряска, рев мотора и гул ветра меня и разбудили, лишив надежды подремать еще. Какая уж тут дрема!

— Какая отстойная тут шумоизоляция, — проворчала я спросонья, растирая ладонями лицо. — И подвеска дубовая... А выглядит таким красавцем!

— Что? — растерянно переспросил Май, искоса глянув на меня и вновь сосредоточившись на дороге.

— Говорю, шумит и трясет.

— Это еще не трясет, — хмыкнул Недич. — Тут стоят хорошие современные рессоры. Надо понимать, там, в твоём прошлом мире, автомобили движутся более плавно?

— Если бы я еще помнила! Но, видимо, да, если меня это расстраивает, — вздохнула и уронила голову набок, прижавшись виском к подголовнику.

Полюбовалась чеканным профилем тетки. Умилилась и восхитилась тому уверенному спокойствию, с которым Май управлялся со своим четырехколесным питомцем. Спокойная сосредоточенность, никакого напряжения в плечах и лице, руки держат руль крепко, но без нервозности. Уверенно скользят по отполированным деревянным накладкам, перемещаясь перед поворотом, тянут и на мгновение отпускают, позволяя автомобилю выровняться...

Руками залюбовалась особенно, благо плавные движения позволяли рассмотреть их детально, и даже подивилась, что прежде не обращала на них внимания. А ведь они очень выразительные и показательны-неаристократические — во всяком случае, так, как я себе это представляла. Наверное, у князя должны быть длинные и ровные пальцы, ухоженные, с мягкой и гладкой кожей, с аккуратно подстриженными ровными ногтями.

У Мая пальцы широкие, крепкие. На большом правой руки сорван ноготь, кажется, месяца полтора-два назад, но еще не успел до конца отрасти. Смуглая кожа выглядит обветренной, потемневшей от загара и работы, что называется — дубленой, как будто возню с вороним монстром мужчина не доверял механикам, а занимался всем сам. И не только автомобилем, и не только теперь, а всю жизнь, с юности.

Об этом говорили и несколько мелких белых шрамов — кажется, не последствия все той же аварии, а обыкновенные, бытовые. На большом пальце левой руки старый порез, а вот на тыльной стороне правой — россыпь бледных пятен, словно на кожу чем-то брызнули. Ожог? Просто горячая вода или какая-нибудь кислота?

Обычные мужские руки — невероятные, учитывая его личность. Некрасивые, если судить с точки зрения канонов, и — восхитительные, на них можно смотреть бесконечно. Как на его улыбку. Наверное, потому, что и то, и то — настоящее. Не выхолощенное и отполированное мраморное совершенство, ведущее родословную от сотворения мира, а — живой человек. Заботливый, уютный, ласковый...

Я все же вспомнила, что ладони у него на ощупь твердые, теплые и шершавые. Сильные, уверенные; как легко он тогда стащил меня с чертежной доски, как бережно сжимал мою ладонь, когда мы гуляли по побережью!

Отчаянно, до зуда захотелось протянуть руку и коснуться его запястья, повторить кончиками пальцев узор выступающих вен. А еще лучше — ощутить прикосновение его ладоней на своей коже. И не невинно-вежливое, а ласкающее, страстное. При всей внешней грубости, у него ведь очень чуткие пальцы — они так ловко управляют с крохотными деталями моделей, а главное, с мелкими пуговицами...

— ...Мая! — вырвал из полубытья голос Недича. Я дернулась, вскинулась, сообразив, что зовут меня не первый раз. — Ты в порядке? — обеспокоенно продолжил мужчина.

— Да, задремала просто, — не без смущения отозвалась я, прекрасно помня, куда унесло мои мысли.

— С открытыми глазами? — недоверчиво уточнил Май. — Тогда ладно, а то я забеспокоился, уж очень странное у тебя было выражение лица.

— А ты меня именно поэтому звал? — спросила, стараясь соскользнуть с опасной темы.

Нет, ну я, конечно, могу рассказать ему, о чем сейчас грезила с отсутствующим видом, но вряд ли тезка оценит такой резкий переход от осторожной взаимной симпатии с легким флиртом к откровенным признаниям.

— Я думал, что ты не спишь, и предложил бутерброды. — Недич кивнул за спину. Там, на заднем сиденье, лежал небольшой бумажный сверток. — Ты же так и не позавтракала.

— Май, ты просто не представляешь, насколько ты замечательный! — просияла я. Просто так дотянуться до еды не получилось, пришлось встать коленями на сиденье и перегнуться назад.

— Может, остановиться? — неуверенно предложил мужчина, судя по уменьшению тряски, сбавив скорость.

— Ерунда, — отмахнулась я, плюхаясь на сиденье с добычей в руках. — А запить их нечем?

— Есть, в перчаточном ящике термос с кофе.

— Где? — рассеянно переспросила я, озираясь. Название было смутно знакомым, но вспомнить, что это, никак не получалось.

— Вон там, у тебя перед коленями ручка, — уточнил тезка.

— А, в бардачке! — сообразила я и полезла за термосом.

— Смешное слово, — хмыкнул он. — Бардачка. Наверное, тоже откуда-то из другого мира?

— Бардачок, — хмыкнув, поправила его. — Наверное, да. Май, я уже говорила, что ты самый-самый лучший? А, не важно! В любом случае говорю: ты невероятно чудесный! Спасибо тебе огромное! А нам еще долго ехать?

— Нет, чуть-чуть осталось, — со смешком отозвался он. — Погоди, давай остановимся. Термос тяжелый, еще обольешься.

— Я могу потерпеть и без кофе, — заверила на всякий случай, хотя Май, глянув на меня, уже сбрасывал скорость.

— Нет необходимости, можно постоять несколько минут. Заодно я составлю тебе компанию. В итоге мы задержались не на пару минут, а почти на полчаса. Вороной монстр съехал с дороги на обочину у перелеска, из автомобильных недр Май достал толстый плед в крупную синесерую клетку, и мы разместились на траве в нескольких метрах от дороги.

Термос действительно оказался очень увесистым — сам по себе, даже без учета наполнявшего его напитка. Большой, со стеклянной внутренней колбой, в резном деревянном корпусе с оплеткой, с тиснеными кожаными накладками и блестящими медными вставками. Он совсем не сочетался с обликом Недича и его блестящего авто — слишком аляпистый, в духе ярких деревенских поделок, а не сдержанной аристократической элегантности. Но именно этим он мне особенно понравился, в нем ощущалось что-то уютно-ностальгическое. Не только в орнаменте, но и в сочетании формы с содержанием.

Позади шелестел и полнил птичьими голосами лес, впереди перекатывалось серебристо-зелеными волнами поле, а вдоль опушки пестрело пахнущее медом и стрекочущее кузнечиками разнотравье, среди которого мы и обосновались. Слабый теплый ветер ерошил волосы и кивал нам головками полевых цветов.

Май, конечно, взялся за термос сам — как можно позволить девушке ворочать такие тяжести! К термосу прилагалась пара больших стеклянных стаканов в тугой кожаной оплетке. Получив свою порцию напитка, я попыталась пригубить его, но термос работал исправно. Пришлось отставить стакан в ожидании, пока кофе немного остынет. А через пару мгновений я плюнула на все и вытянулась на пледе, подставив лицо небесной лазури и утонув в ней взглядом.

— Какая потрясающая, живая тишина, — проговорила негромко. — Красиво. Хорошо, что ты решил остановиться...

— Хорошо, — эхом откликнулся Май.

Я покосилась на тезку; пока я любовалась небом, тот рассматривал меня — пристально и очень внимательно. Но, увидев, что я смотрю, смягчил неожиданную тяжесть взгляда теплой улыбкой.

— Тебе очень идет.

— Что именно? — озадачилась я.

Я не сомневалась, что мне к лицу этот костюм, но странно, что Недич решил высказать одобрение именно сейчас, явно имел в виду нечто другое.

— Вот это. — Он неопределенно повел рукой. — Не знаю, как объяснить. Это окружение, это место, эти обстоятельства. Я обратил внимание еще позавчера, на берегу, но сейчас это особенно бросается в глаза. Есть девушки, которые блистают в салонах, а в других местах их сложно представить — они как будто специально созданы для светской жизни. Ты очень красивая, не подумай ничего такого, я не сомневаюсь, что красивой ты будешь на любом приеме и вообще где угодно, но здесь ты выглядишь... правильно. Не обижайся, я...

— Я тебя поняла, — со смехом прервала его. — Наверное, потому, что я люблю природу, здесь мне нравится, и вот так валяться на пледе — гораздо приятнее, чем вспоминать за столом, какой из десятка вилок надо есть. А спокойствие и хорошее настроение любому добавляют обаяния. Кстати о бутербродах! — Я, опомнившись, села. — Открой страшную тайну: а как бы ты их ел, если бы поехал один и я еще не научила тебя плохим манерам?

— Все очень просто, — весело отозвался тезка, разворачивая хрусткую желтую бумагу. — Я бы и не подумал взять с собой что-то подобное, разве только термос. И вот так остановиться, посидеть на воздухе, тоже не догадался бы. Много потерял бы...

— А мы, кстати, не опоздаем? — опомнилась я, шумно и, наверное, ужасно неприлично отхлебнув уже достаточно остывший кофе.

Май, впрочем, не обратил на это внимания, только легко отмахнулся от вопроса:

— Не переживай, успеем. Мы не привязаны к определенному времени, я обещал приехать сегодня до обеда, а до него еще долго.

Так что завтрак на траве мы закончили без спешки, насладившись пейзажем и свежим воздухом, потом точно так же неторопливо загрузились обратно в автомобиль и тронулись в путь.

Верфь было видно издалека. Если сами доки и корпуса прятались за горизонтом среди низких пологих холмов, то расположенные чуть в стороне от них причальные вышки и пара

пришвартованных к ним аэростатов показались вскоре после привала. Ехать до них пришлось не меньше получаса — сначала по шоссе, ведущему в глубь материка, потом — свернув с основной дороги на чуть более разбитую, но в целом достаточно неплохую грунтовку.

— Май, а тут всегда так мало машин? — вспомнила я еще один вопрос: за то время, пока мы сидели у дороги, по ней проехала от силы пара десятков авто.

— Нет, бывает гораздо больше, просто время такое — середина недели, раннее утро. Но большинство ольбадцев в принципе предпочитает поезда или дирижабли, это гораздо Удобнее. Я уж не говорю о том, что все необходимое для верфи или любого другого большого производства доставляется по железной дороге. Автомобили — это местный транспорт, перевезти что-то по городу, из города в окрестные деревни или наоборот.

С автомобилями мы перешли, собственно, к цели поездки: Май рассказал мне о верфи.

Оказалось, по ту сторону от завода располагался достаточно крупный город — Зланта. Именно там проживало большинство работников, да и вообще основная часть городских реалий так или иначе была связана с нуждами верфи. В голове всплыло устойчивое словосочетание «градообразующее предприятие», и тезка его со смешком одобрил — мол, можно сказать и так. Правда, город возник гораздо раньше, но с появлением рядом верфи заметно расцвел, похорошел и разросся.

Верфь строила разные аппараты — от гигантов с тяжелым силовым каркасом до полужестких, гораздо более дешевых, дирижаблей и совсем небольших шаров хозяйственного назначения, предназначенных для наблюдения за погодой и местностью.

Территорию завода охватывал внушительный забор, а ведущую внутрь дорогу перекрывал большой шлагбаум на колесиках. Недич остановил вороного монстра, велел мне оставаться внутри и ни о чем не беспокоиться, а сам вышел навстречу крепкому немолодому мужчине в круглых очках и темно-синей форме без знаков различия — очень похожей на ту одежду, в которой обычно ходил сам Май.

— Доброе утро, ваша светлость! — кажется, с искренней симпатией поздоровался охранник, на мгновение вскинув руку к козырьку фуражки. — По поводу аварии выдернули?

— Здравствуйте, Алларик. Да, в том числе. Ну и так, на экскурсию.

Лица Недича я не видела, зато имела удовольствие пересечься взглядом с охранником, который заглянул в салон. Вежливо улыбнулась и кивнула, неуверенно пробормотав: «Здрасьте!»

Стеклышки в очках отчетливо блеснули зеленым. Цепкий и колючий взгляд Алларика скользнул по мне, брови удивленно выгнулись — кажется, наличие пассажира стало для охранника полной неожиданностью. Но через мгновение губы его тронула ответная улыбка, и мужчина, кивнув, опять вскинул руку.

— Понимаю, — с нечитаемой интонацией, но вроде бы без недовольства, протянул он.

Мужчины подошли к задней дверце, которую Май открыл и позволил охраннику сунуть нос, дальше они заглянули в багажник. Потом Алларик задумчиво похлопал вороного монстра по капоту, словно доброго коня, пожелал хорошего дня и отправился к шлагбауму, чтобы его убрать.

— А что он искал? — любопытствовала я.

— То, чего не должно быть. Фотоаппаратура, оружие, да мало ли... Почему ты смотришь на меня так, будто в чем-то подозреваешь?

— Я не подозреваю, я пытаюсь сформулировать все вопросы в один, — встряхнувшись, пояснила ему.

— Задай несколько, — усмехнулся Май.

— Ну ладно. Ты только этого охранника знаешь по имени, отдельных сотрудников или вообще всех рабочих? Почему твою машину осматривали, если ты тут вроде как хозяин? Ну и почему он делал это так халтурно? Потому что ты хозяин?

— И как ты все это собиралась уместить в один вопрос? — риторически поинтересовался Недич. — Машину осматривали, потому что правила едины для всех. Лично я знаю не всех сотрудников, только начальников, старейших и чем-то примечательных работников и самых ценных специалистов. Алларик — из последних. Он опытный и сильный желтый маг со специализацией на восприятии, таких называют «проглядчиками». Может заметить посторонний предмет, даже если тот чем-то скрыт. Он мог посмотреть и через закрытые двери, но если убрать дополнительный слой металла — на это уйдет меньше сил.

— И очки у него, надо думать, не простые?

— Разумеется, это артефакт, который очень помогает в работе. Сейчас ведутся разработки автономных устройств, на которые можно было бы переложить работу проглядчиков, но пока серьезного прогресса не добились. Долго, дорого, проблемы с чувствительностью и различением предметов... В общем, люди пока заметно выигрывают. И это плохо, потому что их катастрофически не хватает: работа очень востребованная, но сложная, нужны особый талант и склад характера.

— Это, получается, вроде хроматологов, только для неживой материи? Хроматологи — они же фиолетовые?

— Не фиолетовые, а красные. Да, очень похоже — со своими особенностями.

— А Алларик, он не ольбадец? Просто фамилия как-то по-другому звучит...

— Вообще местный, но фамилия северная, из Фаддая или откуда-то из тех краев.

Подробности миграции местного населения я уже выяснила, когда изучала географию. Из провинции в провинцию жители страны перебирались без особенного энтузиазма. Конечно, случалось всякое — учеба, работа, личная жизнь вполне могли забросить кого-то на другой край большой страны, да и за века тесного сосуществования народы неплохо перемешались. Но, видимо, Младичи действительно были достаточно толковыми правителями: у жителей Ольбада не имелось массовой нужды ехать за лучшей жизнью именно в главную столицу, центры провинций ей почти ничем не уступали.

К слову, Недич был хрестоматийным представителем коренных ольбадцев, которых, впрочем, неспециалист не сумел бы отличить от тех же мадирцев. Темноволосые, смуглые, темноглазые — южане все подходили под это описание.

Пока мы говорили, вороной монстр неспешно и величаво катился по широким улицам верфи. Завод, строящий большие летательные аппараты, предсказуемо занимал огромную территорию, и перемещаться по ней пешком было очень затруднительно. Поэтому по таким вот улицам в обе стороны катались автомобили, много людей пользовались велосипедами, а еще по верфи ходил свой кольцевой трамвай, искренне восхитивший меня фактом собственного существования. И это если не считать железной дороги, которую Май упоминал раньше.

Разумеется, знакомство с верфью планировалось на потом, сначала основное дело, которое нас сюда и привело. Поэтому путь лежал к административному корпусу, расположенному на противоположном конце территории, с городской стороны. Остановилось авто у нарядного трехэтажного здания веселенького розового цвета с декоративными белыми архитектурными излишествами, придающими строению совсем уж легкомысленный вид. Воздушная верфь, серьезная охрана, производство государственного масштаба — и вот это пирожное на месте дирекции. У кого-то из предков Мая был то ли очень своеобразный художественный вкус, то ли специфическое чувство юмора.

— Я пойду за управляющим. Если хочешь, можешь со мной, но там ничего интересного не будет, — предупредил Недич.

Я проявила понятливость и заверила, что с удовольствием дождусь в машине и поберегу силы на последующую экскурсию. Понятно, какие уж тут деловые обсуждения, если я мельтешу под носом со своими дурацкими вопросами! Побуду паинькой, посижу смиренно полчаса — вряд ли они застрянут там надолго. С другой стороны, Май ответственный и дотошный, вряд ли он подмахнет что-то не глядя, наверняка начнет разбираться, и его отсутствие может продлиться гораздо дольше... Ну и ладно. Главное, потом он покажет мне все самое интересное, ради этого стоит потерпеть!

Настроившись на долгое ожидание, я принялась глазеть по сторонам. Провожала взглядом спешащих по делам людей — одетых то совершенно обычно, то в чуть мешковатую, но зато удобную и явно не стесняющую движений сизовато-синюю униформу. С кем-то даже встречалась взглядом, но редко; в основном с теми, кто входил и выходил через ту же тяжелую двустворчатую дверь, за которой исчез Май.

Потом взгляд зацепился за широкие ворота соседнего корпуса, где несколько рабочих аккуратно затаскивали по сходням в дощатый кузов грузовика какие-то разлапистые конструкции, укрытые серой тканью. Через минуту у рабочих треснула одна сходня. К счастью, без трагических последствий для людей и груза, но ругались они так, что даже мне было кое-что слышно. Или интуитивно понятно, на подсознательном уровне. Грузчикам я, конечно, от души посочувствовала, но эгоистично порадовалась оживлению картины.

Однако, несмотря на мои опасения, прошло всего минут десять, и Недич вновь появился на пороге, но уже не один. Сопровождал Мая весьма колоритный тип: очень высокий, плечистый, крепкого телосложения мужчина средних лет. И вроде подстрижен он был достаточно коротко, и волосы как будто лежали ровно, и усы с бородой не носил, но все равно производил впечатление некой косматости. Стереотип, наверное: медведь должен быть косматым, а незнакомец очень походил на медведя. Интеллигентного такого, при галстук.

Я на мгновение почувствовала себя неловко, когда этот большой мужчина с длинными ногами устраивался на заднем сиденье: могла бы и уступить место, все равно я тут балласт, а не полезная нагрузка. Но нутро вороного монстра оказалось достаточно просторным, и разместился пассажир как будто без неудобств.

— Доброго утра, прекрасная барышня, — негромко поздоровался незнакомец. — Боян Краль, управляющий.

Голос оказался под стать общей наружности — гулкий, раскатистый. Если таким рывкнуть на кого-то нетяжелого вроде меня — сдует. Или контузит, как повезет. Но мужчина, кажется, полностью сознавал ответственность за столь грозное оружие, потому следил за громкостью.

— Здравствуйте, — вежливо ответила ему. — Я Майя, очень приятно.

— Куда нам? — уточнил тем временем Недич.

— Семнадцатый стапель, который у ближней вышки, — ответил Краль и, когда автомобиль тронулся с места, хмыкнул: — Кому скажи — князь в шоферах был, не поверят.

— Извини, за руль не пушу, — насмешливо отозвался Май.

— Да я и не умею, — хохотнул Краль так, что я подпрыгнула на своем месте, и сразу же переключилась на другую тему, очевидно, возобновив прерванный посадкой в машину разговор. — А со следователем ты и сам сегодня сможешь поговорить, он обещал приехать. Хороший мужик, дотошный, докопается. Но в умысел я все равно не верю. Ну погрызли крысы доску. Может, там из рабочих кто-то что-то поел, знаешь же, многие так делают. А может, и вовсе смазкой кто испачкал, этим-то тварям все равно, что жрать.

От рассказа управляющего я крепче вцепилась в кресло, стараясь дышать глубоко и ровно. Май покосился на меня встревоженно, явно понял причину такой реакции и постарался сменить тему:

— Ладно, с этим понятно. Как на четырнадцатом стапеле дела? Кран починили наконец?

— Да, поправили. Вроде пока работает без нареканий, должны кончить сборку к сроку. Да, слышал, трагедия у нас? Патбн на пенсию уходит!

— Боян, ты не пугай, я решил, еще что-то случилось... Так ему уже за сотню, надо думать, устал.

— Он устал, а мы-то без него как?! — проворчал Краль. — «Каринку» лучше него во всем Ольбаде никто не знает!

— Научатся, сколько можно на старике выезжать, — пожал плечами Май и пояснил уже для меня: — Патон — это местная легенда, сварщик по алюминию, талантливейший зеленый маг. Он, собственно, тот способ сварки, который у нас используется, и изобрел и прототип аппарата сконструировал. А Боян постоянно брюзжит, что молодежь уже не та.

— Не та, — с готовностью подтвердил управляющий, когда мы выбрались из автомобиля у огромного ангара с полукруглой крышей и не спеша двинулись к приоткрытым воротам. — Тут Лукович, который у нас инструментальным хозяйством заведует, — лысый такой, помнишь? — недавний случай рассказал, чистый анекдот на эту тему. Пришли к нему с эскизом из второго цеха, с пятого участка, где моторы собирают, и говорят: сделай нам вот такую приблуду, приспособление то есть, без нее не можем пару винтов закрутить, а нам четыре акашки собрать надо.

— Погоди, но их уже лет десять собирают! Что, раньше не закручивали? — Нахмурившийся Май растерянно покосился на Краля.

А я загаилась, с нетерпением ожидая собственно анекдота. И тихонько порадовалась, что меня с управляющим разделяет тезка: разойдясь, Краль заговорил громче, и... В общем, хорошо, что я шла не рядом с ним, а цеплялась за локоть Мая, иначе рисковала оглохнуть. Как только Недич это выдерживает? Привычка, не иначе.

— Вот и Лукович аж посерел весь от возмущения. Он мужик скаредный, лишнюю работу делать не любит, — пояснил Боян, тоже, видимо, для меня, потому что князь упомянутого «заведующего» явно знал. — Стали разбираться. Оказалось, там один старенький сборщик

ушел на заслуженный отдых, а без него никто ничего сделать не может. Он был худющий, маленький, а еще в детстве руку сломал.

— И? — подбодрил Май.

— И рука срослась неровно, под углом. Вот он со своей рукой мог подлезть и гайку эту придержать, а новые ребята — нет! А ты говоришь, Патона на пенсию отпустить!

— Странная у тебя мораль, — со смехом возразил Недич. — Молодежь плоха, потому что у них руки целые?

— А! — Краль только отмахнулся и отвлекся на подошедшего к нему с какими-то вопросами пожилого мужчину, а мы с Маем в молчании пошли дальше, вдоль занимающей середину ангара туши. Краля с его историями я выкинула из головы почти сразу, с восхищением разглядывая гигантскую конструкцию, похожую на скелет кита. Я, правда, ни разу не видела скелет кита, но чувствовала: оно.

На две трети собранный остов, окруженный многоэтажными лесами, лежал на стапеле, возвышался над нами, и под его брюхом свободно мог проехать грузовик. Но при таких размерах — что странно — конструкция совсем не давила. Собранная из труб толщиной в мою руку, а кое-где и больше, рама казалась удивительно легкой и ажурной. Умом я понимала, что вес каркаса огромен, но запрокидывала голову — и въяе видела, что скелет дирижабля парит над бетонным полом. А опоры удерживают его, не позволяя стукнуться о потолок.

— Обалдеть... — пробормотала тихо, с расстановкой. И спросила вполголоса: — Май, а можно вон туда залезть?!

Через весь ангар над скелетом аэростата тянулись переходы: две поперечные тропинки от стены до стены и две соединяющие их продольные. Забраться туда можно было по одной из двух лестниц, расположенных диагонально. Причем лестницы были вполне удобные и совсем не страшные — не просто ряд перекладин, за которые нужно было цепляться руками и ногами, а надежные ступеньки, огражденные высокими перилами.

— Тебе точно этого хочется? — с какой-то обреченностью уточнил Недич.

— Очень! Но если посторонним нельзя и все такое — могу и потерпеть, — заверила его. — Я же не знаю, какие тут инструкции и правила...

— Да нет, инструкций никаких нет, — явно нехотя признал Май. — Просто...

— Не жадничай, — вдруг хохотнул рядом Краль: при своем росте и громогласности ходил он удивительно тихо. Хотя, возможно, я настолько засмотрелась и увлеклась идеей взглянуть на ангар сверху, что могла пропустить небольшое землетрясение. — Не слушайте его, барышня. Его самого с верхотуры не согнать было, это сейчас вроде несолидно, князь же.

— А ты здесь и раньше часто бывал? — полюбопытствовала я.

— Проходил практику во время учебы, я же по специальности — инженер-штурман.

— Что, два в одном?

— Чтобы знать, как управлять, нужно понимать, чем именно ты управляешь. Так что на летном факультете не только картографию с метеорологией проходят, но и конструирование, надежность и материаловедение, — пояснил Недич, с непонятной тоской разглядывая ступеньки.

— Да ладно тебе, никакая лестница не уронит твоего княжеского достоинства, можешь мне поверить! — решила я и, уверенно ухватив Мая за руку, потащила к ближайшим ступенькам.

— А ты специалист по княжескому достоинству? — с усталой иронией уточнил тезка. Но вырваться не стал и вообще не выглядел таким уж недовольным. Точно, стесняется!

— С тобой станешь, — весело отмахнулась я и полезла на лестницу. Крепкая, надежная, только на ней все равно приходилось осторожничать: ступени крутые, оступиться и свернуть шею — как нечего делать. У меня, конечно, сзади страховка в виде сильного и надежного Мая, но все равно падать будет неприятно. Особенно ему, когда в него с разгона прилетят мои костлявые и остроконечные килограммы. Аккуратное восхождение заняло несколько минут — на такую-то верхотуру карабкаться! Там, в конце лестницы, на маленькой площадке, где нашлось место даже для небольшого железного столика, я остановилась, поджидая замешкавшегося Недича, и с неожиданным беспокойством заозиралась. Даже здесь уже захватывало дух.

— Круто! — выдохнула, перегнувшись через перила и разглядывая далекий пол.

— Майя, аккуратно, — прозвучал сзади напряженный голос тезки.

— Не волнуйся, я держусь, — безмятежно улыбнулась, глянув через плечо, и осторожно, без спешки, двинулась по мосту. — Обалдеть, красиво-то как... страшно, но так здорово! Май, а

где-нибудь можно покататься на воздушном шаре? А то дирижабли ведь закрытые со всех сторон, а вот так, чтобы была возможность посмотреть вниз?

Говоря это, я продолжала идти, разглядывая все вокруг — остов под ногами; мостик, кажущийся сейчас очень хрупким; очень близкий сводчатый потолок ангара; такие же близкие, расположенные с другой стороны, рельсы, по которым ездил кран-балка. Снизу я не обратила внимания, но оказалось, что с мостков можно было — при желании — перебраться на эти рельсы и сложные арочные конструкции, которые их держали, опираясь на бетонный пол. Похоже, стены ангара на такие нагрузки рассчитаны не были, они лишь закрывали стапель от ветра, солнца и осадков.

— Май? — обернулась я, потому что тезка не отвечал.

Оказалось, Недич все еще стоял у начала мостка, крепко держась за перила обеими руками, и неподвижно смотрел куда-то вбок и вниз.

— Май! — громче окликнула его.

Мужчина вздрогнул, перевел взгляд на меня и неуверенно улыбнулся. Я нахмурилась — здесь, наверху, было слишком мало света, но показалось, что Недич подозрительно бледен.

— Май, ты в порядке? Ты идешь? — спросила, чувствуя нарастающее беспокойство и не понимая — не то это так странно сказывается естественный страх высоты, не то тут, наверху, попросту слишком душно.

— Д-да, — с запинкой ответил Май, очень пристально и напряженно глядя на меня. Словно пытался этим взглядом что-то сказать — или уцепиться. Глубокий вздох, шаг, другой — неуверенные, нетвердые.

— Май, что случилось? — уже не на шутку встревожилась я и двинулась навстречу.

Только дойти не успела. Вместо надежного холодного металла перил пальцы вдруг ухватили пустоту. Я поднесла руки к лицу, взглянула на ржавые ладони и в растерянности перевела взгляд на мужчину.

— Май? — спросила тихо, так, что он наверняка не услышал.

Успела поймать его взгляд — шальной, почти безумный, полный ужаса, — и ощутила, что... парю?

Увы, нет. Падаю...

Кажется, я даже не закричала. Не от повышенной храбрости; просто сердце скакнуло вверх и застряло в горле. Еще успела зажмуриться и понять, что полет будет недолгим, а остановка — последней. И даже услышала громкий крик, явно мужской.

Рывок. Почему-то вперед и вбок.

Давящее ощущение. Везде — в талии, в плечах, в руках, даже в голове.

Жуткий грохот. Сразу отовсюду, как будто рушится мир. Низкий, вибрирующий звук забил ватой уши, заклокотал в горле и внутри, за солнечным сплетением.

А потом навалилась тишина — звенящая, тревожная и еще более оглушающая.

Тяжело, но не больно. Пахнет металлом и пылью. От пыли хочется чихнуть...

Жива?

Робко, боясь спугнуть, я позволила себе эту мысль. Жива, несмотря ни на что. Вопреки невозможности.

Открывать глаза не спешила, вновь сосредоточилась на ощущениях и тщательной проверке собственного тела.

Сверху на мне лежало что-то твердое, внизу — чуть менее твердое и к тому же теплое. Одна рука согнута, вторая — неудобно вывернута, но не болит. Ноги тоже вроде бы на месте и даже шевелятся. И действительно ничего не болит, не показалось. Как будто меня только придавило чем-то, но — аккуратно.

Немного успокоившись по этому поводу, я попыталась пошевелиться и для начала поудобнее устроить правую руку.

— Не ерзай, а то что-нибудь может рухнуть, — прозвучал почти над ухом негромкий хриплый голос, в котором я с трудом опознала Маев.

Вздрогнула, открыла глаза и наконец-то очнулась окончательно.

Оказалось, я лежу сверху на тезке, он крепко обнимает меня обеими руками, вокруг нагромождение разломанных металлических конструкций, сквозь решето которых пробивается немного света. Вокруг, по ощущениям совсем рядом, голоса. Непонятные команды, зовут каких-то людей...

— Мы что, живы? — почему-то шепотом спросила я, переводя взгляд на лицо Мая — близкое и очень бледное.

— Как это ни странно, да, — с нервным смешком ответил он, тоже вполголоса. — Даже, кажется, целы.

На меня накатило облегчение, сдобренное восторгом и пронзительно-огромным счастьем, которое надулось мыльным пузырем где-то в груди, отдалось вязкой слабостью и мягкой дрожью в руках и ногах. Так бывает, когда долго несешь что-то тяжелое, а потом наконец ставишь его на место. Только еще ярче, еще сильнее.

Наверное, от концентрации этих эмоций что-то у меня в голове помутилось, поэтому выход чувства нашли неожиданный: в поцелуе. Пожалуй, закономерный выход: я уже несколько дней мечтала это сделать, а тут подвернулся такой повод!

Помутилось, похоже, не только у меня, потому что Май вдруг ответил.

Нет, не ответил; буквально через мгновение перехватил инициативу. Мне на затылок мягко и уверенно легла горячая ладонь, лишая даже мысли о возможности отстраниться, а вторая рука скользнула с плеча вниз, вдоль позвоночника, и остановилась на талии.

Поцелуй получился жадным, глубоким, уверенным — словно не первый, словно это не случайный порыв, а законное право. От поцелуя захватывало дух. От поцелуя в и без того плохо соображающей после пережитого потрясения голове воцарился сладкий туман, в котором растаяли последние остатки здравого смысла.

Май, также забывшись, плавным текучим движением опрокинул меня на спину... То есть попытался. Сзади в поясницу уперлось что-то жесткое и холодное, ноги застряли, а по полу прокатился гулкий, жуткий металлический скрежет и завибрировал в ребрах и пальцах.

Хмель поцелуя развеялся мгновенно. Май прижал мою голову к плечу, обнял крепче — уже не в порыве страсти, а в стремлении закрыть собой и защитить. Я напряженно замерла, судорожно вцепившись обеими руками в китель мужчины, боясь лишний раз глубоко вздохнуть. Но потихоньку расслабилась — кажется, рушиться на нас ничего не собиралось.

Немного ослабла и хватка Недича, но ни он, ни я не спешили шевелиться. И заговаривать не спешили. Со мной-то давно все ясно, я с симпатиями и предпочтениями определилась, а вот тезке, кажется, требовалось время на осознание.

Мне же пока хватало предвкушения и восторженной мысли, что притяжение у нас — обоюдное и просто так все это явно не закончится. Что-то будет. А что — лучше заранее не загадывать. Куда лучше лежать вот так, чувствовать тепло чужого тела и чужое дыхание и радоваться тому, что мы все-таки живы.

Последняя мысль окончательно развеяла дурман, и я задала себе другой, гораздо более важный сейчас вопрос: а что, собственно, произошло? Почему рухнул такой крепкий и надежный мост, что вдруг случилось с перилами? И как мы вообще выжили?!

Впрочем, ответ на последний вопрос сейчас крепко обнимал меня обеими руками. Тут даже думать не о чем, спас нас Май — именно так, как умудрился уцелеть при крушении дирижабля. Рефлекторное использование защитной магии? Жалко, что я в этом совсем ничего не понимаю, а то могла бы восхититься еще больше.

От нового, более продолжительного скрежета я вздрогнула всем телом и попыталась крепче прижаться к мужчине. Полезные мысли тут же вылетели из головы, оставив только страх, что хрупкое равновесие нарушится и навалившаяся сверху тяжесть нас добьет.

— Не бойся, все хорошо, — тихо сказал Недич. — Это нестрашный звук, разбирают завалы.

— Может, нам покричать и сообщить, что мы тут?

— Бессмысленно. Скорее всего, снаружи просто не услышат, это нам кажется, что люди рядом. Можно постучать по какой-то железке, тогда больше шансов быть услышанными. Но нас и так уже нашли, скоро вынут отсюда. Завал-то небольшой, это ведь не многоэтажное здание, да и стены не падали.

— Недич! Живой! Ну, князь, везучая же ты зараза! — прогремел где-то в районе моего затылка голос Краля. И тут же в сторону: — Я их вижу, живые! Тони, подымай!

Вскоре нас действительно освободили. Май передал меня в чужие темные, мозолистые руки, и я поймала себя на мимолетном раздражении из-за того, что уж очень быстро нас спасли.

Глупость, конечно, но... я бы не отказалась еще хотя бы несколько минут провести в объятьях тезки.

Когда вытащивший из завала мужчина — крепкий ольбадец в рабочем комбинезоне — поставил меня чуть в стороне от груды металлолома на твердый бетонный пол, я успела мельком осмотреться. Обнаружила, что обрушилась часть моста, леса и фермы дирижабля под ней; кран-балка покосился на рельсах, но удержался. Вокруг суетились с полтора десятка людей и небольшая машина с длинными суставчатыми механическими руками, которые очень ловко и уверенно разбирали завал, с поразительной легкостью отрывая куски металла. Машиной управлял сидевший внутри мужчина, и я сумела разглядеть, что движения манипуляторов полностью повторяют жесты его рук; это объясняло точность работы.

Следом за мной на свет выбрался Май и спустился на бетон, также не пренебрегая посторонней помощью. Краль, улыбаясь, опять повторил что-то в духе «везучей заразы», хлопнул князя по плечу и принялся что-то втолковывать одному из незнакомых рабочих. Кажется, инструктировал по поводу дальнейших работ. А Недич подошел ко мне.

— Как ты, цела? — неуверенно улыбнулся он, обводя меня напряженным взглядом.

Хм. А что мне мешает компенсировать недостаток объятий сейчас? В конце концов, я пострадавшая, испуганная и имею полное право липнуть к собственному спасителю!

Окружающие все равно не знают, что мне не страшно и вообще на удивление спокойно — кажется, я пока еще не успела толком осознать, насколько близко прошла смерть.

Так что я решительно подалась вперед, крепко обняла Мая, уткнулась лбом в его плечо.

Мужчина отталкивать не стал, наоборот, прижал к себе, погладил по голове и шее.

— Все обошлось, не бойся, — ласково проговорил тезка. — Страшное позади.

— Я поняла, — проворчала негромко. Но развивать тему не стала и уж тем более не стала обсуждать детали случившегося — не время и не место.

— Недич, настанет когда-нибудь тот час, когда я не буду нервно вздрагивать от одной твоей фамилии?! — прозвучал рядом незнакомый веселый голос.

Я, не размыкая объятий, повернула голову, чтобы взглянуть, кто это там такой нахальный.

— Шешель, а ты как здесь оказался? — сразу же напрягся Май. Гладить меня перестал, осторожно перехватил за плечи, как будто присутствие этого новоприбывшего, в отличие от рабочих, его тревожило.

Так. Мне этот тип тоже уже очень не нравится!

И хорошо еще, Недич не стал меня отодвигать и размыкать объятия, а то я всерьез обиделась бы.

— Работаю я, что мне еще делать? — хмыкнул незванный гость. — У вас же тут какое-то происшествие вчера было... впрочем, вижу, не только вчера.

Среднего роста, худощавый, жилистый, этот Шешель обладал весьма примечательной внешностью. Неопределенно-светлые волосы — не то выгоревшие на солнце, не то полуседые, не то припорошенные пылью. Сухое узкое лицо с жесткой линией тонких губ и большими, выразительными глазами в обрамлении темных ресниц — серо-голубыми, настолько холодными, что от одного только взгляда в них меня как будто макнули в прорубь. Я на всякий случай вцепилась в Мая крепче. Тот словно вспомнил обо мне, опять обнял обеими руками, ободряюще погладил по плечу.

Ладно, так и быть, прощаю обоих.

Но Шешель мне все равно не нравится!

— С каких пор ты интересуешься авариями на производстве? — недружелюбно уточнил Май.

— С тех пор, как они связаны с фамилией Недич, — ухмыльнулся белобрысый. И тут же рявкнул, глядя в сторону: — Прекратить разорение места происшествия! Работает следственный комитет, помещение оцеплено, прошу покинуть его и никого не пускать! Ребята, осмотрите тут все и зафиксируйте, очень мне вот тот слом не нравится. — Он кивнул куда-то вверх, на остов моста, командуя стоящей в стороне тройке мужчин в серой форме и с чемоданчиками. — Ты почему их не остановил? Все улики мне разнесут!

— Я не мог никого остановить, я был под завалом, — проворчал Май.

Взгляд Шешеля стал еще более острым и пристальным, он смерил нас с ног до головы, опять внимательно ощупал неровный срез моста.

— Вот та конструкция упала на тебя?

— Подо мной, — вздохнул Недич.

Еще один холодный, как скальпель, взгляд.

— Миха, разберись тут со свидетелями, ты за старшего, — велел Шешель одному из спутников. — Где тут можно спокойно поговорить?

— Поехали, — нехотя кивнул Май. — Боян, мы зайдем твой кабинет? Ты разрешения охраны не менял?

— Занимайте, конечно, я тут прослежу, — великодушно разрешил Краль.

— Майя? — тихо позвал меня тезка. — Ты как? Успокоилась?

— Я пока еще не начинала переживать, — проворчала честно, нехотя отстраняясь. — Вот сейчас приедем в безопасное тихое место, и там-то меня, наверное, накроет.

— У Бояна в кабинете точно есть чай. И брада. Справимся, — слабо улыбнулся Май. — Пойдем.

Вопреки опасениям, смущенно шарахаться от меня после произошедшего под завалом мужчина не стал. Взял за руку, потянул к выходу под задумчивым и заинтересованным взглядом следователя, который шагал следом.

— А ты уверен, что тебе сейчас стоит садиться за руль? — осторожно спросила я.

Тезка выглядел очень бледным, сейчас я была в этом уверена, да и руки у него, кажется, дрожали, и шагал он как-то неуверенно. Но озвучивать все это я не спешила, надеялась на благоразумие Мая. И тот мою надежду оправдал.

— Шешель точно умеет водить, — с нервным смешком заверил Недич.

Определенно, он замечательный. Мне кажется, другой на его месте непременно начал бы доказывать собственную крутизну и неуязвимость. И, скорее всего, мы бы непременно поругались.

Как все-таки здорово, когда у мужчины есть мозги и здравый смысл!

— Послал бы я тебя далеко и грубо, — заметил позади Шешель. — Но не пошлю. Это ведь твой черный пятый «Саят» у входа?

— Мой, — согласился Недич.

— Я так и подумал. Ты, конечно, местами бестолковый, но в технике толк знаешь.

— Спасибо за лестную оценку, — хмыкнул Май. — Как я раньше без нее жил, ума не приложу...

— Не жил, а прозябал, — легко подтвердил следователь. — Давай ключи.

Первое раздражение прошло, я уже поглядывала на Шешеля с любопытством, но и мысли не допустила усесться с ним рядом впереди. Его наружность, взгляд и манера поведения не способствовали даже минимальному сближению. Да еще я к месту вспомнила о собственном происхождении и уже вполне сознательно решила держаться подальше от представителя закона, особенно — вот такого. Он явно весьма проницательный и наблюдательный тип, еще поймет, что я не местная. Нет, лучше посидеть тихо-тихо в углу, пока мужчины решают свои мужские вопросы.

К моему приятному удивлению, Май тоже устроился на заднем сиденье и оттуда объяснил, куда ехать. Вороной монстр, послушный чужой руке, тронулся с места плавно. Вот это ветреность, мог бы хоть заглохнуть для порядка! Стало обидно за Недича.

Обнимать меня тезка не стал, но зато взял за руку, переплел пальцы. Я рассеянно отметила, что руки у него стали холодными, подвинулась ближе и накрыла наши сцепленные ладони своей, пытаюсь согреть.

— Слушай, а эта красивее, глаза умные, — вдруг заметил следователь. — Вкус у тебя все-таки есть, да и на ошибках учишься.

— Шешель, ты зарываешься, — холодно, почти равнодушно ответил на это Май. Не сказал — проинформировал о последствиях.

— Не дергайся, князь, я любя, — совершенно не впечатлил ся тот. — Благословляю. Ты заметно повеселел с нашей последней встречи, глаз радуется.

— Я просто успел забыть, почему мне так сильно хотелось свернуть тебе шею, — устало огрызнулся Недич.

— Не ты первый, не ты последний, — философски заметил Шешель. — В смысле, я готов поручиться, что не ты будешь тем последним, который все-таки не удержится. Все, вылезай, приехали. Туда хоть приехали?

— Туда.

На этом разговор прервался, мы втроем двинулись ко входу в здание.

Широкие светлые коридоры, высокие двустворчатые двери, незнакомые люди, которые здоровались, но провожали растрепанного и пыльного Недича озадаченными взглядами, а заодно с ним — и нашу компанию. Я отвечала им любопытными взглядами, но лица сливались в одно и расплывались перед глазами: похоже, потрясение начало давать о себе знать.

Кабинет управляющего располагался на втором этаже. В небольшой приемной с несколькими удобными диванами вдоль стен и солидным шкафом в углу нас встретил секретарь — немолодой подтянутый мужчина в очках. Поздоровался, без возражений и вопросов открыл единственную дверь, расположенную по правую руку от него. Пообещал принести чай и кофе. Сам кабинет мне понравился — было видно, что здесь работают, а не пускают пыль в глаза. Окруженный стульями Т-образный стол, на нем разложены какие-то чертежи, стоит несколько этажерок с бумагами. В дальних углах — шкафы, забытые папками разной толщины. У входа слева — большой угловой диван с низким чайным столиком, справа — еще несколько шкафов. Май усадил меня на диван, сам опустился рядом. Шешель окинул нас задумчивым взглядом, подтащил один из стульев и устроился верхом на нем напротив.

— Начнем с главного. Кто знает о твоей фобии?

— Ты, — недовольно поморщился Май.

Следователь выдержал паузу, ожидая продолжения, но так и не дождался и неопределенно хмыкнул, окинув меня задумчивым взглядом:

— Занятно. А наверх полез, потому что девушка попросила?

О чем они говорят, я понимала достаточно смутно, но под ледяным взглядом Шешеля все равно почувствовала себя неуютно и инстинктивно придвинулась ближе к тезке.

— Майя точно ни в чем не виновата, — скривился Недич. — Ты не в ту сторону копаешь.

— Правда? — протянул следователь, буравя меня взглядом. — Вдруг появилась. Вошла в твой дом. Через неделю после знакомства ты смотришь на нее влюбленными глазами, а потом внезапно падаешь вместе с мостом и чудом остаешься жив. И она не виновата? — Говорил он с издевкой, но это была только привычная, ни на что не влияющая форма. Обвинял Шешель всерьез.

— Сорвалась Майя, — бросил Недич, глядя на собеседника с горячечной, с трудом контролируемой злостью. Казалось, еще немного, и князь вцепится этому человеку в горло. — Я прыгнул следом. Ясно? У нее в руках испарились перила, под ней рассыпалась стальная сетка. Если бы я не успел отреагировать или рефлекторно отступил бы на лестницу, погибла бы — она. Не очень похоже на продуманное покушение, да?

— Покушение? — все-таки вырвалось у меня. — То есть кто-то пытался тебя убить?

— Не меня, — поморщился Май.

— Но это ведь случилось только тогда, когда ты ступил на мост и приблизился ко мне... — пробормотала я и спросила напряженно: — Май, а можно привязать срабатывание ловушки к конкретной ауре?

— Нет, ну я же говорю, глаза умные! — хмыкнул следователь. — Сообразительная девочка. А ты, Май, продолжишь отрицать, что кто-то пытается закончить начатое в том году, и станешь упирать на стечение обстоятельств?

— Шешель, ты параноик.

— Ну так пусть твоя девушка нас рассудит. В больнице ему перепутали лекарство. Случайно. Потом в старой квартире случилась утечка газа. Случайно. Потом у машины отказали тормоза. Тоже случайно. Потом... что там еще было, напомним? Случайность, Недич, это то, что ты до сих пор жив!

— Май? — растерянно позвала я, напряженно покосившись на тезку. Но тот молча буравил взглядом следователя. — Май, ты же не можешь на самом деле верить в такие совпадения, да? Вместо ответа князь неразборчиво ругнулся сквозь зубы, рывком встал, запустил пятерню в и без того растрепанные волосы. Под нашими озадаченными взглядами в два шага подошел к шкафу, резко дернул дверцу. Достал широкий стакан и резной хрустальный графин, нервным жестом плеснул янтарно-желтой жидкости — в стакан и себе на руку. Залпом осушил и с грохотом, так, что я дернулась от неожиданности, вернул обе емкости на место. Вцепился обеими руками в полку на уровне своего лица, уткнулся в запястья лбом. Несколько мгновений так постоял и процедил глухо, с расстановкой:

— Да, я не хочу. Ты прав. Доволен? Я не хочу верить, что это не случайности.

— Уже прогресс, ты это признал, — флегматично заметил Шешель совершенно другим, спокойно-деловым тоном, без насмешки. — А доволен я буду только тогда, когда докопаюсь до правды. Сядь уже, ты вон девушку напугал. А я не хочу разговаривать с твоим затылком. Разрешаю даже дать мне в морду, если тебе от этого полегчает.

— Чтоб ты посерел, Шешель, как же ты меня достал! — тяжело выдохнул Май, к моему облегчению, аккуратно прикрывая шкаф, и вернулся к своему месту. На диван не сел — рухнул. — Вот именно сейчас наконец-то достал, — не стал спорить следователь. — Знал бы ты, как ты мне за это время надоел своим упрямством! Определенно, эта девочка очень положительно на тебя влияет.

Резкая смена эмоциональной окраски разговора, внезапные скачки с темы на тему, одинаково холодный и пронзительный в любом настроении взгляд Шешеля, неожиданная вспышка Мая — все это выбивало меня из равновесия, пугало, заставляло искать хоть какой-то защиты.

Я не выдержала и подвинулась ближе к посеревавшему, в пару мгновений осунувшемуся Недичу. Не знаю, кого пыталась успокоить этим в большей степени, себя или его. В Мае сейчас будто что-то надломилось, и это было... страшно. Страшнее, чем падение с моста.

Пальцы вдруг похолодели от покрывших их хлопьев ржавчины. Сердце, бешено стуча, подскочило к горлу. От поясницы к затылку холодной волной прокатилось ощущение потерянной опоры.

Я судорожно вздохнула и порывисто прижалась к боку Мая, поднырнув под его локоть. Неудобно изогнувшись, уткнулась лицом в плечо мужчины, крепко-крепко зажмурилась и закусила губу, пытаясь сдержать подступившие слезы запоздалого страха смерти.

— Прости, — едва слышно выдохнул Май, крепко меня обнимая. — Я не должен был...

— Нет, ты... не в этом дело, — поспешила заверить его. — Это... последствия. Я же говорила, потом накроет.

Кажется, в этот момент хотел высказаться Шешель, но не успел: его прервал стук в дверь. После разрешения Недича в кабинет вошел секретарь и втянул за собой небольшой сервировочный столик.

Этот тип, определенно, гений своей профессии. Случайно так угадать момент он точно не мог, тут нужны особый талант и годы практики...

ГЛАВА 8

Мужчина раздевает женщину, которую хочет, а одевает ту, которую любит

О том, как устроены местные силовые структуры, я уже знала. Стража занималась патрулированием и расследованием мелких преступлений, делами более серьезными ведал следственный комитет, где служил и Стеван Шешель. Выше располагалась только контрразведка, но об этих серьезных людях лишний раз не говорили. Насколько знал Май, их было немного, да и не афишировали они собственную деятельность — жили обыкновенной человеческой жизнью, работали в самых разных отраслях. А что знали и решали куда больше обычных граждан, так у каждого свое хобби. Кто-то статуетки собирает, а кто-то — слухи на благо родной страны.

Регулярная армия была небольшой — и это понятно, воевать-то здесь особо не с кем, главный противник за океаном. Зато всячески поощрялось получение населением военной подготовки. Каждый желающий молодой мужчина мог потратить год жизни на освоение сложной науки уничтожения себе подобных, что впоследствии давало серьезные преимущества в совсем не связанных с армией сферах. Например, в университеты таких молодых людей принимали в первую очередь и с послаблениями.

Выпускники военных специальностей в большинстве своем занимали вполне мирные должности, но только «пока чего-то не случилось». Похожим образом все обстояло с авиацией, только там поступили еще проще: все дирижабли по умолчанию считались военными, но в отсутствие ощутимой угрозы выполняли гражданские задачи. Переоборудовать мирный пассажирский дирижабль в военный транспорт можно было за пару дней. Так и получилось, что Май, с одной стороны, как будто и не офицер, а с другой — имел звание и привык носить форму.

А вот военный флот был военным флотом, безо всяких оговорок: тут Ольбад не экономил. Имелось и еще одно преимущество военной подготовки, для обычного ольбадца — основное. Она считалась обязательным требованием ко всем, желающим попасть на государственную службу. Не только в стражу или следственный комитет, но и в любые другие ведомства, даже самым низшим чином.

Собственно, к чему я все это вспомнила-то... Интересно, как Шешель с его характером умудрился целый год продержаться в армии? Нет, он очень точно ощущал настроение собеседника и знал, когда нужно помолчать и прекратить давить, и вообще показал себя хорошим психологом. Но в остальное время был настолько увлеченно-ядовит и явственно презрителен ко всем авторитетам и чинам, что во время военной службы должен был не вылезать из карцера. Или карцер — это про что-то другое?... В общем, не знаю, как тут в армии наказывают, но уверена, на Стеване испробовали все! Безрезультатно.

Времени успокоиться и как-то взять себя в руки следователь нам не дал, да и визит секретаря его в конечном итоге не остановил. Шешель безапелляционно заявил, что наблюдать наши нежности у него нет ни времени, ни желания, он здесь по другому поводу. И когда мы вообще, наконец, ответим на его вопросы?!

Пришлось заталкивать поглубже собственные переживания и страхи и вспоминать. В деталях, шаг за шагом, кто где стоял, что делал, что видел. Раз за разом, секунда за секундой. От многократного повторения жуткого момента меня начало потряхивать, хорошо, что рядом сидел Май, а то скатилась бы в истерику.

А потом неожиданно стало легче. Затверженный и набивший оскомину пугающий эпизод вдруг стал скучным и каким-то... протокольным. Рассказ о событии вытеснил из памяти само событие. Я наконец смогла отвлечься, задуматься о другом и — первым делом устыдиться. За то, что потащила Мая наверх, толком не выяснив, почему ему так не хочется туда лезть. Списала на смущение, дура... А если бы он мне так крысу в руки совал, рекомендуя ее как милого пушистого зверька?!

— Май, прости меня, пожалуйста, — все-таки улучила я момент, когда Шешель что-то торопливо записывал в блокнот. — Я совсем не подумала, что ты из-за фобии не хочешь туда идти. Но ты в следующий раз, пожалуйста, говори, если что-то не так, ладно? А то я опять сделаю свои выводы и наврежу...

— Не скажет, — не отрываясь от блокнота, заявил следователь. — Он гордый, а настоящий мужик не должен бояться. Вообще, я бы на его месте...

— Шешель, а можно я сам отвечу на заданный мне вопрос? — оборвал его Недич. И вовремя, а то не сдержалась бы и высказалась уже я.

— Можно, задаю. Кто знал, что ты собираешься сюда ехать? — легко переключился тот.

— Завкаф. Думаешь, это он покушался? — раздраженно уточнил Май. — Ты же лучше меня понимаешь, что рухнувшие леса — это способ вытащить меня туда, куда требовалось убийце!

— Нет, ну ты посмотри, как заговорил! — с восхищенным придыханием сообщил мне следователь. — Луну назад он категорически отрицал любую мысль об убийце и вдруг сделался таким понимающим!

— Я не понимаю, это ты так с девушкой кокетничаешь, что ли? — с усталым вздохом парировал Недич, на пару мгновений прикрыв глаза.

— Девушка хорошая, чего бы не пококетничать? — не обиделся Шешель. — Но на самом деле я просто учитываю все варианты. То, что очевидно нам с тобой, может быть неочевидно начальству и суду. Поэтому — да, я буду учитывать и завкафа, и Черешара собственной персоной со всеми его служителями, и даже любимую комнатную собачку твоей соседки, уж извини.

Они продолжили обсуждение в том же духе, а я думала о том, кто мог за этим стоять — просто потому, что Шешель вряд ли со мной поделится.

Ревность обиженной женщины? Происки врагов, желающих подорвать промышленный потенциал Ольбада, обезглавив верфи Недичей? Как-то совсем уж натянуто и неправдоподобно. А если отбросить эти фантастические версии, выходит, смерть молодого князя нужна только тому, кто желает занять его место. Тому, кто устроил аварию, ради своей жадности денег и титула убил пару сотен человек, включая собственную семью, и множество совершенно случайных жертв, которым просто не повезло лететь на том дирижабле.

Маю наверняка очень больно понимать, что этим «кем-то» может быть только один из ближайших родственников. Сестра, которая его ненавидит? Обаятельный кузен, дорожающий своим положением в обществе? Кто-то еще из родственников, с которым мне не довелось пересечься?

Это я могу сказать, что они плохие и неприятные люди и с ними лучше не общаться. А у него-то других родственников нет! Невооруженным взглядом видно, что Маю недостает семьи, он не одиночка по природе, ему нужно о ком-то заботиться. Может, именно поэтому я так хорошо на него влияю, что являюсь подходящим объектом для опеки!

А может, его бывшая жена была беременна и все это устроила именно она?

Впрочем, нет, последнее — уже совсем глупость. Тогда бы она предъявила ребенка раньше, желая вернуть внезапно ставшего очень перспективным мужика. Май в таком случае точно наступил бы на горло обиде и ребенка не бросил, не могла она этого не понимать.

Однако кто бы ни был главным вредителем, он исключительно хитер и осторожен. Не оставляет следов, за столь длительное время, совершив несколько попыток покушения, ни разу не попался. Вряд ли следователь глупее меня, наверняка у него все подозреваемые под колпаком, не только эти двое. Но подозрения к делу не пришьешь, нужны железные доказательства. Их-то, видимо, и ищет Шешель. Голословные обвинения в адрес аристократа — это не ежик чихнул. После истории с полосканием Недича в прессе и официальными извинениями монарха владыка наверняка трижды подумает, прежде чем кого-то обвинять...

А еще я не могла отделаться от мысли о том, как же тяжело все это дается Маю, и попыток придумать, как ему можно помочь. Понятно, что исправить ситуацию не в моих силах, что я ничего не решаю и не способна вычислить преступника, если даже специалист безрезультатно расшибается в лепешку. Но...

Выходило, единственное, что я могу для Недича сделать, это просто находиться рядом, поддерживать и пытаться отвлечь и развлечь. Чтобы стряхнул с себя эту подавленность, лишний раз не задумывался о прошлом и тех событиях, которые длинной тяжелой цепью держали его вот уже целый год.

Но легко сказать — не думать. А как, в самом деле, выкинуть из головы эти переживания? Даже у меня это не получалось, а я вообще сторонний наблюдатель. Что говорить о Мае!

Наверное, удастся только тогда, когда Шешель поймает преступника и поймет, кому и зачем все это надо.

— Стеван, а аварию дирижабля тоже ты расследовал? — влезла я с вопросом, улучив момент.

— Не я один, в компании. А что?

— Мне интересно, неужели ты всерьез мог подозревать в этом Мая?

— П-ф-ф! — пренебрежительно фыркнул следователь. — Ты посмотри на своего благоверного и сама подумай: можно этого человека всерьез подозревать в чем-то дурном? Да у него на лбу вот такими буквами написано: «Фатальное хроническое благородство, доходящее до идиотизма», — сообщил Шешель, широко разводя ладони для демонстрации размера букв. Недич насмешливо хмыкнул, но промолчал.

— Потому и спрашиваю, — согласилась я. — Май не способен на низкий поступок, а уж тем более — на такое преступление.

На высказывание про «благоверного» я сознательно не отреагировала. Кажется, Шешелю доставляло особое удовольствие острить на эту тему, так зачем поощрять его проявлением недовольства или смущения?

— Май, береги эту девушку! — присвистнул Стеван. — Ты глянь, как она в тебя верит! Где такую взял, поделись рецептом!

— Где взял — там больше нет, — отмахнулся Май, тоже не спеша что-то доказывать и объяснять.

А вот я все-таки не сдержалась.

— Слушай, что ты прицепился так, а? Следователь вроде, взрослый мальчик. Какая разница, кто на кого смотрит и о ком заботится? Завидуешь, что ли?

— Конечно! — Смутить Стевана не удалось. — Я-то на работе женат, а там все интересные женщины или мертвые, или в розыске. Это Май хорошо устроился, кругом сплошные хорошенькие студенточки.

— Помочь с переводом? — меланхолично предложил Недич. Поскольку на прочие подначки Шешеля тезка велся гораздо легче, я предположила, что этими шутками Май сыт уже по горло и ему просто надоело на них реагировать.

— Только после того, как закрою дело Недичей. Мне кажется, за это время у меня выработалось привыкание, и если я дольше луны не слышу твою фамилию и не вижу твою физиономию — начинаю нервничать. Так что после поимки преступника придется следовать за тобой в Зоринку, — отшутился Шешель. Потом смерил меня задумчивым взглядом и уже без шутовства добавил: — А вообще я искренне радуюсь, что Май сделал выводы и нашел себе девушку, совсем не похожую на его первую жену.

— Шешель! — предупреждающе одернул его князь, но следователь даже бровью не повел. — Никогда не понимал, как умные мужики ведутся на подобных красивых кукол, у которых на лбу написано: меркантильная дрянь. Впрочем, это в обе стороны работает, женщины...

— Стей, заткнись. Добром прошу. Последний раз, — веско, ровно проговорил Май. Следователь обвел его задумчивым взглядом, потом ухмыльнулся пакостно и подмигнул мне, добавив театральным шепотом:

— Переживает! — После чего продолжил уже спокойно и деловито: — Ладно, все, что вы мне могли сказать, я уже знаю. Пойду проведаю своих ребят и делом займусь. А то с вами хорошо, но преступники сами себя не поймают. Вот закрою дело Недичей, поймаю Кокетку, и можно на пенсию выходить. Берегите себя, совет да любовь!

Оставив за собой последнее слово, он хлопнул дверью, лишив нас даже возможности вежливо попрощаться.

— Что за Кокетка? Это же не про театрального персонажа речь, да? — через несколько секунд проявила я любопытство, потому что очень хотелось чем-то заполнить неловкую тишину.

— Да есть такая... Не то городская легенда, не то ушлая аферистка, — ответил Май. — Уже лет тридцать, а то и все пятьдесят, появляется примерно раз в год, окучивает какого-нибудь богача и вскоре исчезает с большой суммой денег. Я склонен полагать, что это не конкретное лицо, слишком уж разные аферы и разные, но неизменно молодые женщины. Однако Шешель абсолютно уверен, что это реальное лицо, причем одно и то же, и бредит идеей ее поймать. Ты... не обижайся на него, — осторожно перевел Май тему. — Стеван — очень, очень хороший следователь и человек, просто... Иногда его очень хочется убить. — Подумал и уточнил: — Часто. Но при этом он, единственный из следаков, сразу и безоговорочно поверил в мою невиновность, — продолжил тихо. — С тех пор я никак не могу разозлиться на него настолько, чтобы всерьез попытаться поставить на место.

Я тут же внутренне подобралась: по-моему, это первый раз, когда Май сам упомянул ту аварию. Прогресс налицо!

— Да я не обижаюсь, он забавный, — призналась честно.

И опять придвинулась ближе, намереваясь поднырнуть под локоть мужчины, а то за время чаепития и серьезного разговора успела отстраниться. Но Недич, почувствовав шевеление, опередил — сам осторожно обнял, прижал к своему боку. Сердце сладко затрепетало где-то в горле от восторга и облегчения: в глубине души я опасалась, что Май предпочтет сделать вид, что ничего не было. «Ничего» — это я имею в виду непровергнутые слова Шешеля про вкусы князя и выбор женщин. Ну и поцелуй, разумеется...

— Мне сейчас ужасно стыдно, — заметил Май, но не смущенно, а задумчиво. — И за него, и за себя. И тревожно, потому что Шешель — дотошный и любопытный. Вдруг он полезет копаться в твоём прошлом? Наших со Стевичем навыков конспирации точно не хватит, чтобы его обмануть.

— Ну... мне кажется, он достаточно адекватный, чтобы, если припрет к стенке, можно было рассказать ему правду и не бояться последствий.

— Да, наверное, — рассеянно кивнул Недич, не отрывая взгляда от моего лица. — Знаешь, я никогда не был религиозным человеком... — проговорил он и запнулся.

Нежно, почти невесомо очертил мое лицо костяшками пальцев свободной руки. Это легкое прикосновение отозвалось частящим пульсом, мгновенно сбившимся дыханием и мурашками по спине. Именно здесь и сейчас эта немудреная, почти робкая ласка показала себя обжигающе-чувственной, взвихрила эмоции и желания.

— И? — все-таки сумела выдохнуть я, совершенно зачарованная глубокой синевой мужских глаз.

— А сейчас — истово верю. Тебя — такую — могли создать только боги...

За стуком собственного сердца я не разбираю слов, только всей кожей ощущаю бархатный, тихий и мягкий голос.

Для поцелуя мы потянулись друг к другу одновременно и на какое-то время растворились в нем. Трепетно касались лица, висков, шеи, путались пальцами в волосах.

А вот черту осторожности и приличий первой переступила я. Подалась вперед, опираясь на плечи Мая, уселась верхом на его бедра. Сразу стало гораздо удобнее — и шею выворачивать не нужно, и вторая рука освободилась. Как раз для того, чтобы тут же заняться пуговицами. Недич, обхватив одной ладонью мое лицо, мягко, но настойчиво прервал поцелуй, чтобы заглянуть в глаза и ошарашенно выдохнуть:

— Майя, что ты делаешь?

Я бы даже, может, устыдилась, если бы вторая его рука в этот момент не находилась у меня под юбкой, на бедре выше чулка, обжигая прикосновением кожу и горяча предвкушением кровь.

— Избавляюсь от досадной помехи, — ответила невозмутимо.

Крупные тисненые пуговицы кителя, широкая пряжка ремня...

— Майя, это... неправильно. Недопустимо... — пробормотал князь.

Только я гораздо охотнее поверила сжавшей мое бедро ладони и расширенным зрачкам. А еще тому, что он до сих пор даже не попытался перехватить мои руки, добравшиеся до мелких и гладких пуговичек рубашки.

— Необходимо, — охотно продолжила я, воспользовавшись паузой. — И очень, очень приятно!

— Майя!.. — почти простонал Недич, но я не дала продолжить, накрыв ладонью его рот.

— Не надо. Лучше поцелуй меня. Пожалуйста...

И, не оставив времени на сомнения и споры, сама приникла к теплым губам со сладким запахом бороды.

Май ответил. Какое-то время сидел неподвижно, позволяя моим рукам уверенно хозяйничать под распахнутой рубашкой. Не прижимал и не отталкивал, явно боролся с собой и, может быть, пытался разобраться в собственных чувствах, желаниях и внутренних запретах.

А потом, к моей радости, отпустил себя. Сложно было не заметить этот момент, слишком резкой оказалась перемена: вот только что сидел статуей, а через мгновение полностью перехватил инициативу. И уже его пальцы торопливо воевали с пуговицами моих пиджака и рубашки, стремясь поскорее добраться до кожи.

Раздевались быстро, на ощупь. Не до конца. Слишком сложно — невозможно! — было хоть на мгновение прервать поцелуй.

Исступленное желание лишало воли, не оставляло места посторонним мыслям. Потом, подумаем обо всем потом — поговорим, осознаем, ужаснемся содеянному. А сейчас есть мы, есть эта жажда ощущать и касаться, есть широкий диван под спиной и упоительная тяжесть тела любимого мужчины, есть одно на двоих дыхание. И этого вполне достаточно, чтобы прожить еще немного, чтобы не осыпаться пеплом и ржой в следующее мгновение и не рухнуть в бездну. А все остальное... Да плевать на все остальное!

...Потом думать тоже не хотелось. Я лежала в крепких объятиях Мая, уткнувшись лицом в его грудь. С нежностью слушала, как восстанавливается, выравнивается дыхание мужчины, впитывала терпкий запах его кожи, наслаждалась растекающейся по телу сытой, ленивой слабостью. И чувствовала себя невозможно, неприлично счастливой.

В глубине души я понимала, что это хрупкое ощущение покоя временное — слишком беспокойный мне достался мужчина. Но старательно гнала эти мысли прочь и уж точно не собиралась заговаривать первой. Добавлял оптимизма и тот факт, что Май не спешил паниковать и даже мягко поглаживал мою поясницу под сбившейся, смятой рубашкой.

— Как ты? — нарушил тишину его хрипловатый голос.

— Замечательно, — искренне мурлыкнула в ответ. Прижалась к горячей смуглой коже щекой, слегка потерлась виском.

Недич на несколько мгновений почти до боли стиснул меня в объятиях, прижался губами к макушке, а потом тихо пробормотал, риторически обращаясь явно не ко мне, а к себе:

— Боги!.. Что мы натворили и как теперь это распутать?

Ну... как минимум он не винит во всем себя одного и не извиняется, это уже здорово!

От ответной реплики я, конечно, не удержалась:

— А мне понравилось... — А потом, озаренная догадкой, поспешила немного отстраниться, чтобы заглянуть теске в лицо: — Только давай ты не будешь теперь жениться на мне потому, что ты честный человек, ладно? Ты честный и благородный, я в этом вообще ни на секунду не сомневалась, тут скорее я подло воспользовалась твоим смятением и душевным раздраем. И если ты сейчас что-то скажешь на тему моей пострадавшей чести и что-то еще в этом же духе, я... — Запнулась, несколько секунд перебирала в голове варианты, но так ничего толком не придумала и продолжила хмуро себе под нос: — Обижусь. Очень. А то выйдет, что я тебя на себе обманом женила, и вот это как раз ужасно мерзко. Не хочу обманом и подлостью. Фу. — Боги, Майя! — тихо, нервно засмеялся в ответ Недич, опять крепко прижимая меня к себе. Ну... ладно. Если смеется, значит, все не так страшно. Наверное. — Ты... невозможная. Удивительная. А без обмана — хочешь?

— Интуитивно я догадываюсь, что имеется в виду, но все-таки спрошу. Без обмана — это как? — подозрительно уточнила я, вновь отстраняясь и заглядывая теске в лицо. Синие глаза весело искрились, и мне стало еще спокойней и уютнее.

— Я влюбился в тебя, по-моему, в тот самый момент, когда ты категорично заявила, что ты не проект, а Майя, — с теплой улыбкой, на удивление спокойно признался он. — Просто тогда мне очень хотелось спать, и я этого еще не сознавал. Потом обрадовался, что Стевич отправил тебя ко мне, хотя в первое время было стыдно в этом признаться...

— погоди, — перебила я. — То есть ты вот ту жуть с глазами нашел симпатичной?! Извращенец...

— Глаза выглядели слишком экзотично, согласен, — сквозь смех признал он. — Но ведь не в них дело. Наверное, я просто сразу почувствовал, насколько ты замечательная и необычная. А потом просто не мог поверить... Нет, стой, это уже совсем неправильно выходит, — вдруг осекся он, поморщившись.

— Что именно? — растерялась я, разомлевшая и совершенно растаявшая от его слов. Я-то готова была слушать и слушать, какая я хорошая и как ему со мной повезло; что не так?

— Признаваться в любви и делать предложение, лежа на диване, — с нервным смешком пояснил Май.

— А-а, — глубокомысленно протянула я. — Слушай, а вообще ничего, что мы тут лежим на диване в чужом кабинете? Краль там еще не освободился?

Недич в ответ на мгновение прикрыл глаза, тихо ругнулся сквозь зубы и завозился, явно намереваясь встать. То есть управляющий, надо думать, уже освободился.

Мы торопливо, помогая друг другу, начали приводить себя в порядок. И почему-то это действие доставляло не меньше удовольствия, чем все предыдущие минуты. А может, даже больше: столько в нем было уюта, пронзительной нежности и куда более тесной близости, чем давала страсть. Срывать друг с друга одежду — только вспышка, мгновение помутнения. А вот, сплетаясь руками, застегивать мелкие пуговицы и расправлять складки чужой одежды — в этом таилось нечто неуловимо роднящее, связующее накрепко.

— М-да, как-то неловко получилось, — захихикала я наконец и смущенно заметила: — Знаешь, мне кажется, что в какой-то момент я слышала стук и шелест приоткрывшейся двери.

— Определенно, — вздохнул Май, аккуратно подцепил мое лицо за подбородок, окинул внимательным взглядом и тихо пробормотал: — Бесплезно...

После чего коротко и нежно поцеловал.

— Бесплезно — что? — тут же спросила я.

— Пытаться делать вид, что мы тут в шашки играли, — насмешливо пояснил он.

— А определенно — что? Определенно неловко?

— Определенно, дверь кто-то открывал, — ответил Май с каменной физиономией: явно готовился выходить в люди. Я опять нервно захихикала и для обретения моральной поддержки схватилась за руку мужчины.

Краль с секретарем сидели в приемной и о чем-то тихо беседовали под чай. Лица их были невозмутимы, движения неспешны, а обращенные к Недичу слова Бояна — подчеркнута лишены всякого возможного подтекста.

Май сдержанно попросил прощения за то, что надолго занял рабочее место управляющего, пообещал всерьез подумать над тем, чтобы завести на верфи собственный кабинет. Обменялся с сотрудниками мнениями о чуть не случившейся трагедии, заверил, что с нами все в порядке, и поблагодарил за заботу. Поинтересовался оценкой причиненного строящемуся дирижаблю

ущерба и пообещал поспособствовать в случае возможного переноса сроков. Кроме того, выразил надежду, что следователи во всем разберутся, потому что они люди опытные и компетентные, и если уж не они, то никто...

В общем, несколько минут мужчины с серьезными лицами разговаривали о делах. А я завидовала самой себе и очень сочувствовала Маю, потому что я-то могла скромно разглядывать пол и собственные ботинки, ненавязчиво прячась за плечом мужчины, а тому приходилось отдуваться за нас обоих.

Глаза я прятала, впрочем, не от стыда. Меня и без того разбирал с трудом сдерживаемый смех, и одного взгляда на хозяина кабинета — и, главное, дивана — мне было достаточно, чтобы выдержка закончилась.

Но умение Недича держать лицо я после этого зауважала особенно. Да у него даже голос ни разу не дрогнул!

В конце концов мучения пришли к концу, Май распрощался, я тоже высказала вежливое «до свидания», и мы вышли в коридор, где я с облегчением дала волю эмоциям и расхохоталась. Недич веселья не разделял, но глядел спокойно и вроде бы на такую странную реакцию не сердился.

— Интересно, а тебя вообще можно чем-нибудь смутить? — иронично поинтересовался он через несколько шагов.

— Не знаю, — честно призналась сквозь смех. — Наверное, если бы тот, кто заглядывал в кабинет, подошел и поинтересовался, чем мы заняты, я бы смутилась. Но не скажу точно.

— Не представляю, в каком мире ты жила, — рассеянно пробормотал Недич.

— Может, мир тут совсем ни при чем? — предположила я, потихоньку успокаиваясь. — Ну просто... Мне кажется, стыдно должно быть за какой-то плохой поступок, а что мы такого плохого сделали? Ну, кабинет занимали дольше, чем планировали. Ничего не сломали, никому не навредили, и какая разница, если мы там не только разговаривали. И вообще, может, это все в лечебных целях, чтобы после падения успокоиться!

— Если с этой стороны смотреть, то да... — хмыкнул тезка. — Вреда в самом деле никому и никакого.

Дальше мы шли молча, но тишина не тяготила. Зато представилась возможность обдумать случившееся. И покушение — со слов Шешеля, не первое и, наверное, не последнее, — и чудесное спасение, и последующие события.

Вообще от этих мыслей стало жутковато и немного не по себе — все произошло стремительно и разом. Я, конечно, не возражала против того, что наши с Маем отношения прояснились и углубились, но понимала, что во многом тут виновато пресловутое падение и связанные с ним эмоциональные переживания. Я девушка прямолинейная и решительная, но, думаю, в другой ситуации не полезла бы к Недичу с поцелуями. Остановили бы сомнения и смутная внутренняя уверенность, что первый шаг все-таки должен делать мужчина, а тут вышло — я сама на него набросилась.

Оставалось убедить себя, что Недича мое развязное поведение не смутит и не оттолкнет, когда мужчина осознает случившееся.

Нет, боги, о чем я думаю? Я-то ни о чем, кроме некоторой поспешности, не жалею, так почему тезка должен жалеть? Да чтоб мне посереть, он же в любви признался!

Ау, Майя! Он тебя любит, сам сказал! А князь не из тех людей, которые под влиянием момента способны столь грубо лгать.

Но прояснить все-таки надо.

— Май, ты... на меня не сердись? — осторожно спросила я, когда мы выехали с территории верфи. Продолжение экскурсии даже не обсуждали — куда там, после таких-то потрясений! К тому же ужасно хотелось в душ и в уютный мягкий халат. И пообедать чем-то более существенным, нежели бутерброды.

— А должен? — растерялся мужчина, покосившись на меня.

— Ну... Не знаю, — глубоко вздохнула в ответ. — А вдруг? Это же я к тебе с поцелуями полезла... Нет, ты не подумай, я-то как раз совсем не жалею, но вдруг... Ты чего? — осеклась, потому что Недич неожиданно затормозил.

Мужчина не ответил, только резко распахнул дверь, вышел из машины. Обошел вороного монстра, открыл мою дверцу и выразительно протянул руку, чтобы помочь вылезти наружу.

— Ты решил за плохое поведение высадить меня и бросить тут? — предположила растерянно, но помощь приняла и выбралась из кресла.

Только для того, чтобы в следующий момент оказаться стоящей на подножке, прижатой к задней дверце и лишенной возможности говорить глупости. Самым приятным образом лишенной. Озадаченная поведением мужчины, я тем не менее охотно ответила, с минуту мы просто целовались, и мне почему-то было ужасно весело. Чувствовалось в этом что-то невероятно романтическое... Или это влюбленность прогрессирует и теперь мне будет казаться романтической любая глупость?

Потом Май легко переставил меня на землю, но тут же крепко прижал к себе и тихо пробормотал:

— Боги, Майя! Я с тобой с ума сойду... Это я должен спрашивать, не сердилась ли ты, виниться и обещать исправиться!

— Не надо исправляться, вот так мне нравится гораздо больше, — ответила я, блаженно прижимаясь щекой к его груди и наслаждаясь ощущениями — крепостью объятий, вкусом поцелуя. — А зачем мы вылезли из машины?

— Так обнимать тебя и целовать гораздо приятнее и удобней, — пояснил Недич. — Боги! До чего же невероятная ситуация, до чего невероятная ты... Майя, можно я хотя бы буду по-человечески за тобой ухаживать?

— А что, об этом принято спрашивать? — растерялась я.

— Принято. До поцелуев и... всего остального. Очень, очень «до».

— Ну, если это не отменит «поцелуев и всего остального» — то я не против, — легко согласилась с ним, чем вызвала нервный смехок.

— Рядом с тобой я становлюсь чудовищно неблагородным, поэтому — да, удержаться от поцелуев я не смогу. И от «всего остального» — тоже, боюсь, вряд ли...

— Это хорошо. Погоди, но, выходит, ты за мной уже ухаживал... Например, когда мы по берегу моря гуляли, это же вроде бы было свидание, разве нет? — не удержалась от небольшой шпильки.

— Выходит, что так, — с прозвучавшей в голосе растерянностью подтвердил Май, а потом нехотя разомкнул объятия. — Поехали, а то такими темпами мы до города не доберемся. Только, пожалуйста, не поднимай больше эту тему, ладно? Когда ты начинаешь извиняться, я чувствую себя идиотом и повлиять на это никак не могу.

Я согласилась, и мы вновь погрузились в машину.

— Май, а можно спросить?... — через некоторое время нарушила я уютную тишину.

— Судя по введению, ты уверена, что вопрос мне не понравится, — отозвался он. — Но спрашивай, конечно.

— Я правильно понимаю, что дело о крушении дирижабля не закрыто? И сейчас его ведет один Шешель?

— Правильно, — вздохнул Недич. Пару секунд помолчал, собираясь с мыслями, а потом продолжил гораздо спокойнее, чем я предполагала: — Дело застопорилось. Это не мог быть несчастный случай, не могла быть ошибка экипажа — все проверено. Остается только умысел, диверсия, но — какая? Увы, установить это по обломкам не сумели.

— А... ты? — еще осторожнее спросила я.

— А я ничего не помню об аварии, — признался он и недовольно скривился. — Совсем ничего. Тот день выпал из памяти, и последующие — тоже. Я очнулся только в больнице, долго не мог поверить, что произошла авария, да я еще умудрился выжить. Врачи сказали, что это психическая травма — мозг пережил разрушительное потрясение и, защищаясь, заблокировал воспоминания. То есть понятно, как я выжил — инстинктивное использование черной магии. Как, собственно, случилось и сегодня, только сегодня удалось обойтись без тяжелых последствий вроде истощения. Наверное, из-за небольшой высоты, удар все-таки был гораздо слабее, несмотря на то что падали мы вдвоем. А вот все остальное — увы. Так что свидетель из меня не получился.

— Магия не способна это вылечить? — предположила я.

— Есть разные методики, их пробовали, но без толку. Вмешательства в разум — процесс сложный, их толком начали изучать не больше полувека назад. Нет, стирание личности придумали гораздо раньше, но оно... слишком топорное. А тонко воздействовать доктора пока не умеют. Тот психиатр, который со мной бился, в итоге расписался в собственном бессилии.

Сказал, либо это так и останется белым пятном, либо я сам преодолею последствия травмы и вспомню.

— Слушай, а не может быть так, что защита еще и подкреплена черной магией? — живо заинтересовалась я.

— Может. Да, скорее всего, так оно и есть, но установить это точно не получилось, — пожал плечами Недич. Потом с усмешкой добавил: — Пока я луну валялся в больнице, кто только не пытался исследовать меня и экспериментировать!

— Спасибо, — после долгой паузы продолжила я.

— За что?

— За ответы. Я помню, как ты одергивал Стевича, и понимаю, как болезненны для тебя эти события и воспоминания. А тут я со своим любопытством.

— Неприятно, но... не больно, — поморщился Недич. — А вообще... Забавно. Именно сейчас это действительно просто неприятное воспоминание. И я никак не могу вспомнить, в какой момент все так поменялось. Совсем недавно, с твоим появлением, но когда именно? Кажется, вот прямо сегодня. Насыщенный день...

— Я думаю, стоит сказать спасибо Шешелю.

— Почему ему? — озадачился Май.

— Он тебя сегодня очень грамотно дожал, — хмурясь, пояснила я. — Когда ты сорвался, вскочил и заявил, что не хочешь думать о... ну...

— О том, что единственные, кто реально может стоять за всем этим, это Любича с мужем или Андрий. И, наверное, я поставил бы на сестру, — продолжил за меня Недич. — Да, скорее всего, ты права. Я тоже слышал, что признание проблемы — уже половина ее решения.

— На сестру? Она показалась мне... хм. Слишком недалекой для такой сложной комбинации, уж извини. Неужели она хоть что-то понимает в технике?

— Понимает, будь уверена, — отмахнулся Май. — У нас всех отличное образование... было.

— Ты... очень их любил, да? — тихо, неуверенно продолжила я, понимая, что проявляю наглость и лезу в самое сокровенное, но мне требовалось задать этот вопрос. Тем более что сейчас разговор как раз крутился вокруг этой темы... А самому Маю, наверное, полезно высказаться. Высказаться, пережить, обсудить и больше не вспоминать. Вернее, вспоминать, но не как висящую на шее гирию.

— Отца сложно было любить, — задумчиво хмыкнул мужчина. — Только уважать и принимать как неизбежность, как природное явление. Когда познакомишься с дядей Миомиром, поймешь. Это бесполезно объяснять, надо видеть.

— Дядя — это отец Андрия? А почему у вас тогда фамилии разные? Я думала, что он по линии матери кузен...

— Нет, по линии отца, дядя на два года старше. Но он никогда не интересовался семейным делом, и дед выбрал наследником второго сына. А фамилия... Правила наследования, — пожал плечами Недич. — Родовую фамилию носит только титулованная ветвь. Если бы отец успел передать титул кому-то из моих братьев, я бы тоже носил фамилию матери.

— А твоя мама тоже была настолько сурово аристократичной?

— Куда мягче отца, но... да, в высшем свете она чувствовала себя уверенно и очень любила светскую жизнь, поэтому я даже сейчас не могу толком разобраться, в какой момент это была она сама, а в какой — тщательно выверенный образ княгини. Все же они хорошие родители. Если смотреть по остальным титулованным семьям, даже очень прогрессивные. Но это не удивительно. Отец всегда очень живо участвовал в жизни своих предприятий, которые для него тоже были детьми, и переносил новаторство на нас. Например, летом я мог целыми днями гонять по поместью с детьми слуг — нонсенс для большинства отпрысков высородных фамилий.

— Погоди, а как же аристократическое воспитание? — опешила я.

— Дома и при гостях, — ответил он со смешком. — Ну и, конечно, не стоило попадаться на глаза родителям в рваной рубашке и грязных штанах. А на шалости за пределами гостиных они смотрели сквозь пальцы. Тогда-то мне казалось, что родителей удастся провести, но сейчас понимаю — они прекрасно все знали, просто позволяли дурачиться. До тех пор, пока ты вовремя спускался к ужину, одетый сообразно этикету. Ну а потом, когда началось обучение, времени на шалости осталось гораздо меньше.

— И ко всем вам, детям, относились одинаково? — уточнила я, вспоминая слова Андрия о «лишнем ребенке».

— С наследника спрашивали гораздо больше и строже, чем со всех остальных. Любицу баловали, все-таки единственная дочь при четырех сыновьях. На мой взгляд, это было очень обременительно — ею хвастались, и она всегда должна была выглядеть безупречно. А мне повезло больше всех, потому что от меня ничего особенного не требовали, только не уронить честь семьи. Тогда это выглядело совсем просто: достаточно хорошо себя вести и хорошо учиться.

М-да. Вот что значит — разные взгляды на вещи. Андрий полагает, что Май был лишним в семье, а сам тезка, наоборот, считает это большим везением.

Но это все объясняет, да. И мягкость, и доброту Недича, и отсутствие заносчивости и стремления поучать других, и легкость, с которой он сходится с далекими от аристократии людьми вроде Стевича или даже Шешеля.

Повисла тишина. Я сидела, задумчиво косилась на тезку, покусывала нижнюю губу и пыталась определиться, достаточно ли обнаглела, чтобы окончательно прояснить еще пару вопросов, или на сегодня откровений достаточно.

— Это ведь не все вопросы, да? — через пару минут избавил меня от мук выбора Май.

— Не все, — согласилась я. — Но мне кажется, я и так уже прошла по всем твоим болевым точкам, и не уверена, что хватит совести продолжать расспросы. Удивительно, как ты меня еще не послал...

— Не знаю почему, но с тобой легко говорить о чем угодно, — после короткой паузы негромко ответил Май. — Я старался не вспоминать родителей, выкинуть из головы аварию и вообще все, что причиняло боль. А сейчас вдруг понял, что все это как-то... переболело. Так что еще ты хотела узнать?

Посчитав такое объяснение исчерпывающим и дающим полную свободу в выборе темы, я наконец удовлетворила любопытство. Хотя вопросов-то осталось немного: с семьей Мая более-менее ясно, аварию он не помнит, что было с ним самим потом — тоже нет смысла спрашивать. А вот что было

перед

аварией, знать хотелось, и хотелось все-таки сунуть любопытный нос в расследование. То есть очевидно, что всех подозреваемых проверили, Шешель оказался мне очень толковым следователем, но я-то результатов проверки не знала!

Оказалось, что главные подозреваемые отсутствовали на борту по совсем не подозрительным причинам. Андрия, как его отца и всех остальных родственников разной степени удаленности, попросту никто не звал: планировалось торжество в узком кругу после основного приема «по случаю». А Любица в том пансионате в горах, куда собиралось все семейство Недичей, жила с луну до назначенной даты. Собственно, пансионат-то выбрали в основном из-за сестры. Впрочем, она не сидела там безвылазно и технически вполне могла навредить дирижаблю, который во время ее кратковременного визита в Беряну стоял на приколе и стартовал через сутки после отъезда.

Но никого из вероятных подозреваемых вблизи воздушного порта не видели, поэтому возможность так и осталась возможностью, а не весомым подозрением.

Проверили, конечно, и остальные версии. Не обнаружили ни следов вредоносного вмешательства Регидона, ни происков конкурентов — ни тем, ни другим гибель князя Недича выгоды не несла. Верфи и заводы находились под неусыпным контролем владыки, и смерть всего княжеского рода до пятого колена почти не сказалась бы на их работе. Да и ожидаемой шумихи в прессе на соседнем континенте не наблюдалось, а, по уверениям следователей, будь акция спланирована за океаном, без нее не обошлось бы.

Вот и выходило, что заинтересованных лиц набралось не так уж много, только ближайшие родственники. На мой осторожный вопрос, неужели кто-то из знакомой мне Маевой родни действительно способен ради титула отправить к богам полторы сотни человек, Недич неприятно, криво усмехнулся. И ответил, что Любица — капризная, но добрая и ранимая девочка, которая очень любила папу, а Андрий — верный друг детства, который не побоялся испортить репутацию и единственный из родственников пытался поддерживать отношения с

Маем даже тогда, когда последний находился в опале. Но — да, кто-то из них двоих самый вероятный кандидат на роль убийцы, и думать об этом моему тезке было гораздо больше, чем вспоминать аварию. Свидетелем чего я, собственно, стала совсем недавно.

А что крушение произошло не случайно, сомнений у следователей не осталось. По секрету Недич рассказал, что, по заключению комиссии, дирижабль буквально развалился в воздухе по неведомой причине. Без магии явно не обошлось, ее ничтожно малые следы обнаружили на тех частях аэростата, где чар не предполагалось вовсе, а если предполагались, то совсем другого цвета. Но, увы, крушение произошло в труднодоступной местности, и, пока специалисты добирались до обломков, от чар остались такие крохи, что восстановить по ним что-либо не представлялось возможным.

Но лично я порадовалась и этому: могли ведь не заметить и сразу посчитать происшествие несчастным случаем! Конечно, тогда бы не пили Маю кровь на протяжении нескольких лун, но тогда и не присматривал бы за ним никто вроде деловитого Шешеля. Что-то мне подсказывало, что в этом случае мы с ним не познакомились бы, а князем Недичем сейчас назывался бы убийца, оставшийся безнаказанным.

Но до чего же хитрая, лицемерная, осторожная сволочь! Никаких следов не оставляет!

— Погоди, а падение того мостика? — опомнилась я. — Он же тоже вдруг истаял! Может, это те же самые чары?! Выходит, злодей потерял надежду обставить все как несчастный случай?

— Подождем, что Шешель скажет по этому вопросу, — осторожно отозвался тезка. — Но я склонен думать, что это действительно так. И даже гадать не надо, что подстегнуло его к решительным действиям. — Князь очень выразительно глянул в мою сторону.

— Намакаешь, что его спровоцировало появление в твоей жизни такой замечательной меня? — весело фыркнула в ответ. — Не понимаю, какая разница. Когда на счету столько трупов, одна странная девица без роду и племени погоды не делает, можно прибить обоих. И даже совсем уж гипотетического ребенка, если думать дальше в этом направлении.

— Можно. Но я не вижу других причин. Просто надоело ждать и сорвался? Не верится.

— Согласна, — кивнула я. — Тоже так себе версия.

— Или, может, дело не в тебе самой, а в том, что рядом с тобой меняюсь я? — через несколько секунд, хмурясь, предположил Май. — Начинаю снова ценить жизнь и цепляться за нее.

Выздоровливаю...

— И что? — не поняла тезку.

— Такие изменения могут подхлестнуть память, — после еще одной короткой паузы медленно, с расстановкой, проговорил мужчина. — И, видимо, убийца уверен, что я могу вспомнить нечто такое, что выдаст его с головой. Не обязательно, что это так, не обязательно, что я на самом деле что-то помню, но... это уже куда более реальный повод для страха, чем прочие, которые я могу придумать.

— Как считаешь, Шешель тоже дошел до такой версии? — напряженно спросила я.

— Не мог не дойти. — Май неопределенно дернул плечом. — Может, и в лекари душ он полез только для этого — хотел ускорить процесс.

Дальше ехали в тишине, порой нарушая ее обсуждением окружающих красот и каких-то простых, незначительных вещей.

Дома я первым делом отправилась в ванную и долго отмокала, перебирая впечатления дня и в очередной раз пытаюсь аккуратно уложить их в голове. За эти несколько часов со мной случилось больше, чем за всю прежнюю недолгую жизнь, — было о чем подумать!

И хотя я пыталась строить логические цепочки и подозрения мои попеременно склонялись то к кузену, то к сестре Мая, мысли упрямо соскальзывали с серьезных вопросов к самому Недичу. Настроение от этих мыслей становилось все более радужным, с губ не хотела сходить улыбка, и вообще я с каждой секундой чувствовала себя все более счастливой: я наконец-то осознала, что предмет моих тайных вздохов, оказывается, отвечает мне взаимностью. И можно обнимать его, целовать и вообще — быть с ним.

Подумаешь, могу заодно с Маем стать жертвой одного из покушений, которые до сих пор не раскрыты и настолько умело «притворялись» несчастными случаями, что вызывали подозрения только массовостью! Не лишать же себя удовольствия общения с Недичем ради какой-то дурацкой безопасности...

Зато можно не бояться вызвать подозрения и привлечь чужое внимание к собственным чувствам. Сколько угодно улыбаться, не одергивать себя постоянно, когда взгляд норовит

отвлечься от книги или еще чего-то полезного и найти совершенно определенного человека. Пусть находит!

В общем, из ванны я выбралась, по-прежнему не зная точного имени убийцы и способа его поимки, но зато в отличном настроении. И на несколько секунд замешкалась на пороге комнаты, потому что на кровати появилось несколько незнакомых коробок.

Первую странную мысль, что мне так ненавязчиво предлагают собрать вещи, я поспешила отогнать — это уже паранойя какая-то. А отогнав, поняла, что других мыслей нет, и предпочла для начала сунуть нос в один из свертков. Там обнаружилась одежда, очевидно, женская, мне не знакомая. Рассматривать внимательнее я не стала, только озадаченно нахмурилась и отошла от кровати.

Нетрудно угадать, от кого это и кому. Но почему-то коробки с одеждой произвели двойное впечатление. С одной стороны, вроде бы приятно, потому что не так уж много у меня вещей и, конечно, хочется разнообразия. Но с другой... Я надеюсь, Май не сменит направление ухаживаний вот на это? Честно говоря, пешие прогулки у моря или по улицам Беряны были гораздо приятнее. А так я самой себе начинала казаться какой-то меркантильной мерзостью. И так неловко, а приходится гнать прочь мысли о том, что весь такой замечательный, богатый и родовитый Недич подобрал и пригрел в музейной роскоши собственного дома какой-то экспериментальный образец, а если меня еще и подарками начнут задаривать — я точно побегу срочно устраиваться на работу. Хоть какую-то! Когда мы с Маем уютно читаем книжки в соседних креслах или гуляем под ручку, о социальной пропасти (какие я, оказывается, умные слова знаю!) удастся забыть. А вот это... Надеюсь, драгоценностей там нет?

Понимая, что начинаю накручивать себя из-за пустяка, я завернулась в халат и прошлепала в кухню. Недич, как и ожидалось, нашелся именно там — он как раз расставлял на столе тарелки и посуду с едой.

— Я начал беспокоиться, не уснула ли ты в ванне.

— Нет, просто уж очень хорошо было, — безмятежно улыбнулась в ответ и плюхнулась к столу. — А что там за коробки такие?

— Консьерж передал, — невозмутимо ответил Недич. — Это твоя одежда, примерь потом, хорошо?

— Но я вроде бы больше ничего не заказывала, — возразила осторожно.

— Госпожа Рагулович тоже так ответила, когда я спросил ее о счете за остальные вещи и, собственно, о вещах, — весело усмехнулся Май. — И поскольку мы с ней пришли к выводу, что виной всему твоя скромность и нежелание тратить чужие деньги, я решил потратить их самостоятельно. Прости, но мне сложно поверить, что три платья — это все, что нужно молодой девушке для счастья.

С точки зрения Недича смотреть на найденную мной на пустом месте проблему стало проще. Мужчина не воспринимал эту покупку как подарок, да и совершил он ее не сегодня, а гораздо раньше, и от этого я почувствовала облегчение. Это не я меркантильная, это просто Май очень добрый. Но упрямо заметила:

— Все равно как-то неловко...

— Не говори ерунды, — отмахнулся он. — Кстати, передали и документы для тебя, так что теперь ты официально признана гражданкой Ольбада.

— И тыпустишь меня за руль?! — тут же забыла я про все свои сомнения и переживания.

— Что с тобой делать, пушу, — засмеялся Май. — В выходной уедем на какой-нибудь пустырь, и там попрактикуешься. Надеюсь, ты не собиралась сразу колесить по городу? — уточнил он: видимо, скисла я достаточно выразительно.

— Нет. То есть мне бы хотелось и есть внутренняя уверенность, что я все знаю и умею, но ты прав, не стоит рисковать твоим великолепным монстром и окружающими людьми.

— Монстром? — опешил Недич.

— Ну... — неуверенно протянула я, а потом весело отмахнулась: — Ой, не спрашивай. Понятия не имею, почему я его так называю!

Остаток дня мы провели привычно и обыденно, и через пару часов посиделок в кабинете мне начало казаться, что насыщенного событиями утра попросту не было. Когда ощущение начало всерьез тяготить, я решительно отложила книгу и двинулась к Маю — успокаиваться. Подошла сзади, обняла за плечи, почти всерьез ожидая, что он встретит этот жест удивлением.

Но мужчина отреагировал иначе. Обнял меня одной рукой, потом понял, что это совершенно неудобно, отложил документы и, чуть отодвинувшись от стола, потянул к себе на колени. Я устроила голову на крепком плече, уткнулась носом в жесткий воротник рубашки — и почувствовала себя совершенно счастливой.

— Странное ощущение, — тихо пробормотал Май через полминуты, которые мы просидели в уютном неподвижном молчании.

— Какое? — лениво уточнила я, потому что продолжения не последовало.

— Я умом понимаю, что знаю тебя меньше луны. Но при этом такое чувство, словно мы уже несколько лет счастливо женаты, и приходится напоминать себе, что это пока не так.

— Может, дело в магии? — осторожно предположила я, рассеянно теребя пуговицу его рубашки. — Ну, в нашем с тобой взаимном положительном влиянии.

— Да боги знают, — отмахнулся Май. — Только ощущение не становится от этого менее приятным...

А потом я все-таки вспомнила об ожидающих в спальне вещах и потащила мужчину в «примерочную»: его была идея, вот пусть он проверяет и определяется, нравится ли ему такое приобретение.

Первое время Недич честно сидел в кресле, а я бегала переодеваться в ванную. Правда, все равно приходилось возвращаться, чтобы обратиться за помощью — в выбранных наугад нарядах застежка находилась сзади. Начиная с третьего платья, прятаться за дверь я поленилась и заодно начала что-то подозревать, а на четвертом уверилась, что все это не просто так.

— Скажи честно, ты их специально все заказал с пуговицами на спине? — спросила насмешливо, когда мужчина помогал мне снимать очередной наряд.

— Нет, что ты, — возразил Май. Помолчал пару секунд, но потом все же продолжил: — Но если честно, я сознательно не стал уточнять эту деталь.

Кончики его пальцев, лаская, медленно прошлись по впадинке позвоночника. Меня пробрала мелкая дрожь, от этого простого прикосновения перехватило дыхание, и я отчетливо поняла: остальные коробки останутся нераспакованными.

— А если совсем честно, то я очень надеялся, что госпожа Рагулович подберет именно такие вещи, — тихо добавил он. Платье соскользнуло с плеч, и кожу огладили горячие мужские ладони. — Я же не знал тогда, как все изменится за полдня! Не знал, что смогу снимать с тебя эту одежду полностью, а не только помогать с пуговицами, борясь с желанием дотронуться до кожи... Ты не сердись?

— А? Что? — пробормотала я. Слова мужчины я слушала вполуха и совершенно не задумывалась о них, полностью сосредоточившись на медленных, ласкающих, изучающих прикосновениях. — Боги, Май! Если бы ты с этим желанием не боролся, все изменилось бы гораздо раньше!

Он засмеялся в ответ, и на этом разговор прекратился.

ГЛАВА 9

Лучше рано, чем никогда

Утром я проснулась рано, в отличном настроении, полная сил и энергии. Немного полюбовалась на непривычно взерошенного спящего Мая. Подумала разбудить его для чего-нибудь приятного, но потом пожалела и тихонько выскользнула из-под одеяла. Пусть спит, ему надо — после вчерашней-то встряски! Все закончилось хорошо, некоторые потрясения были приятными, но это тоже утомляет. А я пока завтраком займусь.

Судя по всему, возней я мужчину все же разбудила, потому что присоединился он ко мне достаточно скоро, яичница на сковородке только начала аппетитно шкварчать. Май подошел сзади совершенно бесшумно, и я дернулась от неожиданности, когда он меня обнял.

— Доброе утро.

— Доброе. Ты вот вчера говорил про странные ощущения, а сейчас моя очередь, — хмыкнула я, откидывая голову мужчине на плечо и подставляя шею и ухо под поцелуи. — Мне кажется, что вот сейчас все абсолютно правильно.

— То есть?

— То есть раньше чего-то не хватало, и я сейчас понимаю: именно этого.

Я выразительно потерлась щекой о его щеку. Потом развернулась, окинула Недича задумчивым взглядом и, отложив лопаточку, с которой стояла на страже около яичницы, потянула Мая за запястье.

— Дай сюда! — скомандовала и принялась расстегивать рукав.

— Зачем это? — растерялся он, но я отмахнулась:

— Сейчас, погоди, это не все.

Сноровисто закатала рукав, потом другой. После этого вытащила из брюк полы безупречно отглаженной рубашки, расстегнула пару верхних пуговиц и пару нижних, потом закинула руки мужчине на плечи и, наконец, добралась до завязки, собирающей волосы в аккуратный хвост. Май — вот же чудо терпения! — воспринимал мои манипуляции с возрастающим недоумением, но не сопротивлялся. А я распустила ему волосы, слегка взлохматила, разметав черные пряди по плечам, окинула мужчину внимательным взглядом и удовлетворенно кивнула. — Вот. Теперь другое дело, — сообщила и повернулась в его руках, чтобы снять яичницу со сковородки.

— Что это было? — со смешком уточнил Недич.

— Привела тебя в порядок.

— Ты что-то путаешь, порядок был до твоего вмешательства, — весело фыркнул мужчина.

Не сердится. Это хорошо, а то я рисковала. Вряд ли бы Май всерьез разозлился, даже в худшем случае, но немного поругаться — имел полное моральное право.

— Это художественный порядок, — не сдалась я. — Понимаешь, когда ты весь такой аккуратный и выглаженный, это выглядит эффектно и красиво, но сразу создается впечатление, что ты уже на работе. Зато вот таким уютным и теплым ты бываешь очень редко, а мне же тоже хочется полюбоваться... Но если тебе это очень неприятно и раздражает, то я, конечно, больше не буду так делать!

— Ты действительно думаешь, что я могу отказаться после подобного введения? — рассмеялся Май. — Это просто привычка, а не принципиальная позиция. Быстро привести себя в порядок и больше не вспоминать о собственном внешнем виде. Давай завтракать, а то опоздаем. — Он с явной неохотой выпустил меня из объятий.

Сегодня Маю предстоял долгий, трудный, но интересный день: вторая часть защиты домашнего задания очередной группой студентов. Защита состояла из проходящей в кабинете теоретической части — ученики должны были предоставить расчеты своих аппаратов; и практической — с бегом по полигону и попытками заставить взлететь собственноручно собранный макет, который по расчетам должен был сносно вести себя в воздухе.

Зачем подопечным Недича практические занятия, я не совсем понимала, но со своим ценным мнением не лезла: если специалисты считают, что так нужно, кто я такая, чтобы спорить?

Посмотреть на полигон хотелось и на маленькие дирижаблики — тоже, но мир был против. То есть сначала Май мягко меня отговаривал, уверяя, что это не так интересно, как кажется, да и студенты будут стесняться, первый курс все-таки. А потом на его сторону встала погода: с вечера зарядил дождь. К моменту нашего выхода из дома он так и не прекратился, даже как будто усилился, заметно похолодало, и стывший ветер с моря швырял в лицо ледяные брызги. И как же здорово, что Май такой предусмотрительный и среди заказанных им вещей оказался плотный и достаточно теплый плащ, прекрасно защищавший от непогоды...

— Может, ну его, этот полигон? — предложила я с сомнением, когда мы рысцой преодолели расстояние от машины до козырька над входом в здание.

— Я тебе сразу об этом сказал, — хмыкнул Недич, встряхиваясь и отфыркиваясь.

— Да я вчера согласилась отпустить тебя одного, — отмахнулась от него. — Сейчас я о тебе беспокоюсь. Может, не надо? Целый день на ветру, под дождем... ваши модели в таких условиях летают?

— Все будет хорошо, — заверил Май, не вдаваясь в подробности.

Еще с вечера мы договорились, что Недич оставит меня в комнате общежития с ключом, потом за мной зайдет Стевич, а потом я буду развлекать себя самостоятельно, потому что сам Май вернется только к вечеру.

Вчера среди вещей нашлось еще одно очень ценное проявление заботы со стороны тетки, причем ценное в прямом смысле слова: Май заказал мне платежный браслет.

Наличными деньгами здесь пользовались очень редко, чаще обходились вот этими простыми и удобными артефактами — платками, которые хранили в себе информацию о состоянии банковского счета. Прикладываешь браслет к специальному считывающему устройству, связанному с общей системой какими-то очень сложными, запутанными и засекреченными желто-зелеными чарами, и нужная сумма переводится со счета на счет. Существовали сложные модели платок, на которых под специальной защитной крышечкой прятался необычный циферблат — единицы, десятки, сотни и следующие ряды цифр представлялись небольшими дисками, которые, поворачиваясь, демонстрировали в окошках нужные суммы. Очень стильная вещица. У Недича была как раз такая — широкий кожаный ремешок, и на нем платка. Мне же достался изящный металлический браслет из крупных ажурных звеньев, платка в нем выглядела как овальная пластина с выгравированным на ней декоративным узором. Отсутствие циферблата Недич обосновал прямо и однозначно: чтобы я, если понадобится, спокойно покупала все нужное и не пыталась считать его деньги. Я очень надеялась, что такой надобности не возникнет, а там я все-таки освоюсь, начну учиться или работать и обрету некоторую финансовую независимость.

Вес вещицы, а также чутье подсказывали, что игрушка эта — целиком золотая, но я пошла на сделку с совестью: не стала уточнять и спорить, а постановила считать ее удачной имитацией. Потому что столько золота разом было для меня слишком.

Нет, я понимала, что Май считает все это нормальным, ему не сложно, и траты его на меня, наверное, не так уж велики, если учесть титул мужчины и размеры принадлежащих Недичам заводов. Больше того, на его месте я бы, наверное, тоже отмахивалась от попыток отблагодарить и называла бы все это пустяками. Но принимать такую помощь мне по-прежнему было морально тяжело. Наверное, там, в прошлой жизни, я настолько привыкла содержать себя самостоятельно, что сейчас, даже лишившись личных воспоминаний, не могла отделаться от этой привычки.

Сегодня, впрочем, платка должна была принести мне пользу: я планировала в одиночестве пообедать в местной столовой. На столь скромные траты моя совесть смотрела спокойно. Но это все потом, в середине дня, а пока я с любопытством изучала университетское жилище Мая. И, честно говоря, это пристанище Недича нравилось мне гораздо больше роскошной квартиры.

Небольшая прихожая, в ней справа и слева двери в крошечную душевую и туалет, прямо — проход в просторную комнату, общую на двоих с отсутствующим сейчас соседом. Слева — кухонный уголок, справа — пара книжных шкафов и один платяной. Прямо, у окна, большой стол и пять стульев вокруг него, шестого не хватало. Левая дверь вела в жилище Мая, правая, соответственно, к соседу, который меня не интересовал.

Впрочем, нет, было любопытно, кто здесь еще обитает. Учитывая аккуратность Недича, разложенные тут и там стопки книг, разбросанные обрывки бумаги и даже объедки, какие-то склянки и пустые кружки принадлежали именно соседу. Как и гора посуды в раковине и подозрительного вида радужные пятна на полу прямо перед входом, которые мы аккуратно обошли.

— Пол-луны меня не было, — печально вздохнул Май, качнув головой. — Извини за этот беспорядок, я не сообразил, что Талаев успеет все так... обжить. Не надо было тебя сюда вести.

— Да ладно, могло быть и хуже, — отмахнулась я. — Но как же ты, бедный, с ним уживался, с твоей-то любовью к порядку?

— Приходилось часто убирать, — развел руками Недич и отпер дверь в свою спальню.

— Вот прямо руками убирать? Какой-то ты неправильный князь. — Я выразительно хмыкнула.

— Не стыдно взять тряпку и убрать грязь, стыдно жить в грязи, — невозмутимо отозвался он. С этим спорить было сложно.

За дверью обнаружилась небольшая комнатка, странно уютная, несмотря на простую казенную обстановку и отсутствие каких-то личных безделушек. Слева у входа узкая кровать, по-солдатски (уж не знаю, откуда у меня эта ассоциация) аккуратно заправленная темно-синим покрывалом. Дальше у той же стены книжный шкаф, перед ним — глубокое кресло под погашенным сейчас настенным светильником. Напротив еще один шкаф, наверное, для одежды, и письменный стол у окна.

Здесь, конечно, царили чистота и порядок.

Велев чувствовать себя как дома, хозяин комнаты сложил принесенные с собой книги на стол, коротко, но жарко поцеловал меня на прощание и умчался. Ему предстояло собрать студентов вместе с моделями, погрузить в выделенный Зоринкой автобус и сопроводить на полигон, расположенный немного в стороне от Беряны в целом и университета в частности.

Я некоторое время прилежно посвятила чтению, оценив удобство кресла, которым Май наверняка пользовался очень часто. Но потом это дело наскучило, бьющая ключом энергия требовала выхода, и я решила сменить разминку для ума разминкой всего остального. А именно — навести порядок в гостиной, хотя бы его видимость. Хотя бы вымыть пол и посуду: мысли о полной раковине вызвали нервную чесотку и не давали спокойно жить.

К счастью, все нужное для уборки нашлось быстро. Имелись и швабра, и тряпка, и ведро, и даже бутылка жидкого мыла. Не знаю, чем именно были оставлены те пятна пугающего вида, но отмылись как миленькие и даже не разъели мои руки и орудия труда.

Когда раздался стук в дверь, я как раз, ужасно довольная собой, «громила остатки отступающей вражеской армии», то есть драила последнюю кружку с вековым темным налетом от чая. Так и пошла встречать гостей, с кружкой в одной руке.

— Здравствуй... Майя, — неуверенно проговорил стоящий на пороге аспирант. Второй, который светловолосый.

— Привет, — благодушно кивнула я. — Тебя Горан за мной прислал? Заходи, я сейчас.

— Ты еще не готова? — нахмурился Вук, но порог переступил.

— Сейчас, посуду домою, — отмахнулась я и крикнула из гостиной: — Ты так и будешь в прихожей топтаться?

— Какую посуду? — с искренним недоумением уточнил он, все-таки проходя в комнату. — Тебя разве учитель Недич не предупредил, что ты понадобишься?

— Предупредил, — насмешливо согласилась я. — Но твоего руководителя не утратит подождать еще пару минут.

Кажется, аспирант был со мной не согласен, но спорить не стал. Меня так и подмывало из хулиганских соображений повозиться подольше и проверить, насколько хватит терпения у молодого человека, но совесть победила. В конце концов, там на самом деле ждал Стевич. Как показала практика, могла не спешить, а спокойно закончить уборку и, может быть, даже почитать, потому что Горану было не до меня. В просторной светлой лаборатории — явно совсем другой, не похожей на ту, в которой я «родилась», — профессор со вторым аспирантом собирал на массивном широком столе с каменной столешницей какой-то монструозный агрегат. — Я привел проект... Майю, — сообщил Вук, покосившись на меня. Очень захотелось показать ему язык, но я сдержалась.

— Хорошо. Иди сюда, поддержи вот здесь, — поспешил Горан приставить к делу второго аспиранта.

— А я? — возмутилась тут же.

— Займись чем-нибудь! — отмахнулся Стевич, кажется, не вникая в вопрос и совершенно не оценивая возможных последствий. Я пожала плечами и отправилась послушно выполнять распоряжение старшего.

Первым на моем пути обнаружился стол с химической посудой и какими-то реактивами в разноцветных стеклянных пузырьках с притертыми пробками. Надписанные на них названия ничего мне не говорили, да и интерес к ним я потеряла почти сразу, стоило взгляду зацепиться за несколько разложенных на подставках стеклянных шариков. Точнее, это мне в первый момент показалось, что они стеклянные и лежат, а потом дошло: они из того самого уника! Внутри двух шаров поменьше содержались жидкости — маслянисто-желтая и угольно-черная, в одном я рассмотрела серебристые гранулы какого-то металла, еще в одном уверенно опознала ртуть, а в паре находились непонятные порошки разных оттенков белого. А еще пара оказалась совершенно пустой. К одному из таких шариков мои руки и потянулись. В здравом уме я бы, конечно, хватать опасные химикаты не стала, а тут — такая возможность занять себя и удовлетворить любопытство!

Ощущение было совершенно волшебным. Шарик парил над ладонью, при этом я чувствовала его небольшой вес — как будто сам воздух пружинил. После нескольких неудачных попыток удалось зажать верткий шарик обеими руками и наконец пощупать его. Стекло как стекло, даже обидно.

Падая с достаточной (около метра) высоты на стол, шар легко стучался о его поверхность. Выяснить пределы прочности своей игрушки я не стала, хотя было очень любопытно, бьется она или нет. А еще — совершенно непонятно, как внутрь монолитных шаров попало их содержимое. Никаких отверстий ни в пустых, ни в полных сосудах я не нашла.

— Детский сад, — отвлек меня от развлечения ворчливый голос Стевича. — Дитятко, может, тебе воздушный шарик подарить?

— Подари. Кажется, я их люблю, — легко согласилась я. — Горан, а как содержимое попадает в эти сосуды, они же сплошные?

— Магия, — коротко ответил он.

Потом посчитал это объяснение недостаточным, взял первый попавшийся пузырек и, строго глянув на шар, сунул в него руку вместе с предметом, не встречая сопротивления.

— Ух ты, здорово! — искренне восхитилась я, наблюдая, как пальцы мужчины проходят сквозь похожий на стекло уник. — Вот это я понимаю — волшебство!

— Это не волшебство, это элементарно, — поморщился он. — Легчайшее зеленое воздействие, доступное любому дилетанту.

— Правда?! Объясни! — с надеждой уставилась на него.

— Вот мне больше делать нечего! — возмутился Стевич. — Я тебе книжку давал, ты ее дочитала? Там все это есть!

— Ну ладно, а шарик-то можно взять? Для тренировки. — Признаваться в том, что в последнее время было совсем не до обучения, не хотелось.

— Забирай. Небойша, сними с нее показатели. Я так понимаю, самочувствие у тебя сейчас отличное?

— А я так понимаю, ты все-таки что-то вычислил? Если тебе уже неинтересно возиться со мной лично, — уточнила я.

— У меня есть теория, я ее проверяю, а ты в этом смысле бесполезна и бесперспективна, — отмахнулся Стевич. — Как вполне здоровый среднестатистический человек, ты не представляешь научной ценности.

— Какой ужас, я этого не переживу, — ответила весело. — А Май?

— Его я в последнее время не смотрел, но что-то подсказывает, что он уже не более интересен, чем ты, — насмешливо покосился на меня профессор, возившийся возле соседнего стола.

— Считаешь, он уже поправился? — Я и сама не сомневалась, что если не «уже», то как минимум «почти», но лишний раз услышать это от Стевича было приятно.

— Май своей счастливой физиономией освещает коридоры, я имел удовольствие убедиться в этом утром, — отозвался Горан. — Плюс к тому он пригласил тебя в свою «нору» и оставил там без присмотра. Этого более чем достаточно, чтобы сделать выводы.

— Ну расскажи хоть, что там у тебя за гениальная идея! Хотя бы вкратце! Попроще, для дураков, на пальцах, — попросила я.

— Дуракам полработы не показывают, — отрезал Стевич. — Вот если все подтвердится, тогда и буду объяснять. На пальцах, — добавил, окинув меня скептическим взглядом.

— Майя, помолчи, пожалуйста, немного, — тихо попросил Небойша.

Я замолчала. Обижено. Потому что... нет, я все понимаю, у него эксперимент, открытие и вообще куча дел, я не в претензии. Но это он меня сюда позвал! Да, я уже догадалась, что Вук переоценил срочность и никто меня тут особенно не ждал, так что претензии стоит предъявлять скорее белокрысому аспиранту, чем его руководителю. Но Стевич мог хоть немного повежливее разговаривать, а?!

Нет, все-таки до чего Май милый, а... Он не ругается на меня даже тогда, когда имеет полное право!

Дождавшись окончания процедуры и кивком поблагодарив смущенного и виноватого — за всех троих — Небойшу, который подал мне руку и помог слезть со стола, я задумчиво огляделась. Хотелось сделать напоследок какую-нибудь мелкую мстительную пакость, но, как назло, ничего не приходило в голову — шарик я и так уже выпросила, красть реактивы себе дороже, ломать тут что-то — тем более.

Так и ушла неотмщенная, демонстративно попрощавшись только с рыжим аспирантом. И ведь даже Маю не пожалуешься! Расстроится, что мы поцапались: Горан все-таки его друг, и друг хороший. Вредный, конечно, но это не повод портить любимому мужчине настроение.

Однако пока вместе с шариком дошла до общежития, смягчилась и сердиться на Стевича перестала. Небольшой осадок остался, но на уровне «пересолить ему при случае кашу». В конце концов, ничего такого уж плохого он не сделал, подумаешь, порычал немного! Можно простить талантливому ученому некоторую эксцентричность и неуживчивость.

В комнате я, с ногами устроившись в кресле, сразу вгрызлась в «Основы магии», а точнее, во вторую их часть, посвященную практике.

Все оказалось очень сложно понять, но при наличии фантазии довольно просто воспроизвести. Для простейшего воздействия — такого, с помощью которого управляли готовыми приборами вроде моего шарика, — достаточно было представить свет нужного цвета на кончиках пальцев. Звучало немного абсурдно, но действительно работало: проткнуть пальцем уник у меня вышло через пару минут. Правда, выходило не каждый раз — то ли я какой-то не тот оттенок представляла, то ли дело заключалось в ограничениях, заложенных в самом материале, вроде необходимости паузы между воздействиями, не знаю. Но это не помешало гордиться собой: потихоньку становлюсь полноценным членом общества.

Наигравшись с шариком, я оставила его висеть в ловушке между моими ногами, животом и локтями, а сама занялась тренировкой восприятия.

Если верить «Основам», опытные специалисты видели цвета и узоры без всякого напряжения, рефлекторно, и не глазами, а «внутренним взглядом». Но новичкам вроде меня рекомендовали не замахиваться сразу на открытие магического зрения, а идти к этому через зрение обыкновенное. Спорить с составителями учебника было глупо, поэтому я выбрала из предложенных упражнений самое понятное и опять принялась эксплуатировать шарик.

Согласно методике надо было выбрать точку на поверхности предмета, сосредоточить на ней взгляд, а потом постараться проникнуть взглядом вглубь предмета, представить, как материал расступается, раздвинуть в воображении какие-то видимые дефекты поверхности и растянуть их на весь предмет, как бы стащить с него тонкую прозрачную пленку.

Тут я никаких успехов не достигла, но не особо расстроилась: подозреваю, прозрачный и почти идеально гладкий шар — не лучший объект для таких тренировок, да и не факт, что магию в унике вообще можно разглядеть дилетанту. Вернется Май, попрошу у него пособие попроще. Потом я сообразила, что до сих пор не пообедала, и помчалась искать столовую. Что-то подсказывало, что заведение это не круглосуточное и к пяти часам — с ума сойти, как быстро время пробежало! — оно имело все шансы закрыться.

Успела я буквально в последний момент, рабочий день уже заканчивался, поэтому пришлось довольствоваться пирожками с разной начинкой и их же на всякий случай припасти для Мая. Вряд ли он в течение дня найдет время спокойно поесть. Не могу сказать, что именно о таком обеде мечтала всю жизнь, тем более что выпечка была холодной и не особо вкусной, но я стоптала свою долю еще по дороге.

Вернувшись же, заметила, что за время моего самообучения и вылазки за пирожками успел проскользнуть в свою комнату загадочный сосед. Заметила потому, что он попутно насвинячил в гостиной: в раковине возникла грязная посуда, на полу — следы обуви и чего-то липкого. Хоть опять берись за тряпку, но мне уже было лень.

Однако это наглядно демонстрировало, насколько Май

на самом деле

терпеливый. Мне уже хотелось придушить этот генератор мусора, хотя я его еще ни разу не видела, а Недич безропотно прожил с ним на одной территории полгода! Все мои мелкие шалости в сравнении с этим и правда меркли.

Когда бессмысленно паяльаться в стеклянный шар надоело — уж очень глупо я себя начала чувствовать, — отложила упражнения на потом и вернулась к теории. Не магии, а человеческих отношений. Нет, любовных романов в библиотеке Недича не нашлось, а вот учебник обществоведения — вполне.

Над ним я и заснула в кресле, а очнулась только тогда, когда хозяин комнаты не просто вернулся, а попытался аккуратно меня из этого самого кресла вынуть.

— Доброе утро, — улыбнулась Маю, подхватившему меня на руки вместе с оставшейся на коленях книжкой и шариком.

— Ну вот, а я старался тебя не разбудить, — хмыкнул в ответ мужчина. — Только пока еще не утро, время к полуночи.

— Ой, а что ты такой холодный? И мокрый?! — ужаснулась я, когда обхватила Недича за плечи.

— Так там дождь не прекращается...

— Ну-ка быстро ставь меня на место, а сам бегом в горячий душ! А я тебе пока чаю заварю, — всполошилась и засуетилась я. — То есть я, конечно, совсем не против, чтобы ты таскал меня на руках, но давай без риска для здоровья, хорошо?

Недич аккуратно поставил меня на пол, помог поймать книжку и сувенир от Стевича, насмешливо хмыкнув при виде летучего шарика. Но проговорил со вздохом:

— Чай и душ хорошо, но, боюсь, я после них точно не заставлю себя сесть за руль и протащиться через полгорода...

— А зачем нам тащиться через полгорода? Или посторонних баб в общежитие водить нельзя? — выдала единственную пришедшую в голову версию.

— Преподавателям можно, — поморщился Май. Кажется, ему в этом контексте не понравилось слово «баба». — А ты не против того, чтобы переночевать тут?

— Конечно нет. Здесь очень мило и уютно, и — не обижайся — мне нравится здесь гораздо больше, чем в той большой квартире. Вдвоем, конечно, долго жить в одной комнате было бы неудобно, да и сосед твой в таком случае рискует здоровьем. Но перекантоваться ночь — идеальные условия! Май, давай мы обсудим это позже, ладно? У меня такое ощущение, что ты уже заболел: нос красный, глаза красные, лицо бледное... Иди грейся, а?

— Да замерз и устал просто, не простужусь, — попытался успокоить меня Май, но, конечно, без толку.

Пока он плескался в душе, я согрела чай и пирожки на сковородке. Теплые они, кстати, начали пахнуть гораздо заманчивей.

— Ты что, и приготовить что-то успела? — удивился Недич, явившийся на запах. В свежей одежде, опять застегнутый на все пуговицы и с собранными в хвост волосами.

Все-таки привычка — вторая натура... Так его крепко воспитали, что фиг испортишь. А я, между прочим, стараюсь!

— Нет, увы. Я бы приготовила, но продуктов не нашла. А те, что нашла... В общем, лучше бы не находила. Не уверена, что они пригодны к употреблению. Эти пирожки из столовой. Я подумала, что ты вернешься голодный, поэтому подготовилась.

— Тебя точно боги послали, — уверенно заявил Недич, коротко поцеловал меня и сосредоточился на еде. Одарив при этом настолько благодарным и выразительно-теплым взглядом, что я растаяла и буквально растеклась по столу, устроив подбородок на сложенных ладонях.

Нет, ну до чего Май все-таки милый, а!

И как приятно делать ему приятно, хотя бы вот в таких мелочах, если не получается пока ни в чем серьезном. С другой стороны, что может быть серьезнее множества мелочей?

— Слушай, а Стевич всегда такой вредный? — любопытствовала я.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил мужчина.

— Да я сегодня пыталась расспросить, как продвигаются его исследования, а он только рычал и огрызался. И вообще у меня сложилось впечатление, что это именно я его заставляла со мной возиться, а не его собственный научный интерес.

— Вот как? — Май задумчиво вскинул брови. — Интересно, что он нашел...

— А теперь что
ты
имеешь в виду?

— Горан такой, когда чем-то очень увлечен. Ну, можно сказать, пошла мысль. Тогда он очень агрессивно реагирует на любые вопросы и попытки вывести на разговор. Искренне сочувствую его студентам и аспирантам: в такие моменты он становится просто невыносим. Спасибо за предупреждение, теперь буду знать, что в ближайшее время его лучше не трогать.

— То есть можно не надеяться узнать, что он выяснил?

— Нет, почему? Он непременно расскажет. Но потом, когда все сформулирует, подтвердит и докажет — хотя бы самому себе. Горан в этом отношении вполне предсказуем: он любит похвастаться результатами работы, когда эти результаты есть. И, уж конечно, не упустит возможности просветить нас с тобой.

— Скорее бы он уже разобрался, а то меня любопытство замучает...

— Если рычит — значит, дело движется, — заверил Май, и на этом обсуждение свернули. Тем более что поздний ужин закончился, пришла пора ложиться спать.

Как я и предполагала, на узкой кровати мы разместились более чем уютно. Опять же, долго жить так было бы неудобно, а вот провести одну ночь, тесно обнявшись и устроив головы на одной подушке, — занимательный опыт.

Проснулись рано и одновременно. Пока я освежалась в душе, слышала какие-то голоса и подумала, что проявился неуловимый сосед Недича. Однако, когда вышла, Май обнаружился в гостиной один — задумчивый и, как мне показалось, расстроенный. В руках он держал небольшой желтоватый конверт.

— Что случилось? — насторожилась я.

— Что? — Мужчина с рассеянным видом поднял на меня взгляд. — А, это... Майя, как ты относишься к театру?

— К театру? — растерялась я. — Если комедия — то, наверное, положительно, — предположила задумчиво. Помолчала пару секунд и добавила: — Ну или романтическое что-нибудь. Главное, чтобы закончилось хорошо. Ты над билетом в театр сидишь с таким похоронным видом?

— Похоронным? — опешил он. — Нет, что ты. Нет! Извини, я просто задумался и... слегка ошарашен. Нас приглашают в театр сегодня вечером.

— Нас? — выхватила я самое подозрительное.

— Меня это тоже беспокоит, но — да, нас обоих, — кивнул Недич. — Понятия не имею, кто и почему ему доложил... А впрочем, чего удивляться, — поморщился он и раздраженно пробормотал себе под нос, потирая ладонью лоб: — С некоторых пор моя жизнь интересует пугающе большое количество людей.

— Май, объясни толком. Кто тебя пригласил и почему это так тебя озадачило? И почему нельзя просто отказаться?

— Прости. Ты права. В общем, на вечернем спектакле в Историческом театре нас с тобой желает видеть в своей ложе владыка. Как ты понимаешь, это приглашение из разряда тех, которые нельзя проигнорировать, — ответил Недич. — Пойду я тоже умоюсь. Может, проснусь и начну соображать.

И он отправился в душ, оставив меня в смятении.

Было любопытно взглянуть на театр, на представление, на сливки местного общества — я не сомневалась, что именно на вечернем представлении знати должно быть достаточно, — и уж тем более на владыку. Но со стороны! Чтобы я была посетителем зоопарка, а не экспонатом! А во владыческой ложе, да в компании с Маем...

Боги! Может, попросить кого-то подменить меня, а? Например, Радмилу Добрицу. А что, бойкая и энергичная девица. Или, может, нам куда-нибудь сбежать? Эмигрировать в Регидон, например. Или на острова, тоже хорошее место...

— Майя, ты в порядке? — окликнул Недич.

Я сидела на его месте за столом, подпирая ладонью щеку и пялясь в пространство.

— Как тебе сказать... изыскиваю пути отхода, — нервно хмыкнула в ответ.

— Тебе настолько туда не хочется? — напряженно спросил он. Подошел, опустился на корточки, облокотился на мои колени. Заговорил, явно с трудом подбирая слова: — Майя, я понимаю, что тебе...

— Май, прекрати. — Я потянула его за локти и настойчиво подпихнула к соседнему стулу. — И сядь уже нормально, я чувствую себя глупо. Не смотри на меня такими несчастными глазами, я прекрасно понимаю слово «надо». Дай немного пострадать и пожалеть себя, а потом я буду готова к созидательной деятельности. Что ты уж прямо так всерьез все воспринимаешь?

Недич улыбнулся в ответ, потянул меня к себе и устроил на коленях.

— Согласна, так значительно удобнее. В общем, мне, конечно, страшно и не хочется, чтобы на нас глазели больше, чем на представление, но я вполне способна потерпеть это неудобство. Раз

уж угораздило связаться с князем... Ну должен же у тебя быть хоть какой-то недостаток, правда?

— А этот единственный? — со смешком уточнил Май. Обнял покрепче, ласково поцеловал.

— Других я пока не нашла, — призналась честно. — Ой, погоди! А в этот театр, наверное, нужно еще как-то по-особенному одеться? Есть у меня такое смутное ощущение.

— Знаешь, я, похоже, предвидел нечто подобное, потому что вместе с той одеждой, которую ты мерила позавчера, попросил госпожу Рагулович приготовить что-то для выхода, — с легким смущением признался Недич. — Думаю, вчера как раз должны были доставить.

— Ну, тогда я спокойна! — заключила оптимистично. Потом вздохнула, уткнулась лбом в шею Мая. — Кого я обманываю? Нет, не спокойна. Но переживу как-нибудь. А владыка, раз уж заинтересовался нашими отношениями, не велит копать дальше? Сомнительно, что его лояльности хватит на сбежавшего гомункула...

— У твоего лабораторного происхождения есть один существенный плюс, — неубедительно-жизнерадостно возразил тезка. — Ты точно не можешь быть подослана никакими сторонними силами, начиная с Регидона и заканчивая всевозможными внутренними врагами.

— Утешил, — фыркнула я. Однако, против ожидания, от этого замечания действительно стало легче.

— Пойдем завтракать, — наконец решил мужчина. — А то не успеем, через полчаса уже надо быть в кабинете.

Пришлось спешно собирать себя в кулак, стаскивать с нагретого места и выталкивать в коридор. Благо причесаться я успела сразу, еще когда умывалась. Очень удобно, когда у мужчины длинные волосы: у него в хозяйстве есть хорошая, пригодная к использованию расческа.

В ожидании вечера половина дня прошла нервно, тревожно и, наконец-то, бесплодно. Маяю хорошо, его студенты развлекали, а у меня все валилось из рук, напечатанные в книгах буквы не желали складываться в слова, и в голове толкались пустые предположения и видения грядущих катастроф. К вечеру я уже точно знала, что платье окажется не готово, я опозорюсь, наговорю глупостей и гадостей владыке, и меня непременно посадят в тюрьму. Наверняка выяснится, что на меня уже собрали досье и владыка в курсе, что я вдруг возникла из ниоткуда, поэтому в тюрьме меня будет ждать допрос с пристрастием. Только так и никак иначе, потому что мне наверняка не поверят, что я гомункул, и...

В общем, хорошо, что эти мучения в конце концов прекратились и мы с Маем уехали из Зоринки. Я честно старалась не очень трястись и не демонстрировать Недичу всего богатства собственной фантазии, порождающей ужасы разной степени достоверности, но не уверена, что это хорошо получалось. Во всяком случае, косился на меня князь с беспокойством, но хотя бы молчал и не предлагал других вариантов.

Умом я понимала, что большинство этих фантазий — именно фантазии, не имеющие под собой никакого основания. Подозревай меня владыка в чем-то дурном, не звал бы в театр в компании князя, а давно бы уже упаковал в кандалы и увез в темную-темную и очень сырую камеру. Но ехать все равно не хотелось.

Немного отвлек и успокоил обед в уютном ресторанчике. Потом Май зачем-то завернул в банк, и я, дожидаясь его в машине в одиночестве, опять извелась и изнервничалась. Потом мы все-таки добрались домой, и, чтобы чем-то заняться, я отправилась варить кофе. А закончив, неожиданно обнаружила, что — перегорела. Паника схлынула, оставив после себя усталость и легкий мандраж. Да, мне по-прежнему совсем не хотелось ехать в театр, но уже не от страха, а от желания провести вечер в кровати и под одеялом.

В тот момент, когда я разливала кофе по кружкам, в кухню вошел Май с плоской коробкой в руках.

— Я был прав, — сообщил он. — Платье действительно вчера передали. Примеришь?

— Давай сначала кофе выпьем, — махнула я рукой. — Кажется, меня наконец-то отпустило.

— Хвала богам, а то я уже и не знал, что предпринять.

— Да есть один способ, — с предвкушением протянула я, отнимая у мужчины коробку, чтобы положить ее на дальний конец стола. — Рассказать не расскажу, но могу показать... — предложила и принялась не спеша расстегивать его ремень и китель. — Хочешь?

— Звучит заманчиво, — ответил Май, привлекая меня ближе. Ладонь его с мягким нажимом скользнула по спине вдоль позвоночника и ряда мелких пуговичек, а от взгляда мужчины сделалось горячо и сладко.

Конечно, кофе, забытый на столе, безнадежно остыл. И, конечно, метод оказался очень действенным — вскоре мы оба и думать забыли о владыке и прочих мелких житейских неурядицах. Ну в самом деле, как можно думать о подобной ерунде, когда тебя так целуют?

О том, что куда-то нужно ехать, мы всерьез задумались значительно позже. Когда, расслабленные и довольные жизнью, выбрались из душа и помогали — или мешали, как посмотреть — друг другу вытираться. Оказалось, до часа «Ч» осталось всего ничего, и Маю пришлось познакомить меня с еще одним местным изобретением — сушилкой для волос, представлявшей собой удобную рукоять, к которой крепилось полуметровое кольцо из голубоватого стекла, обвитого проволокой, позеленевшей не то от времени, не то по изначальному замыслу создателя. Для применения оказалось достаточно пару раз протянуть через нее волосы. Ощущение было странным, как будто кольцо наполнено упругим вязким желе. Очень мне понравился этот приборчик, но Май быстро вернул меня с небес на землю: этой штукой ни в коем случае нельзя злоупотреблять, а то можно не только без волос остаться, но в особо тяжелых случаях — и без мозгов.

Хорошо, что Недич рассказал мне об этом после сушки.

После действенной терапии страх и паника перед встречей с владыкой уступили место волнению и предвкушению, и под насмешливым взглядом Мая на кухню за платьем я убежала едва ли не вприпрыжку: снедало любопытство. То есть во вкусе князя (или талантах госпожи Рагулович?) я не сомневалась, но интересно же посмотреть!

Наряд, к которому прилагались и соответствующее белье, и туфли, и даже невесомый полупрозрачный широкий шелковый палантин, оказался чудесным. Изумрудно-зеленая искристая ткань ласкала кожу, безупречно простой и изящный покрой радовал глаз: закрытое спереди, под горло, с открытыми плечами и спиной, со струящейся длинной юбкой, оно село изумительно. Стоило его надеть, и я самой себе, несмотря на растрепанные волосы, показалась в зеркале особой гораздо более... породистой, что ли? Плечи тут же расправились, подбородок задрался так, словно принадлежал какой-то потомственной аристократке.

— Ну как? — спросила молчащего Мая, крутанувшись на месте.

— Выглядишь божественно. На тебя совершенно точно будут глазеть все, — вздохнул Недич, стараясь скрыть недовольство, и подошел к креслу, в котором лежал его портфель. Ревнует, точно ревнует! Нет, ну до чего же он милый!.. — Я плохо разбираюсь во всяких женских штучках и уж тем более — украшениях, поэтому... Вот, прихватил все, что попало под руку, — добавил он и выставил на комод плоский металлический ящичек. Открыл.

— Это обязательно? — ошарашенно уточнила я, разглядывая сверкающее и рассыпающее маленькие радуги содержимое коробки. И на всякий случай уже привычно сцепила руки за спиной, чтобы не хвататься за экспонаты.

— Боюсь, да, — пожал плечами Недич. — Не то чтобы обязательно, но очень желательно. Подтверждение статуса и все такое. Что-то вроде знаков различия на парадной форме.

— Исчерпывающее объяснение, — хмыкнула я. — Мы за этим в банк ездили?

— Да. Даже с учетом любви матери к приемам фамильные драгоценности она надевала довольно редко, по особым случаям, и они, сколько я себя помню, всегда хранились в том же банке. Это гораздо проще, чем городить дома серьезный сейф. В особняке сейф, конечно, есть, там лежат ее повседневные вещи не худшего исполнения, но тут самая большая ценность не в камнях, а в их истории, да и магия какая-то имеется. В общем, полностью полагаюсь на твой вкус, я здесь не советчик. Пойду пока тоже переоденусь, — нехотя добавил он.

Я только вздохнула. В отличие от Мая, я вот так уверенно на собственный вкус положиться не могла, больше того, совершенно ему не доверяла. Но надо — значит надо.

Вообще я, конечно, кокетничала. Пощупать такие шедевры ювелирного искусства, примерить и даже покрасоваться в них все-таки хотелось. То есть, конечно, «ах, как это неловко, и я недостойна», но красиво же! А тут еще буквально в ультимативной форме велют непременно что-то надеть, и это такой чудесный повод заткнуть голоса скромности и совести!

Еще раз, окинув пристальным взглядом собственное отражение, я пришла к выводу, что все украшения на шею можно отметить сразу — ткань и так блестящая, куда уж больше. А вот эти гребни с изумрудами очень кстати. Сережки бы еще, но не прокалывать же уши прямо сейчас... Тогда вот еще браслетик симпатичный. И... Нет, все. Надо призвать внутреннюю сороку к порядку, потому что «много и блестит» — это совсем не синоним «красиво».

Пока я колдовала над собственной прической, Май тоже переоделся. Видеть его в белой рубашке было странно, но, на мой взгляд, она подходила ему гораздо лучше — отлично сочеталась со смуглой кожей. Поверх полагался темно-зеленый жилет с благородным темным серебром и черный пиджак. Я помогла Недичу застегнуть запонки (тоже, кстати, с изумрудами), он мне — браслет.

— Чтoб мне посереть, а мы — красивая пара! — восхищенно присвистнула я, разглядывая наше отражение. — А ты специально, что ли, зеленое платье заказал?

— Я полностью положился на госпожу Рагулович, — задумчиво пожал плечами Май. — Но вообще зеленый и красный — геральдические цвета Недичей. Не удивлюсь, если она это учла. Май задумчиво положил ладонь мне на талию, почти привычным жестом провел кончиками пальцев вдоль позвоночника — и я поперхнулась воздухом, напрочь забыв, что вообще хотела сказать и хотела ли. От этого прикосновения по коже буквально прокатился электрический разряд от макушки до живота и осел там сладко тянущим чувством возбуждения. Без надежного барьера хоть какой-то ткани ощущение твердых, горячих пальцев мужчины на коже оказалось очень... острым.

— Ты чего? — растерялся Май, повернул меня к себе.

— А? Я? — С трудом собравшись с мыслями, я оторвала взгляд от губ мужчины и встряхнулась. — Не надо так делать при посторонних, ладно? — попросила рассеянно, неопределенно дернув головой. — А впрочем... Мне тогда точно будет не до владыки, так что — делай, если уверен, что он не обидится.

— Не делать так? — вопросительно вскинув брови, Май снова огладил мою обнаженную спину, на этот раз обеими ладонями. Готова поклясться, он прекрасно все понял и лукавые искорки в синей глубине глаз мне не почудились. Вместо ответа я бесцеремонно ухватила мужчину за галстук и дернула к себе.

Поцелуй вышел долгим и жадным. Только ответственный Недич не позволил нам обоим забытья и, когда я взялась за пуговицы его пиджака, аккуратно перехватил мои пальцы и чуть отстранился.

— Я тебя понял, — тихо, чуть севшим голосом, заверил он, обхватил одной ладонью мое лицо и большим пальцем невесомо погладил нижнюю губу. — Владыка Тихомир — терпимый человек достаточно широких взглядов, но не хочется выяснять пределы его лояльности опытным путем. Недич разжал руки, отступил на полшага, и я глубоко вздохнула, пытаясь призвать к порядку эмоции и желания. Вернулась к коробке, набросила палантин на плечи, символически прикрывая излишки открытой кожи, — и, обернувшись, вновь угодила в объятия вдруг ставшего очень серьезным и сосредоточенным Мая.

— Случилось что-то еще? — сразу насторожилась я.

— Не прямо сейчас, — поморщился он. — Я собирался сделать все иначе и при других обстоятельствах, но, видимо, это судьба, чтобы все у нас с тобой происходило совсем не так, как положено, и вообще через пень-колоду... погоди, не спорь, дай мне договорить, ладно? — Он чуть повысил голос, не давая мне высказаться. А потом глубоко, медленно вдохнул, чуть прикрыв глаза, и продолжил, глядя внимательно, напряженно, строго: — Я люблю тебя. Если не с первой минуты знакомства, то уж с первого утра — точно. Не сразу это понял, не сразу разобрался в собственных чувствах, не сразу поверил в их существование... Не важно. Главное, сейчас я абсолютно уверен во всем. Особенно в том, что второго такого шанса боги мне не дадут, поэтому... — снова вздохнул и, преклонив колено, закончил, продолжая удерживать

одной рукой кончики моих пальцев: — Я прошу тебя оказать мне честь и согласиться стать моей женой.

Потом, словно только теперь вспомнив о нем, протянул на раскрытой ладони широкий, на вид очень старый браслет. Тяжелый, серебряный, с чеканным узором. Я уставилась на него растерянно, шумно сглотнула вязкую слюну — и тоже глубоко вздохнула, ощущая, что сердце взволнованно колотится где-то в горле.

После всего произошедшего и оговорок Мая в кабинете на верфи сложно было назвать этот жест и этот поступок такими уж неожиданными, но... оказывается, к этому невозможно морально подготовиться.

Я снова прерывисто вздохнула и сообразила, что Май до сих пор терпеливо стоит на колене и ему наверняка неудобно, а мне же надо что-то ответить... А что?

Тьфу! Да как будто есть варианты, в самом деле!

— Я тоже тебя люблю, — выдавила севшим голосом. Откашлялась, пытаюсь взять себя в руки. — Конечно, я согласна! Я же...

Но слушать, что я еще наговорю под влиянием момента, Май не стал. Коснулся губами моей ладони и, не расстегивая, надел браслет на левую руку — наверное, тут тоже работала магия, вроде как в шаре из уника. Только после этого мужчина наконец поднялся, еще раз меня поцеловал, и я с облегчением почувствовала, как схлынули сковывавшие нас обоих напряжение и неловкость.

Все же странный ритуал. Мне кажется, нам обоим было бы спокойней, если бы разговор этот происходил... ну не знаю, в постели. Или хотя бы на диване, чтобы мы уютно сидели рядом без вот этих вот коленопреклонений.

Наверное, снова сказывалась разница в воспитании, мировоззрении и сценарии развития отношений. Мы-то успели стремительно сблизиться в нарушение протокола, а по правилам аристократических ухаживаний, наверное, все это должно было происходить где-то после первого робкого поцелуя в щечку. Ну ладно, в губы. Но очень целомудренного! Главное, тогда, когда молодые люди чувствуют себя наедине гораздо более неуверенно, чем в компании.

— А он не снимается, да? — запоздало уточнила я, теребя тяжелый браслет, когда мы ехали в лифте.

— Только после свадьбы, — нарочито зловещим тоном ответил Май. Потом усмехнулся и добавил уже спокойно: — Снимается, конечно. Я тебе после театра покажу, как именно.

— Ага. После театра, — повторила я. — То есть тот факт, что он не подходит к платью и ты не можешь этого не понимать, а также твоё нежелание спешить меркнут в сравнении с необходимостью продемонстрировать его владыке. Почему тебя так тревожит эта встреча? Это ведь не просто нежелание показываться в обществе, да?

— Само собой, — со слабой улыбкой похвалил Недич, поощрительно поцеловав меня в висок. — Во-первых, я разделяю опасения, что владыка непременно заинтересуется твоим происхождением. Конечно, приглашение в театр значит, что с тобой хотят познакомиться в возможно более неформальной обстановке, и, скорее всего, владыкой руководит в первую очередь любопытство. Но этот браслет, скажем так, обозначает серьезность моего к тебе отношения. С ним тебе гарантированно никто не станет предъявлять голословные обвинения и выдвигать сомнительные предположения.

— А во-вторых? — подбодрила я, когда мы устроились в салоне великолепного вороного монстра. — Ты сказал, что, во-первых, разделяешь опасения. А во-вторых?

— Во-вторых, я не желаю, чтобы кто-то даже в мыслях смел считать тебя содержанкой или чем-то вроде того, — поморщился Недич. И тут же продолжил, не дав мне развить эту тему: — Есть еще в-третьих. И, мне кажется, это главное, только не обижайся. Ты невероятно хороша, на тебя неизбежно будут глазеть, а эта штука дает мне полное право не подпускать к тебе посторонних мужчин. — Он смущенно хмыкнул. — Честно признаться, я и сам не ожидал, что в глубине души настолько ревнив.

— Да уж на что тут обижаться, — весело отозвалась я. — Наоборот, я бы с удовольствием на тебя такой же нацепила. Там нет второго в комплекте?

— Есть. И я надеюсь, что ты его мне наденешь. — Май улыбнулся уголками губ, искоса глянув на меня, и пояснил: — Это заключительная часть свадебного обряда.

— Ага, — задумчиво кивнула я. Смерила его взглядом. — Так, может, мы прямо по дороге и заедем?

— Мне нравится твой энтузиазм, — рассмеялся Недич. — Но не все так просто. Во-первых, мы банально не успели бы, а во-вторых, увы, для этого необходимо разрешение владыки. Формальность, но без нее не обойтись.

ГЛАВА 10

Королевская милость уступает в надежности опале

Центр столицы отличался тишиной и каким-то особенным уютом — утопающие в зелени особняки старейших родов, среди которых, как я полагала, затесался и дом Недичей. Впрочем, знакомиться с этим строением совсем не хотелось: если мне «холостяцкая квартира» Мая казалась музеем даже теперь, после того как я там некоторое время пожила, то фамильное гнездо тем более оставит неизгладимое впечатление. Еще начну с перепуга тезке выкатать, зачем нам с ним такие развлечения?

В центре города стоял и дворец владыки — здание на удивление скромных размеров, обнимающее крыльями Большую площадь с роскошными фонтанами в живописном сквере посередине. За дворцом раскинулся парк, где днем могли гулять простые горожане, а вечерами — гости проводящихся тут порой празднеств и торжеств.

Напротив, через площадь, располагались присутственные места — здание Государственной канцелярии и Палата голосов — постоянное представительство всех провинций, занимающая бывший Посольский дворец. На Большой площади брали начало три главные городские улицы, важнейшей из которых считался зеленый Исторический проспект. Он пересекал Зоряну безукоризненно прямой линией и за пределами столицы превращался в Главный тракт, ведущий вглубь материка, в сторону основных земель Ольбада. Тот самый, по которому мы недавно ездили на верфь.

Исторический театр размещался на одноименном проспекте сразу за площадью, что давало представление о статусе этого места.

У парадного входа царило оживление. На подъездной дороге образовался небольшой затор: подъезжали, выпускали пассажиров и уезжали автомобили, чтобы скрыться за поворотом — очевидно, где-то позади театра располагалась стоянка. Многие приходили пешком, и я не поручилась бы, что это определялось недостатком: при параде были все, а оценивать на глаз стоимость нарядов я не умела. Большинство прибывающих скрывалось за высокими деревянными дверями, кто-то — оставался на ступеньках, чтобы подождать спутников.

— Готова? — тихо спросил Май, с тревогой поглядывая на меня, когда великолепный вороной монстр был уже близок к финишу.

— Если я скажу нет, это что-то изменит? — нервно хмыкнула в ответ. — Да ладно, переживу. Не съедят же они меня!

В этот момент автомобиль остановился, и лакей — весь в белом, от сапог до цилиндра — проворно открыл дверцу и протянул руку. Быстро сориентировался, даже не подошел к задней дверце. Я же, в отличие от него, на мгновение замешкалась, потому что принимать чью-то помощь, кроме помощи Мая, не привыкла. Но все же уцепилась за узкую ладонь в белой перчатке.

А потом едва подавила порыв отпрянуть, плюхнуться обратно на сиденье и запереться в салоне авто: меня ослепили фотовспышки. Это было настолько неожиданно и неправильно, настолько не могло происходить со мной, что я замерла, растерянно хлопая глазами. И неизвестно, сколько бы простояла, если бы Май не подхватил меня под локоть и не потянул к дверям — мягко, но настойчиво. Сам он сохранял невозмутимость, и, похоже, не только внешнюю.

— А почему они только нас фотографируют? — спросила я напряженно через пару шагов.

— Не только, но мы — из интересных персонажей, — насмешливо отозвался Недич.

Яркие вспышки все еще раздражали, но первый шок прошел, а еще через пару секунд ко мне вернулась способность здраво мыслить. Сразу возник вопрос:

— Май, а почему они фотографируют издали, ничего не спрашивают и не пытаются задержать? Я ни охраны, ни каких-либо ограждений не заметила.

— А почему должны? — озадаченно уставился на меня Май. — Они же не стражи, как они могут задержать?

— Ну... не знаю. Заступить дорогу, чтобы задать какие-то свои вопросы.

— Потому что дорожат своей работой и свободой, — чуть поморщился он. — Это уже будет вмешательство в частную жизнь, подсудное дело. Иногда появляются особенно ретивые журналисты, но их довольно быстро призывают к порядку хозяева и коллеги.

— Надо же, как строго, — с изумлением похвалила я. — Мне казалось, что они должны вести себя более нагло... Наверное, тоже какой-то привет из прошлой жизни. А почему они фотографируют только тут? Не проще было бы отловить тебя где-то возле Зоринки или даже в ней?

— Во-первых, я уже говорил, что в Зоринку не так-то просто попасть постороннему человеку. А во-вторых, по той же причине: можно фотографировать в общественных местах, а следить и ловить возле дома — незаконно. Владыка очень щепетилен и строг в этом вопросе, и подобные дела никогда не спускаются на тормозах.

— Это приятно, — задумчиво кивнула я. — А как же сюда вписываются обвинения в твой адрес?

— Ну... из любого правила есть исключения, — философски заметил тезка. — Когда человек в опале, найдется много желающих его безнаказанно пнуть, а владыка тогда злился на меня. Все мы порой подвержены эмоциям, даже те, кому это по статусу не положено. Они с отцом были если не друзьями, то верными соратниками, и смерть князя очень рассердила владыку.

— Май, ты ли это?! — окликнул нас уже в фойе красивый, звучный мужской голос. — Давно тебя не было видно!

— А вот тут, увы, стража не поможет, — едва слышно шепнул Недич, на мгновение недовольно скривился, но обернулся с невозмутимым лицом.

В просторном холле с огромными белыми колоннами и высокими потолками тоже было достаточнолюдно. Гудели голоса, сверкали наряды, глаза и драгоценности — пестрая светская жизнь кипела и бурлила. К счастью, главное мое опасение не оправдалось: никакого особенного интереса наша пара не вызвала. Поглядывали с любопытством, но и только.

Подошедший к нам мужчина оказался сногсшибательно красив. Настолько, что его фотографию без труда можно было представить под подушкой юной трепетной девицы из хорошей семьи, а рядом с ним воображение так и рисовало стайку восторженных поклонниц. Высокий и статный жгучий брюнет с ярко-зелеными выразительными глазами, белозубой улыбкой, совершенными чертами лица и волнистыми волосами, пребывающими в идеальном беспорядке.

— Почему ты не сказал, что планируешь прийти, да еще и с дамой? — продолжил незнакомец своим хорошо поставленным баритоном, окинув меня заинтересованным взглядом.

Я вместо ответа только крепче вцепилась в Майю. Все же до чего тезка замечательный в своей «настоящести»! Тоже вроде бы красивый и обаятельный мужчина, но... нет ощущения, что ты лобуешься на произведение искусства в музее. Кошмар, как этот незнакомец живет с такой внешностью?!

— Это было спонтанное решение, — ровно ответил Недич. — Майя, познакомься, это Добрило Чичич, мой зять, один из ведущих актеров Исторического театра. Дор, это Майя, моя невеста.

— Приятно познакомиться, — проявила я вежливость, уже с куда большим интересом разглядывая мужчину. Только интересом не женским, а скорее гастрономическим: так вот он какой, еще один подозреваемый и муж стервозной Маевой сестрицы!

— Польщен и очарован. — Добрило галантно склонился, чтобы поцеловать мне руку, попутно стреляя глазами.

Интересно, это профессиональная привычка или он просто бабник? Может, Любица потому такая психованная, что муж гуляет?

— Разрешите пригласить вас в антракте за кулисы, я бы с удовольствием проводил и все тут показал, — продолжил Добрило. — Май в театре редкий гость и ужасно не любопытен, может, хоть с вами пройдет и посмотрит, как тут все устроено?

— Спасибо за предложение, — осторожно ответила ему, вежливо улыбаясь. — Если будет возможность, мы непременно им воспользуемся.

От продолжения разговора нас избавили два события: звонок — как я поняла, первый — и появление еще одного белого лакея.

— Ваша светлость, позвольте вас проводить, — склонился лакей.

Чичич, бросив на него задумчивый взгляд, поспешил сослаться на необходимость подготовки и удрать.

Избавитель, к моей тихой радости, не повел нас к парадной лестнице через подвижную гудящую толпу. Он шагнул к стене и отодвинул тяжелую бордовую портьеру, за которой обнаружился черный ход — скромная и достаточно узкая лестница, чистая, пустая и тихая. Опустившаяся за нашими спинами занавесь превосходно скрадывала звуки, и я не удержала шумного вздоха облегчения. То ли просто не привыкла к людским скоплениям, то ли еще не до конца вылечилась, но в ослепительно-ярком, зеркально-золоченом фойе среди людского моря меня потряхивало от напряжения, а тут — ничего, отпустило. Хотя, конечно, там было очень красиво, и я с удовольствием осмотрелась бы в тишине.

— Как тебе Чичич? — спросил Май, пока мы поднимались за чинным до царственности лакеем.

— Ну... он как минимум вежливый и отнюдь не дурак, — заметила я. — Хотя, если он хороший актер, не удивительно, что способен изобразить дружелюбие, даже если искренне желает свернуть собеседнику шею. Но мне все равно сложно поверить, что главный злодей именно он.

— Насколько понимаю, его сокрушительное обаяние на тебя не подействовало, — заметил Недич. — Тогда почему он не кажется тебе подозрительным?

— Сложно поверить, что актер может быть настолько

великолепным интриганом. То есть нет, не так. Интриганом он может быть любым, просто странно, что честолюбивый человек с умом изощренного, тонкого манипулятора, хладнокровного убийцы и очень талантливого тактика выбрал для себя профессию актера. Может, я не права, но в моем представлении актерская публичность, жажда признания и внимания с чертами злодея совсем не сочетаются.

— Любопытная версия, — заметил Май рассеянно.

— Меня больше интересует, почему к тебе пристал только он. Я боялась, что от любопытных отбоя не будет! Ладно, репортеры, но всякие великосветские бездельники?

— А тут все просто, — хмыкнул Недич. — Я мало с кем знаком лично: до аварии я был им неинтересен, а мне не хотелось тратить время на светские развлечения. Поэтому большинство попросту не знает меня в лицо, а тем, кто узнал, подойти или окликнуть не позволяет этикет, — пояснил Май.

— Я начинаю любить этот ваш этикет, — пробормотала себе под нос.

На этом пришлось сворачивать разговор: мы миновали короткий тихий коридор с висящими на стенах портретами и фотографиями незнакомых людей, и лакей с поклоном открыл перед нами еще одну дверь.

За ней оказалась небольшая уютная гостиная. Четыре вычурных кресла стояли широким полукругом у низкого столика, заполненного разнообразными закусками на изящных тарелочках. Кресла были развернуты к тяжелой гардине, отделявшей ложу, конечно если это она, от остального зрительного зала. Напротив той боковой двери, через которую мы прошли, виднелась еще одна такая же, а напротив портьеры — широкая, двустворчатая, похожая на парадную.

Два кресла оказались заняты. В дальнем сидел, покачивая в ладони пузатый бокал, отлично сохранившийся мужчина неопределенного возраста «за пятьдесят». Правильные, строгие черты лица, несколько смазанные и размытые временем, недлинные темные волосы, едва тронутые сединой. Морщины легли на смуглую кожу высокохудожественно, придав обаяния и какой-то одухотворенной мудрости, словно перед нами сидел мудрейший жрец великого бога. Глаза — карие, внимательные, смотрели пронзительно и цепко, давая понять, что если жрец и мудрый,

то бог его — совсем не добрый. Хотя, возможно, справедливый: никакие явственные пороки по его лицу не читались. Впрочем, что я знаю о местной косметике и возможностях магии? Дама, делившая ложу (ой, как двусмысленно звучит!) с владыкой, а это наверняка был он, вполне подходила своему спутнику. Примерно того же возраста, все еще красивая — очень величественно красивая. Закрытое длинное платье глубокого синего цвета очерчивало отличную фигуру, ряды крупного жемчуга обнимали стройную шею, подчеркивая безупречную осанку и горделивую посадку головы. Забранные в высокую прическу волосы насыщенного шоколадного цвета лежали идеально, их время пощадило, не поспешив покрывать серебром. Глядя на эту даму, я сама невольно расправила плечи.

— Добрый вечер, владыка, владычица, — дважды поклонился Май.

Опомнившись, я изобразила нечто неловко-приветственное с приседанием и поклоном, мысленно отругав себя за непредусмотрительность. Чем паниковать попусту, могла бы хоть спросить, как положено здороваться с правителем!

Но либо получилось у меня не настолько криво, как представлялось, либо, что вероятнее, присутствующие оказались слишком тактичны, чтобы заострять внимание на таких мелочах.

— Здравствуй, князь, — кивнул Тихомир... Пятый, кажется?

— Она действительно очаровательна и экзотична, — заметила его супруга, с интересом разглядывая меня. Враждебности или пренебрежения в прямом спокойном взгляде не было, обыкновенное любопытство, и это обнадеживало.

— Да, что это я... Представь нам свою даму.

Дальше около минуты ушло на расшаркивания. Владычицу, как я узнала, звали Айрина. Мое имя вызвало у венценосной четы улыбки, а на вопрос о том, где Май отыскал себе такую необычную и столь подходящую ему невесту, тезке позволили отшутиться дежурным «боги послали». Но я ощутила затылком, что нас взяли на заметку и маленький секрет моего появления на свет скоро перестанет быть секретом — во всяком случае, для этой четы и некоторых их подчиненных. А там уже стоило полагаться на владыческую милость. Надо было предложить Маю сразу во всем сознаться, не дожидаясь карательных мер...

В ответ на просьбу о разрешении на брак владыка тоже, в свою очередь, ограничился отговоркой, что не настроен сегодня обсуждать серьезные вопросы, а желает просто отдохнуть. Меня по повелению владычицы усадили рядом с ней, и дальше разговор вела именно она, а правитель в основном наблюдал, и прочитать по лицу его отношение к происходящему, к Недичу или ко мне не получалось.

Айрина держалась благосклонно, с участием и искренней, но прохладной заботой сердобольной двоюродной тетушки или какой-то другой дальней родственницы. Меня чуть потряхивало от волнения и страха ляпнуть что-то не то, но самообладания, чтобы беспомощно не оглядываться на Мая, хватало. Ежу понятно, что повлиять на владычицу и хоть что-то изменить тезка не в состоянии, так зачем лишний раз показывать ему, насколько мне трудно?

И при чем тут, в самом деле, еж? Ох уж мне эта память, лучше бы чем-то полезным поделилась...

Спасло меня представление. Разговор прервался, когда померк свет и, дрогнув, раздвинулись в стороны отделявшие нас от зала портьеры, а через мгновение подняли занавес на сцене.

Наверное, по желанию владыческой четы здесь могли поставить звукоизоляцию или вообще отложить представление до тех пор, пока правитель посчитает разговор оконченным. Но Айрина милостиво разрешила мне перевести дух и, кажется, с искренним интересом сосредоточилась на театральном действии. Я же в поисках моральной поддержки склонилась, насколько позволяло кресло, к Маю, поймала его руку и переплела пальцы.

— Все хорошо, ты молодец, — едва слышно шепнул тезка, прижался губами к моему виску, погладил ладонь.

Я бы, может, поспорила, но — не сейчас. А пока от поддержки Недича, оттого, что он просто находился рядом, стало легче.

Интересно, а владычица прежде в следственном комитете не служила? Кажется, допрашивала она меня очень профессионально, со знанием дела. Вроде бы никаких провокационных вопросов не задавала, интересовалась как будто только моими впечатлениями от столицы, тактично и вскользь касалась отношений с Маем и вообще вела светскую беседу. Но я чувствовала, что безнадежно тону, и давно уже выболтала все, что знала. Сильнее всего

выбывала почву из-под ног мысль, что я даже толком не могу сказать, где и в чем именно прокололась и что конкретно поняла по моим словам эта необычная женщина.

Как бы я ни надеялась, представление вечно длиться не могло, антракт наступил возмутительно скоро. Но тут я вспомнила, что женщина имеет право на маленькие слабости, и отпросилась «попудрить нос». Увы, далеко для этого идти не пришлось: уборная находилась за второй маленькой дверцей. Тоже музейного вида, с туалетом за роскошной расписной ширмой, с мраморной раковиной, золочеными кранами и огромным зеркалом, но я уже начала потихоньку привыкать к подобным интерьерам. По меньшей мере они перестали повергать в ступор. Соблазн отсидеться до третьего звонка я героически преодолела и вернулась в ложу, где Май держал оборону за нас обоих. За время моего отсутствия диспозиция изменилась: Недича пересадили поближе к венценосной чете. Не думаю, что это была его инициатива, скорее со мной закончили и решили плотнее взяться за самого князя.

Лучше бы мы пошли посмотреть закулисье в компании Чичича. Хоть он подозреваемый в убийстве и нескольких покушениях на Мая, но вопросы его можно игнорировать или прямо отказываться отвечать, а тут приходилось все время быть начеку.

Впрочем, один плюс у владыческого внимания имелся: после спектакля и допроса нас провели через ту же маленькую дверцу и какие-то внутренние коридоры прямо к выходу на стоянку. Оказывается, бояться надо было не внимания толпы, а всего двух человек, после светской беседы с которыми мы с Маем погрузились в авто вымотанные и измочаленные.

— Может, стоило сразу во всем сознаться? — предположила я, когда вороной монстр тронулся с места.

— Может, и стоило, — вздохнул Май. — Только для этого нужно было предупредить Стевича и договориться с ним. Я же обещал хранить в секрете твое происхождение. Но, думаю, возможность пооткровенничать нам предоставят, вряд ли владыка удовлетворился тем, что мы наплели сегодня.

— Угу. Главное, чтобы продолжение разговора состоялось не где-нибудь в пыточных застенках, — проворчала я. — Не удивлюсь, если меня заподозрили в шпионаже и, может, даже причастности к крушению дирижабля...

— Вряд ли все так трагично, — попытался успокоить меня тезка. — Тогда разговор быстро сменился бы допросом.

— А это был не допрос? — удивилась я. — Странно. По-моему, Шешель мучил вопросами меньше, чем владычица. Она, часом, не его коллега?

— Нет, — засмеялся Май. — Она принцесса, дочь наместника Элды, это провинция на востоке. Но очень неординарная женщина, факт. Ходят слухи, что контрразведку курирует именно она, а не владыка.

— И я понимаю почему, — нервно хмыкнула я. — Наверное, владыка такой удаче только рад. — Не думаю, что дело тут в удаче, он очень тщательно подходил к выбору супруги. — Недич пожал плечами. — С другой стороны, и без удачи не обошлось: у них очень теплые отношения, это видно. Редкость для брака по расчету. В любом случае за них и Ольбад можно только порадоваться.

— За них — можно. Но я бы лучше за нас порадовалась в связи с отсутствием интереса владыки, прессы и прочей нечисти.

— Нечисти? — переспросил он растерянно. — Это ведь не про их... немость?

— Ой, ну ты нашел, к чему придраться! — хихикнула я. — Не знаю, но, скорее всего, нет. У меня есть смутная ассоциация, что это нечто зловерное, но почему оно грязное — понятия не имею. Давай лучше поговорим о чем-нибудь другом, не настолько сложном. Ты, например, обещал придумать мне занятие на тот момент, когда я получу документы.

— Я обещал постараться, — педантично поправил Май. — Честно говоря, мне не очень нравится эта идея...

— Только не говори, что хочешь усадить меня дома или вообще заставить таскаться по светским мероприятиям! — уставилась я на него с наигранным ужасом: понимала, что подобное Недичу и в голову не придет, поэтому всерьез не боялась.

— Я еще жить хочу, — засмеялся он. — Я о другом. Думаю, мое мнение тут ничем не поможет и даже навредит. Тебе самой стоит определиться, чем ты хочешь заниматься, а не пытаться найти какое-то временное решение, только чтобы не было скучно.

— Я хочу в Зоринку, — заявила уверенно. — И точно хочу заниматься какой-то техникой. Например, дирижаблями. Или самолетами. То есть дирижабли — это просто здорово, а самолеты вызывают смутную материнскую нежность: кажется, я с чем-то таким и работала и совсем не против продолжить. Вот только не знаю, с магией или нет, я же в ней пока не очень понимаю. Хотя практикуюсь, да. Кстати, я хотела попросить у тебя какое-нибудь наглядное пособие для обучения! А то тот шарик, что я взяла у Стевича, мало для этого подходит.

— Дам, конечно. Если ты планируешь поступать осенью, разумнее всего нанять тебе учителей. Можно договориться в той же самой Зоринке. Заодно, пока будешь учиться, окончательно определишься, куда именно хочешь поступать, экзамен-то общий.

Последний факт меня озадачил, пришлось Маю давать пояснения. Оказывается, при поступлении в университеты — не только Зоринку, но и все остальные на территории Ольбада — кандидаты получали одно огромное задание, охватывающее не только основные предметы, но и психологическую подготовку. Собственно, что-то вроде него мне уже давал Стевич. Знать решительно все, конечно, не требовалось, и для каждой специальности определяющими являлись результаты решения собственного блока вопросов. Но, помимо готовности учиться на выбранном факультете, по результатам экзамена оценивалась общая подготовка. На ее основе абитуриентам нередко поступали неожиданные и обычно приятные предложения. Кому-то назначалась отдельная стипендия, кому-то предлагали другую специальность, кому-то — ее расширенную версию, а кому-то даже целевое обучение и контракт на будущее.

Не знаю, кто разработал эту систему, как они умудрились все это регулировать и сколько народа занималось оценкой знаний молодежи, но идея мне понравилась.

Болтовня о Зоринке и перспективах моего обучения помогла отвлечься, успокоиться и стряхнуть напряжение, поэтому домой мы приехали в гораздо лучшем настроении. Ну в самом деле, какой смысл трястись от беспокойства теперь, когда ничего изменить нельзя! Какое бы впечатление мы ни произвели на владыку с супругой, изменить его уже не получится. Да и не настолько все плохо: нас же отпустили!

Дома Май нашел для меня нужное пособие — небольшой белый кубик без особых примет. Со слов тетки, каждая грань была пропитана определенной магией, причем неоднородной. То есть для новичка во время тренировок поверхность окрашивалась в один из цветов, а более опытный специалист мог разглядеть сложные узоры. Но сам Недич, как он признался, дальше бесформенных пятен на однородном фоне не продвинулся: магом, как оказалось, князь не был никогда, даже до аварии. Что-то умел, но это самое «что-то» умело почти все взрослое население мира.

На следующее утро в Зоринку отправились спозаранку, Май решил не затягивать с моим обучением и до своих занятий разведать обстановку. Я же устроилась в его кабинете: с большой кружкой кофе, шариком, кубиком и парой книжек.

Однако сколько-нибудь продвинуться мне не позволили. Буквально через пару минут после ухода Недича на пороге неожиданно возник Стеван Шешель.

— Ага, — глубокомысленно изрек он, окинув меня удовлетворенным взглядом. — Это я удачно зашел.

— Доброе утро, — растерянно ответила вежливая я. — Май скоро вернется.

— Да меня и ты устроишь, — усмехнулся он уголками губ, шагнул в кабинет — и запер за собой дверь, повернув ручку замка. Походя поднял стул, поставил напротив, уселся на него верхом, сложив руки на спинке, и коротко велел: — Ну, рассказывай.

— Рассказывать что? — осторожно уточнила я.

— Все, — отозвался Шешель. — Но больше всего меня интересует, на кого ты работаешь и какие именно цели преследуешь, так профессионально окручивая князя Недича.

— Эм... А может, ты все-таки Мая подождешь? — неуверенно предложила я, с напряжением и надеждой поглядывая на дверь.

— Что мне скажет Май, я и без него знаю, — отмахнулся следователь. — И насколько он адекватен и непредвзят, когда речь идет о тебе, я тоже в курсе. Рассказывай. Не трать мое и свое время и не вынуждай меня выходить за рамки дружеской беседы. Я не люблю калечить людей, особенно женщин, но умею.

Говорил он с обыкновенной своей снисходительной усмешкой в уголках губ, но глядел так, будто хватал за горло цепкими, холодными, твердыми пальцами. И в интонациях отчетливо

звучало нечто такое, что мешало воспринимать его слова как попытку запугать и надавить. Он не угрожал, он просто рассказывал варианты дальнейшего развития событий.

Я судорожно сжала обеими руками шар, опять бросила нервный взгляд на дверь. Ну как же не вовремя ушел Май! А в собственных способностях противостоять Шешелю при любом раскладе, будь то словесное объяснение или драка, я не сомневалась: не было таких способностей, даже намек на них!

— Это сложно объяснить, — неуверенно проговорила я, нервно облизнув пересохшие от страха губы.

— Постарайся. В твоих интересах сделать так, чтобы я поверил. А то пока я разрываюсь между подозрением в шпионаже и в запланированной афере. Уж очень ты похожа на госпожу Кокетку.

— Ну, понимаешь... — пробормотала я, скользнув взглядом по двери вниз, потом зацепилась за щель под ней, перевела взгляд в сторону...

Из-под шкафа выглядывала крыса. Здоровенная, серая, толстая крыса! Та самая, я уверена! Взвизгнув на грани ультразвука, я швырнула в тварь то, что было у меня в руках, и взлетела на спинку кресла.

— Убери ее! Убери-и-и!

— Хм. Талантливо, — задумчиво протянул Шешель, не двигаясь с места. — Даже, я бы сказал, гениально.

— Убери-и-и! — повторила я, жмурясь. Отчаянно хотелось вот прямо сейчас научиться летать, но оставалось только стараться глубоко дышать. Это было трудно, потому что сердце колотилось в горле, перекрывая доступ кислорода.

— Бледность, испарина, тремор... Ты что, в самом деле боишься мышей? — рассеянно уточнил мужчина. Судя по звуку, поднялся, прошел к стене и хмыкнул весело: — Поразительная меткость!

Я рискнула открыть глаза — и тут же зажмурилась, пытаюсь целиком уместиться на своей жердочке.

— Убери ее, ну пожалуйста!

— Расскажешь правду — уберу, — отозвался этот садист, подходя ближе.

Над его ладонью парил шар, а внутри — дергала лапками мерзкая серая тварь.

— Пытки запрещены Женевской конвенцией!

— Кем запрещены? — озадачился он.

— Понятия не имею! — честно ответила ему и протараторила: — Я вообще не из этого мира, о прошлой жизни ничего конкретного не помню, только вот эти словечки разные... Стей, пожалуйста, убери эту тварь! — взмолилась под конец.

— Чего?! — изумился Шешель. — Все, считай, убрал. Из какого другого мира? Ты свихнулась от страха, что ли?

— Нет, но могу, — огрызнулась я, рискнув опять открыть глаза.

Следователь стоял у своего стула, скрестив руки за спиной. Подозреваю, крыса вместе с шариком оставалась у него, но когда я не видела эту дрянь, чувствовала себя гораздо легче. Даже рискнула поставить ноги на сиденье кресла.

— В общем, это все Горан.

— Какой Горан? — вопросительно вскинул брови мой мучитель.

— Горан Стевич. У него был эксперимент по созданию гомункула, тела-болванки для пересадки органов. Но когда его аспиранты запустили сердце, в гомункуле оказалась я... Поощряемая недоверчивым взглядом, я вывалила на следователя решительно все, что могла. Как очнулась в лаборатории, как Май заподозрил во мне стертую, как согласился прикрыть друга и приютить меня, какой он во всех отношениях замечательный и как я в него влюбилась — Шешель же просил объяснить, что мне надо от князя! Остатков самообладания хватило умолчать о подлоге документов, на который пошел Недич: если история с гомункулом была очень спорной и не подходила ни под какую статью ни одного закона, то это наверняка нарушение.

— М-да, — глубокомысленно протянул не шевельнувшийся за все это время Стеван. — А я думал, что готов к любой твоей фантазии...

— Это не фантазия! — огрызнулась я. — У Стевича спроси! Или хотя бы у самого Мая, он подтвердит...

— М-да, — повторил Шешель, развернул стул нормально и уселся, устроив шар с моим естественным врагом на коленях. Я судорожно вздохнула, пытаюсь подтянуть ноги к подбородку и не сводя взгляда с сосуда. — Да не трясись ты, ну! Она в колбе, не укусит. — Я не могу не трястись, это фобия, — выдавила, пытаюсь ослабить ставший узким воротник рубашки.

Одно меня радовало в этой ситуации: я не выключилась из реальности, и хоть живот сводило от страха, и руки тряслись, но возможность более-менее связно мыслить оставалась при мне. Похоже, Май в мою прошлую встречу с этой тварью был прав, излишне бурной реакция получилась из-за общего болезненного состояния.

— Ох уж мне эти женщины! — проворчал Шешель, вскользь бросив взгляд на стеклянный шар. — Ты бы лучше...

Но что лучше — я уже не узнала. Мужчина осекся, нахмурился, вновь уставился на крысу, поднес шар к самому своему носу. Я до судорог в пальцах вцепилась в спинку кресла, на которой сидела. Следователь не удостоил меня взглядом: вредитель в ловушке вдруг оказался для него гораздо интереснее.

— Ишь ты... Кто же тебя такую сделал? И зачем? — рассеянно пробормотал он, рассматривая шар на просвет.

— Боги, как ты вообще это в руках держишь?! — Меня аж передернуло.

— Не трясись, она вообще не настоящая, — поморщился Шешель, не глядя на меня.

— То есть как?

— Выясним. Но поделка качественная.

Повисшую вслед за этим напряженную тишину почти сразу нарушил щелчок замка.

— Майя, ты чего запираешься? Я... — бодро начал Недич, входя внутрь, и замер на пороге, ошеломленно разглядывая представшую его взгляду картину — меня на спинке кресла и незваного гостя. — Шешель? Какого... Что здесь происходит и что ты тут делаешь? Майя, ты в порядке? — Май торопливо приблизился, притянул меня к себе, снимая со спинки.

Прикосновение горячих ладоней мужчины опять оказало магическое воздействие: мои пальцы разжались сами собой, а тело покорно обмякло. — Боги, да ты вся ледяная!

— Все с твоей... невестой нормально, она вон мышшь поймала, — хмыкнул следователь, взвешивая на ладонях шар, оказавшийся отличной ловушкой. — Ну или мелкую крысу. Ты глянь, какой шедевр, а! Интересно, кто и зачем ее состряпал? Да ничего с твоей девицей не случится, лучше глянь сюда как инженер!

— Ты не ответил на вопрос, что ты здесь забыл? — мрачно возразил Май, к счастью, не выпуская меня из объятий.

— Пришел поговорить. Скажи спасибо, что пришел я и сюда, а не несколько крепких ребят из особого отдела стражи сгребли твою зазубу под белые руки и притащили в управление. Она рассказала мне такую чушь, что я склонен в нее поверить: придумать подобный идиотизм в качестве легенды просто невозможно. Но я еще проверю, что там твой профессор на самом деле наэкспериментировал и действительно ли она — результат его научных изысканий, а не чьего-то злого умысла.

— Прости, — пробормотала я в плечо Недичу и мрачно добавила: — Он умеет быть убедительным.

— Шешель, после этого... — начал Май ледяным тоном.

— Да я пальцем твою невесту не тронул, больно надо, — отмахнулся тот. — Отвлекись уже от женщины и глянь сюда. Кто такое мог состряпать? Ты же держишь руку на пульсе последних веяний, за новинками следишь.

При ближайшем рассмотрении крыса оказалась совсем даже не крысой, а механико-магической игрушкой, настолько ловко замаскированной под мерзкого вредителя, что даже вблизи это бросалось в глаза не сразу: металлическое тельце было покрыто серым мехом, внешне неотличимым от настоящего. Мужчины уверяли, что на ощупь тоже похоже, и я кровожадно надеялась, что ради ее изготовления неизвестный мастер освежевал несколько грызунов. Но потрогать эту мерзость так себя и не заставила. Ну и что, что она ненастоящая? Крыса же! Чудо еще, что я при поддержке Недича, влекомая любопытством, сумела взглянуть на нее вблизи! С ходу вспомнить о каких-то подобных разработках Май не сумел, разобраться в устройстве и назначении крысы — тем более, уж очень сложная у нее оказалась магическая начинка. На предложение Недича позвать кого-то из более сведущих в вопросе профессоров или

преподавателей Шешель почему-то ответил категорическим отказом, присвоил мою добычу и вскоре умчался, отложив разговор со Стевичем на неопределенный срок. Только для порядка уточнил у Мая несколько моментов и, получив подтверждение моих слов, пообещал заглянуть как-нибудь потом.

— Он правда тебя не обидел? — спросил Недич напряженно, когда мы остались вдвоем.

— Ну... он просто делал свою работу, — вынужденно признала я. — Припугнул, конечно, до икоты, особенно когда крысой этой перед носом махал, но действительно не переходил грань.

И, мне кажется, он был в своем праве: все-таки это его обязанность — следить за безопасностью. А я действительно вызываю подозрения и тоже не поверила бы во всю ту чушь, которую мы с тобой наплели вчера. В общем, забудь. Надеюсь, Шешель действительно успокоится на этот счет. Непонятно, что в этой крысе такого, если он сразу забыл обо всем? Она собирает информацию, что ли? Следит?

— Или наоборот, должна была что-то подбросить. Гадать можно бесконечно, но стоит ли? У нас нет совершенно никакой информации, поэтому придется положиться на Шешеля. Мне кажется, у него имеется талант проглядчика, причем развитый, хотя Стеван его и не афиширует. Он вообще кладезь неожиданных способностей и парадоксальных выводов. Если не разберется сам — уж всяко догадается обратиться за помощью.

— А она не могла сбежать от кого-нибудь здесь, в Зоринке? Ну, проводили эксперимент, а она возьми и окажись слишком похожей на обычного грызуна, вот и удрала...

— И это тоже вполне возможно, — развел руками Май. — Но маловероятно, честно говоря. После пропажи такого ценного образца его создатель поднял бы панику. А секретные исследования, которые кто-то проводил украдкой на базе Зоринки... Да ну, ерунда.

— А куда мы, кстати, идем? — запоздало уточнила я, когда Недич уже запирает кабинет.

— Искать Горана, он должен быть в лаборатории. Надо предупредить его, что следственный комитет все-таки на тебя вышел и может начать задавать вопросы ему. Тот факт, что Шешель сбежал, совсем не означает, что он забыл. Кстати, про крысу. Мне показалось или в этот раз ты отреагировала спокойнее? И сейчас выглядишь гораздо лучше.

— Ну да, я как минимум не выключилась и была в сознании. Если это можно считать спокойной реакцией... Но я бы лучше посидела в кресле и глотнула кофе. Или чего покрепче.

— Извини, я как-то не сообразил, — расстроился Май. — Если хочешь, давай вернемся, Стевич подождет.

— Да ладно, мы у него чаю потребуем.

— В лаборатории? Да он нас живьем съест за такую идею, — заверил Недич.

Однако тезка не угадал. Когда мы нашли Стевича вместе с его лаборантами, те уже начали веселье без нас. На столе в углу лаборатории стояла початая бутылка вина, на тарелке лежали нарезанный сыр и какое-то мясо, а взволнованно-радостный Небойша что-то шумно рассказывал, активно жестикулируя. Ему внимал сияющий Горан и на удивление «тепленький» Вук. Странно, я думала, этот белообрый — слишком правильный для употребления спиртного, даже по серьезному поводу.

— Что празднуем? — растерянно спросил Май.

— А, а вот и экспериментальные образцы! Привет-привет, вы вовремя. — Стевич широко повел рукой, приглашая присоединиться. — Неш, у нас там есть еще стакан?

— За что пьете-то? — вновь попытался добиться ответа Недич. — Имей в виду, нами таки заинтересовался следственный комитет, пришлось все рассказать.

— А, плевать на следаков, — легкомысленно отмахнулся Стевич. — Это успех. Ивичевская премия, да и не только она, у нас в кармане!

— Что вы такое открыли?

— Мы доказали существование белой магии! — гордо заявил Небойша. — И подтвердили спектральную теорию структуры черной магии!

— Эм... вот как? — неуверенно пробормотал Май. — А что это?

— Тьфу! Я у тебя стакан сейчас отберу и отправлю доучиваться, — пригрозил Горан. Хотя посудине, назвав ее стаканом, он польстил, нам выдали одну на двоих пузатую колбу с треснувшим горлом. И наливал туда аспирант через воронку. — Существует теория — она называется спектральной, — что черная магия не самостоятельное явление, а результат смешения трех основных цветов. И мы ее доказали. Кроме того, белая магия все-таки

существует, но в нашем мире она нестабильна и быстро разлагается на основные цвета под воздействием естественного фона.

— То есть это, получается, почти одно и то же?

— Если брать состав — да, а форма соединения разная. Ты про явление аллотропии что-нибудь слышал? Вот тут то же самое, только все происходит с магией.

— И что она нам дает, эта белая магия? — вставила я.

— А почему она должна что-то вам давать? — ехидно уточнил Горан. — В рамках нашей Объединяющей теории белая магия — это предмагия,

которая была изначально и которая существовала до появления мира. Может быть, она заполняет другие миры или пространство между ними, потому что твое энергетическое поле в момент пробуждения состояло исключительно из нее. Больше того, я почти уверен, что стирание — это насильственное восстановление белой магии из основных цветов. А черная магия — это, выходит, постмагия, то есть относительно стабильный в наших условиях результат слияния трех основных типов. И эти две сложные конструкции, как можно судить на основе исследования вас двоих и еще кое-каких опытов, взаимно компенсируются, разлагаясь на все те же основные цвета. Отсюда же, надо думать, и особенность восприятия Майи, которая не видела черных спектральных меток. Отсюда и изменение структуры магии, ауры и даже отчасти тела Мая после восстановления.

— Изменения тела? — растерялся Недич, настороженно глянув на собственную ладонь.

— Потрясающая наблюдательность, — фыркнул Стевич. — Глаза у тебя посинели. Уникальный феномен. Ладно, за нас, гениальных! — поднял он тост, и никто не стал возражать.

Хотя лично мне было странно, неловко и как-то... буднично. Вроде бы только что, буквально на наших глазах, совершилось великое открытие, которое наверняка перевернет мир, стало радостно за Стевича с его аспирантами, но всерьез восхититься не получалось. Наверное, потому, что я слабо понимала смысл открытия, его масштабы и последствия. Плохо быть необразованной, эх!

— Горан, то есть я правильно понял, что проблем с законом у тебя и Майи не будет, ты сумеешь доказать, что она — не стертая? — все же попытался вернуться к опасной теме Недич.

— Да было бы что доказывать, достаточно с ней поговорить, — легко отмахнулся Стевич. — Любой психиатр сразу поймет, это с самого начала было ясно.

Мы с тезкой обменялись ошарашенными взглядами.

— Погоди, то есть как — с самого начала?! — спросил Май. — Но ты же говорил...

— Ну, говорил, просто кое о чем умолчал, — с благодатной, покровительственной улыбкой и без малейшего проблеска раскаяния согласился Горан. — А ты всегда говоришь все, что думаешь?

— Но зачем?!

— Это был самый простой способ заставить вас взаимодействовать, — фыркнул профессор. — Ты жалостливый и благородный, как не пожалеть девушку в беде? А она с самого начала смотрела на тебя неотрывно и чуть ли не облизывалась. Как можно было не воспользоваться такой прекрасной экспериментальной базой?! Превосходные натурные испытания безо всяких усилий и материальных затрат!

— Горан, я... — дрогнувшим от злости голосом начал Май. Потом выдохнул, сжал и разжал кулаки и продолжил мрачно: — Я тебе когда-нибудь морду набью.

— Ой, ну ты еще скажи, что недоволен результатом, — пренебрежительно фыркнул Стевич.

— Ах ты, манипулятор! — выдохнула я. — Так вот ты для чего откровенничал! Интриган! А я еще думала, что ты рассеянный ученый и за друга переживаешь! А у тебя эксперимент!

— Да, да, манипулятор, беспринципная и бессердечная сволочь, — милостиво согласился профессор, отмахиваясь от меня, как от мухи. — Только на свадьбу пригласить не забудьте, жертвы научного произвола.

Дальше ругаться было бессмысленно и даже глупо. Выплеснув первое негодование, мы с Маем, скрепя сердца, признали, что эффект от поступка Стевича с лихвой компенсирует легкую неэтичность мотивов. Потому что эксперимент экспериментом, а за здоровье друга он все же переживал. Подумаешь, совместил приятное с полезным!

Но долго засиживаться мы не стали. Изначально-то вообще планировали заглянуть на пару минут и предупредить! Маю нужно было бежать к студентам, да и первооткрывателям предстояла куча дел и бумажной работы, так что праздник оказался недолгим.

Вновь разместившись в кабинете Недича с единственным оставшимся наглядным пособием, я опять занялась магическим саморазвитием. Правда, как следует сосредоточиться не получалось, мысли то и дело возвращались к эксперименту Стевича и, главное, явлению Шешеля.

Стало обидно, что я так дергалась и тряслась, а по факту в моем происхождении ничего страшного не существовало, и молчание оказалось напрасным. Могли вчера спокойно рассказать владыке чистую правду, а не юлить, взвешивая каждое слово и пытаюсь предугадать следующий вопрос. Столько нервов можно было сэкономить... Причем ладно, Стевич молчал в самом начале, пока исследовал нас и измерял. Но потом, когда мы перестали представлять научную ценность, мог же сообщить! А впрочем, догадываюсь, почему не сообщил: у Горана, как выразился Май, «пошла мысль», и стало ему совсем не до нашего удобства и нравственных терзаний. У него же эксперименты, открытие века, где уж тут вспомнить про нужды окружающего мира!

Но сделать ему какую-нибудь маленькую ответную гадость хотелось нестерпимо, счет неумолимо рос. Осталось придумать, какую именно.

А вот на Шешеля я, несмотря ни на что, не сердилась, скорее он вызывал исследовательское любопытство. Зараза редкостная, но очень уж занятный тип не просто с двойным дном, а с несколькими слоями. Вроде балагур и трепло, а чуть копнешь — найдешь человека опасного, умного и очень въедливого. Это же насколько везуч таинственный злодей, покушавшийся на жизнь Мая, если Стеван его до сих пор не поймал!

Учитывая неординарность личности следователя, вдвойне интересно, что он нашел в этой несчастной зубастой твари. Но, увы, пока Шешель сам не решит рассказать, ничего мы не узнаем. Однако понимание этого совершенно не мешало убивать на построение версий время, которое по-хорошему стоило бы потратить на учебу.

Определенно, все эти загадки только вредили.

Сегодня Недич управился со своими подопечными довольно быстро и без вреда для собственного здоровья, так что силы у него остались не только на дорогу домой, но даже на тренировку, которую, к слову, прогулял Стевич. Но я в этот раз с Маем не пошла, дождалась его в кабинете.

Зато потом, когда мы погрузились в автомобиль, поняла, что поездка лично меня очень располагает к разговору. И если обсуждать Шешеля было бессмысленно, потому что Май тоже не умел читать его мысли, то в очередной раз помянуть события вчерашнего вечера — вполне кстати.

— Май, а как получилось, что твоя сестра умудрилась сойтись с актером? — спросила я, когда вороной монстр покинул стоянку перед университетом. — Я понимаю, что брак разрешил ваш отец, который ее баловал. Но как они вообще умудрились встретиться и так близко сойтись? Или актеры вхожи в высший свет?

— Точно не знаю, — пожал плечами Недич. — Я не особенно интересовался жизнью сестры и познакомился с Чичичем уже как с ее женихом. Но Любица всегда питала слабость к богеме, к так называемым людям искусства.

— Почему «так называемым»?

— Потому что в большинстве своем они не имеют к искусству никакого отношения, — поморщился Май. — Настоящим людям искусства обычно не до прожигания жизни в таких компаниях, они занимаются творчеством. Обитатели же этого мирка изображают из себя непризнанных художников, поэтов, актеров, а по факту — болтуны. Единственное, в чем они, несомненно, преуспевают, это умение пустить пыль в глаза и «продать» свое общество скучающим богачам. Любица всегда была падка на внешнее очарование этих людей. Они, разумеется, не вхожи в то общество, в котором привыкла вращаться мать, но некоторые аристократы, считая себя меценатами, привлекают подобных паразитов и устраивают полусветские вечера для такой публики. Сестра очень их любила, несмотря на неодобрение матери. Наверное, на одной из таких вечеринок она и познакомилась с Чичичем. Конечно, на завсегдатая подобных встреч Добрило не похож — все же он на самом деле талантливый актер и не бездельник, — но других вариантов я не вижу.

— Ты так уверенно об этом рассуждаешь, как будто прошел все на личном опыте, — растерянно заметила я.
— А почему ты думаешь, что мой личный опыт ограничивается только учебной и дирижаблями? — насмешливо покосился на меня Май.
— Ну... не знаю, — призналась честно. — Ты такой благородный и правильный, что мне сложно представить тебя даже немного пьяным, не говоря уже о других пороках и богемных тусовках.

— Ту-сов-ках?

— по слогам повторил Май. — Забавное слово. Ты все же меня несколько переоцениваешь, в студенческие годы всякое бывало, — добавил он со смешком. — Просто я быстро понял, что подобные... мероприятия мне неинтересны в той же степени, что и великосветская жизнь. Наверное, потому что у них очень много общего.

— Серьезно? — недоверчиво хмыкнула я.
— Я бы сказал, что эта «богема» — гротескная пародия на высший свет. Тот же блеск и веселье, та же пыль в глаза, те же лицемерие и тщеславие, но без рамок этикета, чувства меры и фамильных драгоценностей.
— Кхм. Остроумно. Но я все равно не могу представить тебя в такой среде, если только сидящим чуть в стороне и жутко скучающим. Да я, честно говоря, постоянно забываю, что ты уже был женат. Умом понимаю, что ты взрослый и более чем самостоятельный мужчина с характером, но... — Я развела руками.
— Но? — любопытствовал Май.
— Но ты такой милый, что я понимаю это только умом, — сформулировала наконец. Тетка засмеялся в ответ, смерил меня взглядом, а потом проговорил, продолжая улыбаться уголками губ:
— Если честно, я и сам об этом постоянно забываю...
— О чем именно?
— О том, что я уже был женат. Да и не только об этом, об остальном — тоже. Такое ощущение, что моя жизнь с тобой в прямом смысле началась заново. Порой чувствую себя совсем мальчишкой или уж максимум — студентом. Как будто и не было этих лет...
— Это естественное следствие перемен в жизни или я как-то повлияла на тебя магически? — спросила осторожно.
Мужчина пару секунд помолчал, не то обдумывая ответ, не то просто вписываясь в крутой поворот, но после все-таки ответил:
— Знаешь, что самое замечательное? Мне восхитительно все равно, в чем причина. Я просто чувствую себя счастливым.

ГЛАВА 11

Кто ходит в гости по утрам — тому не нужно на работу

Следующий день, выходной, мы единодушно решили провести вдвоем дома, только к вечеру выбрались побродить по окрестностям и подышать свежим воздухом. Это был совершенно чудесный день.

А после, что несколько смазало впечатление приятно проведенного дня, действительность подготовила сюрприз спорной приятности: приглашение на завтрак к владыке. Я, конечно, сразу подумала о самом худшем: а ну как признают меня общественно опасной и все же изолируют?

Но Май успокоил: оказывается, на что-то подобное он и надеялся. Владыка ведь обещал обдумать возможность нашей свадьбы — боги, как странно и непривычно звучит! — и наверняка речь пойдет именно об этом, причем в нужном нам направлении. Потому что приглашение на завтрак, вероятнее всего, следовало толковать как обещание несложного разговора, приятного обеим сторонам. Тихомир не любил утром решать сложные и шекотливые вопросы, и если звал кого-то к себе в такую рань — значит, планировал спокойно и безмятежно

провести время в компании гостя. То есть, несмотря на суровый допрос в театре и наши явственные попытки увильнуть от разговора, владыка потеплел.

— Думаешь, Шешель уже доложил? — сложила я два и два.

— Уверен, — отмахнулся Май. — Я почти не сомневаюсь, что Стеван состоит на службе в контрразведке и играет там заметную роль. Менее достойному доверия человеку не поручили бы дело о гибели почти всех Недичей. Сейчас, хоть это не афишируется, для владыки расследование — дело чести. Потому что поспешные выводы на мой счет и последующий провал версии оказались серьезным щелчком по владыческому носу.

— Как-то долго они ловят преступника для такой заинтересованности, — проворчала я.

— Ну, если бы он был дураком, он бы не сумел так аккуратно все сделать. Но, похоже, столь долгая безнаказанность лишила его изрядной части осторожности. До сих пор преступник гораздо тщательнее маскировал собственные действия под несчастные случаи, а события на верфи совсем не укладываются в обычную схему. И это вдобавок к вероятной спешке, о которой мы говорили. Так что, думаю, скоро эта история закончится.

— Главное, чтобы победили наши, — со вздохом подытожила я. — Ладно, что от меня требуется на этом завтраке? Наверное, есть какие-то правила выбора платья и драгоценностей для таких случаев?

— Все гораздо проще, подойдет почти любой из твоих нарядов, — отмахнулся Недич. — Это завтрак в узком кругу, а не вечерний выход в свет.

— Ты меня утешил. А как мне надо себя вести? Я же так и не спросила, как именно нужно приветствовать владыку!

— Достаточно простого поклона, — успокоил Май. — Но у тебя в театре получилось гораздо более изящное движение, по-моему, ему понравилось.

— Изящное? — переспросила я. — Это хорошо. А то я чувствовала себя цирковой лошадью. Хорошо, что со стороны все выглядело не так нелепо.

— Боги, Майя, откуда подобные мысли? — хмыкнул тезка. — Ты не можешь выглядеть нелепо, в худшем случае у тебя получается просто мило!

— Как приятно, что ты в меня настолько веришь...

В общем, успокоенная тезкой, завтрака я ждала гораздо менее нервно, чем театра. И выпалась как следует, и собиралась без особого мандража. Не то чтобы я была уверена в положительном ответе владыки, просто не верила, что нас может ожидать нечто, хуже недавнего допроса.

Утренний дворец производил неожиданное впечатление. Никакой броской роскоши, исключительно сдержанные пастельные тона, много воздуха, много камня в отделке, причем последний был подобран с редким тщанием и искусством. Разные сорта и оттенки мрамора и каких-то совсем незнакомых камней складывались в тончайший узор мозаики на полу и стенах, отражались в огромных зеркалах, выглядело это гораздо эффектнее позолоты. Сводчатые потолки кое-где были однотонными, порой их обрамляли барельефы и узорчатые бордюры, а кое-где встречались великолепные сюжетные фрески. Вот только светские на них изображались сюжеты или религиозные — я так и не поняла. Но что-то явно не современное, судя по странным летящим нарядам людей.

Пустые гулкие залы и коридоры эхом рассыпали звуки шагов, по ним бесшумными тенями скользили строго одетые служащие, да и тех было немного. Наверное, основная придворная жизнь начиналась здесь гораздо позже, а прочие слуги пользовались другими, не парадными переходами.

По широкой винтовой лестнице мы поднялись на второй этаж и попали в коридор более... домашний, что ли? Стены отделаны деревянными панелями, на полу — темно-зеленый толстый ковер. Потолок здесь был ниже, походило это место не на часть огромного дворца, а на кусочек пусть весьма богатого, но жилого дома.

Провожатый распахнул высокие тяжелые двери, объявил «князя Недича с невестой» и, тихонько закрыв створки за нашими спинами, исчез. Я отметила это машинально, не оборачиваясь, и даже забыла поклониться: замерла, в смнении разглядывая весьма неожиданную компанию.

В сравнительно небольшой зеленой гостиной с фрагментами декора, кажется из оникса, нас ждал владыка в домашнем виде. Конечно, не в моем представлении — домашнем, но все же он казался заметно более расслабленным, чем Май в начале нашего знакомства. Брюки, мягкие

домашние, судя по их вишневому цвету, туфли, рубашка без галстука, серебристый стеганый жилет и вишневого же цвета шелковый халат сверху.

Владычица сегодня не сопровождала супруга, зато в соседнем кресле вольготно развалился Шешель, которого высокая фигура хозяина совершенно не смущала. Я предполагала, что он не рядовой сыщик и очень непростой тип, но столь откровенная демонстрация дружеских отношений с правителем озадачивала.

А главное, чего совсем уж нельзя было ожидать, за завтраком присутствовал Горан с обоими своими аспирантами. Похоже, все трое тоже с трудом верили в реальность происходящего. Стевич напряженно хмурился, сидел с неестественно прямой спиной и тоскливым взглядом, Небойша был бледен и непроизвольно пытался вжаться в сиденье, а Вук нервно сцепил пальцы на коленях — наверное, чтобы не привлекать внимания к их сильной дрожи.

— Ну вот, все в сборе, — приветствовал наше появление владыка. — Я помню твою просьбу, князь, и данное тебе обещание, но, как понимаешь, не проверить девушку не мог. — Он смерил меня задумчивым взглядом. — Признаться, после нашего знакомства я был склонен не просто отказать, но потихоньку избавить тебя от столь подозрительной компании. Я полагал, что она как минимум шпионка. Айрина убедила меня, что девочка самое большое — брачная аферистка, уж слишком никакая у нее подготовка для профессионалки. Однако реальность обескуражила. — Тихомир развел руками, неопределенно указав на следователя и ученых разом. — Неужели этой девушке на самом деле нет луны и создана она искусственно? Вопрос, похоже, был риторическим, потому что не открыл рта даже Шешель, ощущавший себя в компании владыки весьма уверенно.

Май аккуратно сжал мою ладонь, ободряя. Поддержка, конечно, порадовала, но именно сейчас в ней не было острой необходимости: я чувствовала себя гораздо легче и свободнее, чем в театре. Помимо все тех же логичных доводов, что настоящая неприязнь и подозрения владыки подтверждались бы не словами, а действиями, сказывалось еще одно обстоятельство. Я не любила и не хотела врать, и отсутствие подобной необходимости снимало с плеч огромную тяжесть.

— Оказывается, в Зоринке тихо-мирно, безо всякой шумихи, проводятся настолько революционные исследования, а я обо всем узнаю последним, — усмехнулся Тихомир, продолжая монолог. — Но я уже пообещал господину Стевичу исправиться, он может не волноваться по поводу перспективы собственных изысканий.

— Я польщен, владыка, — весьма кисло вставил Горан, которому внимание правителя явно было поперек горла.

— Переживает, — насмешливо заметил владыка, обращаясь к нам с тезкой. Даже подмигнул. — Бойтесь, что запру в подвале и потребую от него срочных результатов, причем желательно — сразу бессмертия. Впрочем, все это мы уже обсудили. Принимая во внимание заверения господина Стевича в том, что... Майя является полноценным человеком, а также убедительные свидетельства того, что в ее сближении с князем Недичем нет злонамеренности, я даю разрешение на ваш брак. Я уже распорядился, бумагу подготовят в ближайшие дни. Вместе с настоящими документами для девушки. — Он насмешливо сверкнул глазами. — О том, как сочетать нежелательность публичного освещения подлинного происхождения княгини и необходимость предъявить научному сообществу результаты исследований господина Стевича и доказательства его теории, не волнуйтесь, этот вопрос есть кому решить. Далее господа Минич и Касич могут быть свободны.

Аспиранты не сразу сообразили, что речь о них. Первым опомнился рыжий, подорвался с места, поклонился, невнятно пробормотал что-то прошупрощечное и благопрощальное, потом потянул закаменевшего от волнения товарища за плечо. Вук вздрогнул, вскочил, и оба аспиранта поспешили удрать, наверняка нарушив походя несколько правил этикета.

— Давай, — кивнул владыка, и следователь поднял к себе на колени бесформенную потертую кожаную сумку с двумя ручками, которая до того незаметно стояла сбоку от кресла. — Я хочу, чтобы вы взглянули на добычу Шешеля.

— Строго говоря, это не моя добыча, — возразил следователь, вынимая из сумки знакомый шар со знакомой крысой. Я судорожно вздохнула, вцепилась крепче в ладонь Недича и на несколько мгновений зажмурилась. — Это вон у нас меткая охотница сидит.

— Зачем на эту гадость смотреть? — не сдержалась я и поежилась, но все-таки заставила себя открыть глаза, мысленно убеждая, что все хорошо, поскольку серая тварь в шаре — не настоящая.

— В порядке эксперимента, — туманно отозвался владыка.

— Держи! — велел Шешель и бросил шар в Мая.

Я снова шарахнулась, а Недич ничего — ловко перехватил шар обеими руками, несмотря на его сопротивление.

— И что я должен «углядеть»?

— Не знаю, — флегматично отозвался следователь. — Тебе она ничего не напоминает?

— Крыса и крыса. А должна что-то напоминать?

— Ну как сказать?.. Эта игрушка под завязку напичкана очень характерным сочетанием магии разных цветов. Произведение искусства, — с явным уважением похвалил Шешель.

— Наверное, — задумчиво согласился Май. — И что?

— Она следила за тобой. Правда, зверюшка способна записывать только звук и ничего интересного за несколько дней своего пребывания у тебя в кабинете не услышала, но это уже детали.

— Понятия не имею, кому бы понадобилось за мной шпионить, — развел руками Недич. — Уж скорее за Стевичем надо, именно он занимается серьезными перспективными разработками...

— Согласен, — кивнул следователь, явно ожидавший именно такого ответа. — Но это только начало. Как я уже сказал, сочетание весьма характерное. Его следы среди прочих мои ребята обнаружили на стапеле в цехе. Там, где рухнули леса и железная балка под вами превратилась в труху, — пояснил следователь.

Тут оживилась даже я и с новой неприязнью покосилась на механическую тварь.

— Это крыса, — пожал плечами тезка. — Да, вблизи с животным не спутаешь, но издалека, да еще глянув мельком... Краль говорил, что в цеху есть крысы, и леса как будто подгрызли они. Но вряд ли кто-то из рабочих обладает настолько острым взглядом и такой страстью к живой природе, чтобы внимательно разглядывать пробегающих мимо грызунов и замечать среди обычных животных вот такие экземпляры. Хитро и остроумно придумано, да.

— А если я добавлю, что очень похожие следы были обнаружены на месте крушения дирижабля? — вкрадчиво продолжил Шешель. Май вздрогнул и напряженно вскинулся, слегка подался вперед, тревожно глядя на следователя. — И эти, и следы еще одного сложного воздействия, сочетающего синюю и зеленую магию. Того самого, которое заставило железо растаять у вас под ногами.

Повисла напряженная, вязкая тишина, которую при желании можно было бы резать ножом. Недич буравил напряженным взглядом Шешеля. Тот оставался спокойным и собранным, не отводил глаз и как будто даже не моргал. А все прочие, кажется, боялись лишней раз шевельнуться, уж я так точно.

— Крыса... — выдохнул Май глухо, бесстрастно. Разом побледнел, скулы как будто вдруг заострились, а под глазами отчетливо проступили тени. — Техник видел в гондоле крысу, я со всем техническим персоналом поднялся — проверить баллоны, исправность датчиков и отпугивающих артефактов. Я тогда увидел крысу. Она сидела на баллоне, совсем не боялась и смотрела на меня. Только глаза стеклянные. Я подумал, что где-то уже видел этот взгляд, а потом... Баллон треснул, как яичная скорлупа. Кажется, ударила струя газа. Я упал. Когда очнулся, оболочка напоминала тонкий срез маасского сыра. Под рукой оказалась шкура одного из баллонов — гнилая, липнущая к рукам. Попытался встать...

— Все, довольноно! — Горан резко поднялся, как-то странно встряхнул руками.

Май осекся, рвано вздохнул и ссутулился, опираясь локтями о расставленные колени. Закрыв ладонями лицо. Я растерянно переводила взгляд с одного мужчины на другого, пытаюсь понять, что вообще происходит.

— Стевич, я был большего мнения о вашем профессионализме, — раздосадованно проворчал Шешель.

— Я, конечно, ученый, но не до такой степени! — отгрызнулся тот. Подошел к столу с напитками и закусками, к которым до сих пор никто не притронулся, наполнил чайную чашку

водой из графина, прихватил внушительный кусок колотого шоколада. — Май, на, выпей. И вот это съешь, полегчает, — позвал он. Недич не шелохнулся, и профессор настойчиво потянул его за руку и вложил чашку в ладонь.

Май осушил ее залпом в несколько больших глотков.

— А если он опять все забудет?

Стевич без малейшего стеснения ответил витиеватой нецензурной фразой, обозначающей маршрут дальнейшего движения следователя. Положил ладонь на шею Недичу, кажется проверяя пульс, и еще раз выругался, уже безадресно.

— А если он отправится на свидание с богами, твое расследование сильно продвинется? — добавил тихо.

— Погоди, так что, это ты его своей магией?.. — дошло до меня.

— Все претензии к нему, — поспешил обозначить виновного Горан, кивнув на Шешеля. — Я пытался отговорить, но тогда бы он нашел другого мозгоправа.

— Ах ты... — подорвалась я с места, но Май успел перехватить меня свободной рукой.

Видимо, совершенно машинально, потому что поймал за бедра, но даже не обратил внимания на эту неловкость.

— Не надо, — со вздохом проговорил мужчина, поднимая на меня взгляд. Из-за полопавшихся сосудов глаза выглядели жутко. — Это... было необходимо, и вряд ли другим методом и при других обстоятельствах получилось бы.

— Все равно Шешель — сволочь, — упрямо возразила я.

— А разве с этим кто-то спорит? — криво усмехнулся Май. Потом, не отпуская меня, перевел взгляд на следователя. — Я знаю, почему я выжил и как умудрился выйти к людям. Я провалился в дыру в обшивке и упал раньше дирижабля, который протянул еще несколько километров. До того ущелья, которое ты показывал на карте. Шел вдоль ручья. Только, боюсь, мои воспоминания об аварии ничем не помогут следствию.

— Уже почти помогли, — пожал плечами Стеван, не придавший значения ни ругани профессора, ни моей вспышке. Только терпеливо дождался, пока мы наговоримся и перейдем к делу. — Ты вспомнил крысу и сказал, что ее взгляд тебе знаком. Скорее всего, ты видел нечто подобное раньше. Осталось вспомнить, где именно.

— Это уже не блок, — вставил Горан. — В его голову я больше не полез. По крайней мере, в ближайшие несколько дней. И никому другому не позволю!

— Даже если бы и полез, без толку, — пожал плечами Май. — Я же и тогда не вспомнил, это просто смутное ощущение...

— Ничего, вот заberi себе сувенир, авось подтолкнет к нужной мысли, — оптимистично предложил Шешель, махнув рукой в сторону шара, откатившегося к двери. — Все, что могли, мы из нее уже вытянули. Только не потеряй, пожалуйста, все же вещдок.

Недич бросил на злосчастного грызуна угрюмый взгляд и кивнул. Потом опомнился, осознал неприличность нашей позы, невнятно пробормотал извинения и выпустил меня из охапки. Но, прежде чем я успела расстроиться по этому поводу, поймал за руку и потянул к дивану, усаживая рядом.

— Прекрасно. Я увидел все, что хотел, — задумчиво проговорил владыка, заставив меня мысленно ругнуться: он так тихо сидел в своем кресле, наблюдая за происходящим, что я умудрилась напрочь забыть о его присутствии. И, кажется, не только я. — Все принятые решения остаются в силе. Можете быть свободны и спокойно продолжать работу.

Май, поднявшись, слегка пошатнулся, но я успела крепко ухватить его за локоть.

— Не нужно... — виновато начал он.

— Нужно! — категорически оборвала я.

— Я помогу, — вызвался хмурый Стевич, крепко подхватив князя под другой локоть.

Я глянула на профессора с подозрением, но спорить не стала. На него я дулась, но не особенно, и больше за старые проделки, чем за сегодняшние события. На собственном опыте знаю, как Шешель умеет убеждать, а уж в компании с владыкой — я бы точно не нашла в себе сил сопротивляться. И все же Горан вспылел, когда происходящее приняло опасный оборот.

— Да не нужно меня... — заговорил Май уже с негодованием, но при первом же шаге его опять повело в сторону.

— Шагай, — поморщившись, буркнул Стевич.

Подбирать крысу в шаре пришлось мне. Расту над собой: только поморщилась и передернула плечами, увидев тварь вблизи. А когда шарик мягко покачивался между моих ладоней, признала, что... что-то в этом есть! Все же приятно, когда твой идейный враг беспомощен, изолирован и не способен навредить, даже прикоснуться. Может, с живым грызуном мне бы это не помогло, но на механическую крысу я смотрела с превосходством и сдержанным злорадством.

— М-да, — протянул Шешель, когда мы вышли. — Я вас отвезу.

— Уйди! — вызверилась я на него, резко обернувшись и предупреждающе ткнув пальцем в грудь. — Вообще близко не подходи, а то меня посадят!

— Покусаешь? — иронично уточнил он и протянул руку ребром ладони вперед. — На!

— Горло вырву, — процедила мрачно.

— Определенно, я понимаю, что в тебе нашел Май, — с широкой улыбкой заявил следователь. — Такой темперамент — ух! Не шипи, не хочешь — не надо, было бы предложено. До встречи.

— Упасите боги! — проворчала я в спину Шешеля, зашагавшего по коридору безо всякого сопровождения. Похоже, во дворце он ориентировался прекрасно и имел право свободно перемещаться.

— Я понимаю твое негодование, самому захотелось придушить следователя на второй минуте знакомства, — заметил Стевич, когда мы не спеша двинулись за служащим, взявшим на себя роль проводника. — Но вообще-то он дело говорил. Я водить не умею, а Мая за руль пускать... — Сама справлюсь, — недовольно буркнула я.

Ну не признаваться же, что была не права! Если бы дело заключалось только в упрямстве, я бы, может, и не прогнала Шешеля. Но ощущение, что еще пара секунд, и я попытаюсь вцепиться мужчине в горло, никуда не делось даже теперь, когда главный раздражитель пропал из поля зрения.

— Не злись на него, — со вздохом попросил Недич.

Через несколько шагов он немного оклемался и уже мог идти самостоятельно, но я все равно цеплялась за его локоть, готовясь в любой момент поддержать. Благо выглядело это так, словно именно я на него опираюсь, и Май не сопротивлялся.

— Я перестану на него злиться, когда перестану его видеть, — раздраженно отозвалась я.

— Ты не права, — мягко, но настойчиво возразил тезка. — Да, метод не очень щадящий, но эффективный. Рано или поздно это нужно было сделать, Горан не даст соврать. Да, может быть, через некоторое время процедура далась бы менее болезненно, но неизвестно, что могло к этому моменту случиться.

— Ну, прекрасно, теперь ты его еще и защищаешь! — возмутилась я в ответ.

— Он в своем праве, — продолжил стоять на своем Май.

— Ну да, интересный способ спасти твою жизнь — прибыв в процессе спасения!

— Майя, дело совсем не в моей жизни, я же говорил, — поморщился Недич. — Самая главная проблема в том, что основные подозреваемые в этих преступлениях — мои наследники. И главная беда не в том, что меня могут убить, и даже не в прерывании прямой ветви — у меня полно очень близких родственников той же крови. Страшно, что титул может перейти к человеку беспринципному и готовому ради своей выгоды на преступление. Если он даже собственных родных не пожалел, как можно ждать от него верности стране? Главная суть наследования в том, что титул, состояние, земли и другие важные для Ольбада ресурсы после смерти одного надежного человека переходят к другому, подготовленному к такой ответственности. Да, это не всегда работает, не всегда наследнику правильно прививают понятия долга и чести, не всегда он обладает нужными качествами — иногда просто не из кого выбирать. Но, Майя! Есть ведь разница, допускать к власти слабохарактерного лентяя — или решительную и безжалостную мразь.

— Неизвестно, что хуже, — проворчала я себе под нос из принципа и чистого упрямства. — Ладно, чтоб им всем посереть с их методами, теперь-то какой смысл спорить!

Ясно же, обсуждать бесполезно: у тезки давно уже сложилось мнение на сей счет, которое он не будет пересматривать. И наверняка это мнение куда более правильное, чем мое, все же Май вырос в этой среде. Но принять это я не могла. Причем избирательно: я признавала правоту Недича в вопросе наследования, но категорически не желала принимать связанную с этим — и,

может быть, действительно неизбежную — угрозу его жизни и здоровью. Сознала глупость и инфантильность подобной позиции, но это было сильнее меня.

Вот и пришлось сменить тему, чтобы не поругаться.

— У меня есть другой вопрос. Понимаю, что нужно было Шешелю, но при чем тут владыка?

Почему нельзя было поговорить в другом месте?

— Могу только предположить... Во-первых, ему просто интересно еще раз посмотреть на тебя, уже зная, кто ты такая, понаблюдать за нашим поведением, косвенно поучаствовать в дознании. Все же у него не так много развлечений, которые можно считать приключениями. А во-вторых, я же говорил, для него это расследование — дело чести, и странно удивляться его желанию держать руку на пульсе. Сегодня вот удалось выкроить время. И то, обрати внимание, он объединил сразу несколько вопросов, чтобы решить их за время одного завтрака...

— В лабораторном баке для отходов видал я такие завтраки! — вставил недовольный Горан, тоскливо глянув на циферблат наручных часов. — Дома поесть не успел, теперь до обеда мучиться голодным.

— Можно подкрепиться по дороге, — предложила я. — Мне кажется, Маю это тоже лишним не будет. Да и я совсем не против того, чтобы позавтракать. Надо было пораньше встать...

— Если бы заранее знать, что завтрак выйдет такой напряженный! — вздохнул Недич. — В прошлый раз мне повезло гораздо больше, все прошло мирно. Да и то, что я говорил про завтраки, это не мои личные наблюдения...

— Не успеем, — возразил Стевич. — Я как специалист категорически против того, чтобы Май сейчас садился за руль.

— Ничего, я поведу! — бодро заверила мужчин.

— То есть ты это всерьез предлагала? Тогда я лучше пешком, — попытался увильнуть Горан.

— Вот еще. Мы не можем тебе не помочь! — поддержал меня Май с совершенно честным видом, но я уловила в его голосе злорадство. Не зря, потому что тезка продолжил: — Ты мне за руль запрещаешь садиться? Вот и разделяй все тяготы своего решения.

— Так невеста твоя, не моя! — возмутился Стевич.

— Так и машину вести ее заставляю не я, а ты, — отбрил князь.

— Да ее заставлять не надо, она всегда готова какую-нибудь гадость сделать...

— Тебе? Это да, это с радостью! — поддержала я Недича, хотя в собственной способности справиться с вороним монстром не сомневалась.

В итоге все оказалось не так радужно, как ожидала я, но и не так трагично, как боялся Стевич. Я долго привыкала к ручке переключения передач на рулевой колонке — все время искала ее между сиденьями, не сразу освоилась с очень тугим рулем, с медлительностью и вальяжностью большого тяжелого автомобиля. Но за всю дорогу никуда не врезалась и, в общем, следуя указаниям Мая, без приключений довезла мужчин до самой Зоринки: позавтракать решили в столовой. Даже Горан со скрипом согласился, что был не прав на мой счет, вожу я очень неплохо. Особенно для первого раза и для человека, которому нет луны от роду.

За время пути Недичу заметно полегчало, а после плотного завтрака и не самого лучшего, но все-таки кофе даже профессор признал его достаточно оклемавшимся, чтобы не прописывать постельный режим. Так что в университете мы и остались.

На следующий день нам предстояло почти приключение. Май все же решил посетить прием, на который его пригласил кузен, и утро мы собирались посвятить подготовке к этому событию, начиная с посещения портных. Я поначалу хотела возразить: все же нарядное платье у меня было, и оно меня полностью устраивало, но потом убедила себя, что Недичу виднее. Может, это просто неприлично с точки зрения местных аристократов — два раза подряд являться в высшем обществе в одном и том же. Да и покрутиться перед зеркалом в эффектных нарядах хотелось, что уж там! Женщина я или как?

Недавнее беспокойство по поводу слишком ценных в материальном смысле знаков внимания за прошедшее время заметно поутихло. Слишком много всего изменилось за эти пару дней, и дергаться из-за подобных вещей уже не тянуло. Оказывается, статус любовницы меня в глубине души беспокоил и очень смущал, когда он являлся реальностью, а не плодом воображения сплетников, а вот роль невесты воспринималась совершенно иначе. Да и определенность долгосрочной перспективы ощутимо грела: я буду учиться в Зоринке, обязательно стану учиться хорошо и на стипендию, а это совсем не то же самое, что скучать дома на полном содержании у мужчины.

Перед выходом в свет на сей раз больше нервничал Май, хотя и старался этого не показывать. У меня же настроение было боевым, хотелось утереть нос всем вокруг и продемонстрировать то самое довольство жизнью, о котором я говорила тезке. Кажется, госпожа Рагулович его почувствовала — все же до чего мудрая и опытная женщина! — и платье подобрала с первой попытки. Прямое, алое, смело короткое по здешним меркам — на две ладони выше колен, без рукавов, но полностью закрытое сверху, оно почти идеально село по фигуре, и исправление этого «почти» должно было занять всего полчаса. А взгляд Недича, на несколько мгновений онемевшего от неожиданности при виде меня в обновке, окончательно убедил нас обеих в правильности сделанного выбора.

— Май, почему тебя так беспокоит сегодняшний вечер? — все-таки не удержалась я от вопроса, когда мы сидели в кафе, совмещающая приятное с полезным: обед с ожиданием готовности обоих костюмов.

— Я жду подвоха, — не стал отрицать Недич. — Там наверняка будет вся оставшаяся более-менее близкая родня, включая Любицу, а это не слишком радостная встреча. Не подумай, они все неплохие люди, просто... Дело во мне. Сложно заставить себя посмотреть в глаза прошлому. Но понятно, что бегать от него — глупо, сколько можно! А еще меня беспокоит, что там соберутся почти все возможные организаторы аварии. Всех аварий. Атмосфера заметно накаляется, развязка явно близка — или меня достанут, или Шешель все-таки выйдет на злодея. Мне совсем не хочется, чтобы ты в этом участвовала и подвергалась опасности. Но ты же не послушаешься, да? — рассеянно улыбнулся он.

— Конечно, как ты мог сомневаться! — невозмутимо подтвердила я.

— Не сомневался. И это меня беспокоит. Кроме того, я теряюсь в догадках, кого еще мог позвать Андрей.

— Например? — не поняла тезку.

— Я вроде бы упоминал, что раньше мы были с ним весьма дружны, проводили время в одной компании. Если разбираться, до аварии все мои друзья не по Зоринке были и его друзьями. Мне совсем не хочется возобновлять с ними какие-то отношения. И это уже не проявление застарелых привычных страхов, а сознательное решение.

— Друзья... И твоя бывшая жена — тоже? — сообразила я. Кажется, прозвучало очень ревниво, потому что тезка в ответ насмешливо улыбнулся.

— Вот о ком тебе точно не стоит беспокоиться, так это о Луизе, даже если она действительно там будет.

— Почему? Нет, ты не думай, я понимаю, что ревновать тебя к ней глупо, да и вообще к кому-либо, потому что я полностью тебе доверяю и ты никогда не опустишься до обмана. Но, по моему, ты недооцениваешь женскую мстительность. Мне кажется, «бывшая-твоего-парня» — это такой легендарный монстр, который, в отличие от «чудовища-под-кроватью», абсолютно реален... И в этом нет совсем ничего смешного!

— Я не исключаю, что ты права и разбираешься в женской мстительности гораздо лучше меня, но не в этом случае, — продолжая веселиться, пояснил Недич. — Луиза, она... А впрочем, расскажу, если ее действительно там не будет. Мне кажется, тебе лучше познакомиться с ней лично.

— Ну Ма-ай! — жалобно протянула я, сложив брови домиком. — Так нечестно! Я же теперь только об этом буду думать!

— Это вряд ли, — отмахнулся он.

— Я дурно на тебя влияю, — заметила ворчливо.

— А мне нравится, — возразил Май. Перехватил мою руку, легко поцеловал ладонь, не отрывая ласкового взгляда от лица. — Пару минут назад всерьез волновался, а сейчас немного поговорил с тобой — и опять чувствую себя на удивление беззаботным. Это приятно. Кажется, я даже в юности таким не был...

— Так сказал, как будто сейчас ты убежденный сединами мудрый старец, — фыркнула я. Но, конечно, тут же оттаяла. Ну как на него можно сердиться, когда он так смотрит?

— Кроме возраста биологического, есть тот, что в голове, — улыбнулся Недич.

— Погоди, а мы же на день рождения идем! Нам, наверное, нужен подарок? — опомнилась я. — А что можно подарить состоятельному человеку, у которого все есть?

— Как правило, такие вещи обдумывают заранее, но найти подарок кузену несложно: он очень любит необычные наручные часы, у него целая коллекция. Я еще утром позвонил одному хорошему мастеру, и он пообещал подобрать подходящие, — успокоил меня Недич.

Андрей Марич принимал гостей в особняке своего отца, расположенном в стороне от центра города, в тихом зеленом районе — может, не таком престижном, как окрестности дворца владыки, но исключительно живописном. Трехэтажный дом с украшенным барельефом фронтоном и колоннами выглядел строгим и как будто снисходительно поглядывал на гостей сверху вниз, не особенно радуясь шуму, но соглашаясь немного потерпеть. Особняк утопал в зелени небольшого, ухоженного тенистого сада, сразу добавившего в моих глазах очков владельцу: место выглядело чрезвычайно уютным, погожим днем тут наверняка очень приятно посидеть в беседке с книгой.

Подъездная дорога огибала сад, образовывала широкую площадку перед парадной лестницей, а потом убегала за дом — точно так же, как возле театра. Кажется, это был общепринятый способ организации движения. И точно так же один из ожидающих слуг принял у Мая вороненого монстра, чтобы отогнать его с глаз долой и освободить подъезд другим гостям.

Хозяин встречал гостей в холле. Не один, в компании невысокой и полной пожилой дамы с собранными в пучок светлыми кудряшками, одетой в ярко-желтое бесформенное платье. С одной стороны, смотрелось оно совершенно безумно и аляписто, а с другой... Вопреки здравому смыслу, даме этот наряд подходил. Она казалась в нем не грузной химически-желтой тучей, а нарядным садовым цветком или даже миниатюрным солнышком. Впечатление усиливала и задорная, сияющая улыбка. При виде нас женщина как будто с искренней радостью шагнула навстречу.

— Май! Боги, я до последнего не верила, что ты все-таки придешь! — пропела она очень красивым низким голосом, придающим экстравагантному облику дополнительную сумасшедшинку. На жену Андрия эта дама не походила ни манерой поведения, ни возрастом. Мама? Более чем неожиданная, но других вариантов у меня не было. — Дай я тебя обниму! Боги, бледный-то какой...

Она не только обняла, но притянула к себе за плечи явно смущенного таким приемом Мая и крепко расцеловала в обе щеки. Хозяин торжества, искренне потешаясь над этой картиной, стоял рядом.

— А ты, как всегда, выглядишь цветущей, — наконец нашелся тезка, выпущенный из мягких, но явно очень цепких женских рук.

— Ой, да куда уж мне, отцвела давно, — рассмеялась дама, с интересом поглядев на меня. — А эта юная особа, как я понимаю, та самая загадочная незнакомка, о которой судачит добрая половина Беряны?

— Я не знаком с доброй половиной Беряны, ты же знаешь, — немного вымученно улыбнулся Май. — Это моя невеста, Майя. А эта невероятная женщина — София, моя тетька, матушка виновника торжества.

— Очень приятно, — неуверенно улыбнулась я. Приятно было на самом деле, эта женщина понравилась мне с первого взгляда, но... Уж слишком эта тетька не походила на все мои ожидания, требовалось время, чтобы привыкнуть к реальности.

— А уж я-то как рада! Добро пожаловать в семью, — разулыбалась София. Точно так же обняла меня за плечи, как минуту назад Мая, притянула ближе, чтобы поцеловать, и под конец шепнула, весело сверкнув глазами: — Платье — просто взрыв!

— Спасибо, — растерянно кашлянула я.

— Проходите в гостиную, мы скоро к вам присоединимся. Вотждемся остальных гостей и придем, — напутствовала она.

Тем временем Май поздоровался с кузеном и перекинулся с ним несколькими общими фразами, а потом очередь поприветствовать хозяина приема дошла до меня.

— Чудесно выглядите, Майя, — чуть поклонился Андрей, вежливо коснувшись губами моей руки. — Поздравляю с помолвкой.

— Спасибо. А я вас — с днем рождения, — ответила ему, и Май увлек меня к открытой двустворчатой двери в конце холла.

— Какая своеобразная у тебя тетушка, — не удержалась я от негромкого замечания.

— В хорошем или в плохом смысле?

— В хорошем. Но очень... внезапная. По твоим рассказам о ее муже я ожидала совсем другого.

— Причина столь неожиданного выбора Миомира Марина в свое время стала главной городской сплетней, — вполголоса с улыбкой поделился Недич. — София и в юности была не менее эксцентрична, плюс ко всему она неаристократического происхождения. Но ее отец был очень богат, и большинство видело причину брака именно в этом.

— А это не так?

— Точно могут сказать только они двое, но мне кажется — нет. Дядя никогда не нуждался в деньгах, тем более настолько, чтобы ради этого жениться на столь неподходящей женщине.

— Просто ты романтик, — умильно вздохнула я, чем вызвала искреннее веселье тезки.

На этом разговор пришлось прервать, мы миновали короткий коридор и вошли в просторную гостиную к остальным приглашенным. Андрий не обманул, их было всего двенадцать человек: немного, даже если это всего половина гостей и остальные придут позже.

Глава семейства меня как раз не удивил. Чопорный, сухой, прямой как палка, мужчина неопределенного возраста и совершенно неприметной наружности. Запоминались в нем только плотно сжатые тонкие бледные губы и взгляд почти черных глаз, от которого хотелось поежиться, а фантазия навязчиво подкидывала образ нацеленного в лоб ружья. В общении он был холоден, краток, выглядел равнодушным не только к гостям, но и к собственному семейству, представленному сейчас тремя дочерьми и младшим сыном. Если отец Мая походил на этого человека и так же держался с близкими, питать к нему сыновние чувства тезке, наверное, действительно было трудно.

Одна из сестер Андрия походила на отца, столь же подчеркнута холодная и выдержанная, она была немного моложе брата, как негромко просветил меня Май, но намного серьезнее. Вторая, задумчивая и томная брюнетка, совсем не походила на родителей, но, по словам Недича, оказалась почти полной копией бабушки по отцовской линии. Третья по старшинству почти все взяла от матери — очень светлая шатенка с веселыми серыми глазами и живым нравом, который девушка безуспешно пыталась обуздать, стараясь вести себя более сдержанно в присутствии отца и гостей.

Самым младшим в семье был Неманя — невысокий серьезный парнишка четырнадцати лет, которого толстая книга в темной обложке интересовала гораздо больше собравшегося общества. Похоже, его сюда пригласили без возможности отказаться. Хотя к Маю мальчик относился с явным интересом и уважением, у них сразу нашлась общая тема для разговора — Зоринка и дирижабли.

В общем, ближайšie родственники оказались, на мой взгляд, вполне приятными людьми, совсем не заслуживавшими забвения и вычеркивания из жизни. Мы так и остались в компании Немани, с которым Маю, похоже, было легче всего.

Кроме близких, присутствовало несколько друзей Андрия. Со всеми ними Недич был знаком, и все они, кажется, относились именно к той категории людей, с которыми тезка не желал возобновлять общение. Держались они вполне достойно и производили хорошее впечатление, но тут я больше доверяла мнению тезки.

Вскоре появилась Любица с мужем в сопровождении Софии. Судя по всему, хозяйка прекрасно знала о натянутых отношениях брата и сестры и постаралась смягчить их встречу. Однако Чичич действительно умела держать себя в руках, Май был прав: она даже не стала демонстративно игнорировать нас, прохладно и равнодушно поздоровалась и поспешила завести разговор с кузинами.

Появилась и пресловутая Луиза со своим нынешним супругом, и уже одно это заставило меня облегченно перевести дух. Она оказалась эффектной и очень яркой брюнеткой с точеным лицом, светлой кожей и роскошной фигурой; не женщина — картинка. Да я другого и не ожидала.

— Добрый вечер, — поздоровалась она, остановившись рядом с нами. — Рада, что ты наконец проявил здравый смысл и выбрался из своей норы.

— Здравствуй, Луиза, — столь же ровно ответил Недич.

Я успела достаточно хорошо изучить тезку, чтобы понимать: он действительно совершенно спокоен и не питает к этой женщине никаких глубоких чувств, включая обиду. А вот остальные присутствующие явно косились на нас и с интересом прислушивались, ожидая сцены или хотя бы небольшого повода для пересудов: какой пикантный момент, первое столкновение пары

после скандального развода! Но никто, похоже, не собирался радовать сплетников, общение проходило исключительно мирно. Бывшие супруги невозмутимо представили друг другу нынешних избранников, перекинулись общими, светски-приличными фразами. Мы же с Янгао, как звали нового мужа Луизы, крепкого темно-рыжего мужчину со множеством веснушек, поглядывали друг на друга с роднящим облегчением: он, похоже, свою супругу тоже ревновал. — Я очень рада за тебя, — задумчиво заметила Луиза. — Хотя есть смутное ощущение неловкости, словно ты был так на меня сердит, что новую даму сердца выбрал от противного. — Большой вопрос, кто кого выбрал, — иронично отозвался Май.

Пообщавшись с этой женщиной подольше, я поняла, почему Недич совершенно не опасался встречи с бывшей супругой и советовал мне не беспокоиться. У нее имелись две черты, надежно страхующие от скандала. Во-первых, Луиза оказалась женщиной умной и рассудительной, а во-вторых — хладнокровной и очень рациональной. Видимо, они с Маем не только расстались без серьезных моральных травм, но и поженились без особых страстей: эта дама на них, кажется, вообще была не способна. Не знаю уж, как тезку угораздило выбрать подобную.

Дальше вечер пошел вполне мирно и как-то камерно. Разговоры, игры в пантомиму, шарady и фанты, вкусный ужин... Не могу сказать, что происходящее идеально отвечало моему пониманию хорошего отдыха в теплой компании, но это было совсем не так ужасно, как я представляла со слов Мая.

После ужина решили танцевать, но я этого не умела и учиться не стремилась, поэтому предложила тезке пойти проветриться и подышать свежим воздухом. Тем более что идти недалеко: из гостиной, в которую мы вернулись после застолья, через большую стеклянную дверь можно было выйти на террасу, идущую вдоль задней стороны дома.

С этого низкого балкона в сад спускались две широкие лестницы — падающего из окон света вполне хватало, чтобы их видеть. Из распахнутых дверей доносились заводная музыка и голоса, а если прислушаться к темноте сада, можно было уловить шелест ветвей и голос какой-то ночной птицы.

Май сразу же снял пиджак, чтобы накинуть мне на плечи, я ухватила за локоть мужчины, и мы медленно двинулись вниз по широким ступеням, белеющим в темноте.

— Хорошо, — рассеянно заметила я, когда мы ступили под сень деревьев.

Здесь оказалось совсем не так темно, как виделось сверху: вдоль дорожки тянулась вереница тусклых огоньков, позволявших видеть неровности мощеной дорожки и не спотыкаться на каждом шагу.

— Да, пожалуй. С тобой посещение этого сборища оказалось гораздо приятнее, чем я мог надеяться, — хмыкнул тезка.

— А что, без меня они ведут себя как-то по-другому?

— Нет. Опять дело не в них, а во мне. Никогда бы не подумал, что показывать «кродила на пальме» действительно весело... Я обычно проводил подобные вечера как Неманя, в углу с книжкой, и при первой же возможности старался удрать.

— И Луиза не возражала? — осторожно уточнила я.

— С чего бы? — усмехнулся Недич. — Но я так понимаю, это была попытка подвести тему к интересующему тебя вопросу, да?

— Ну... отчасти. Я просто не могу понять, как вы сошлись, и представить вас супружеской парой.

— Что ты, это была совершенно типичная пара и типичная история. Мы друг для друга оказались подходящей партией, ну и как-то вот так получилось. Неплохо ладили, и я до недавнего времени искренне недоумевал, почему Стевич и остальные университетские знакомцы относятся к ней с такой неприязнью. Все же столкновение двух разных миров — очень сложная штука, — заметил Май задумчиво. — Интересно, мне понравилось бы в твоём мире?..

— А ты и так в нём. Другого у меня нет, — отозвалась я и выразительно потерлась щекой о его плечо.

ГЛАВА 12

С точки зрения злодея, счастливый финал — понятие спорное

— Надо же, не сбежали! — нарушил тишину голос виновника торжества.

Мы как раз только-только дошли до аккуратной скамейки под каким-то развесистым и благоухающим цветами кустом и уютно устроились в обнимку, и я только успела подумать, что место очень располагает к поцелуям, а тут — пожалуйста, явился! Как можно быть таким бестактным? А если бы мы уже начали целоваться?!

С другой стороны, очень хорошо, что он пришел именно сейчас, пока мы действительно не начали. А то еще неизвестно, чем бы закончили! Одного чужого дивана вполне достаточно для столь короткого срока отношений.

— Ты же знаешь, я бы не ушел без предупреждения, — отозвался Май. — Просто захотелось немного свежего воздуха.

— Понимаю, — весело хмыкнул Андрий. В царящем в саду сумраке лицо мужчины виделось слегка подсвеченным желтовато-голубым пятном, но, готова поручиться, взгляд его выразительно скользнул по мне. — Надеюсь, ты не жалеешь о потраченном времени?

— Нет, что ты. Я, кажется, учусь получать от этого удовольствие. Мне все понравилось, честно, и я очень рад, что рискнул прийти.

— Я даже знаю, кого стоит за это благодарить. Вы уже определились с датой свадьбы? Прямо сейчас или есть время подготовиться? — насмешливо спросил кузен.

— Мы еще не думали, — растерялся Май. — Точно, до гроздобора надо успеть, осенью же начало учебного года. Но вряд ли прямо завтра... А сколько тебе надо времени на подготовку? И какого рода?

— Да я хотел пару лебедей сделать, мне кажется, вам бы они подошли. Но не уверен, что успею за такой срок, — пояснил хозяин приема.

Почему-то Май на этих словах ощутимо напрягся. Напружинился, словно подготовился к прыжку, рука на моем плече сжалась крепче, почти причиняя боль.

— Что значит «сделать»? — озадачилась я.

— Андрий увлекается таксидермией, он хороший чучельник, — пояснил Недич.

— Ой, нет! А можно как-нибудь обойтись без мертвых птиц? — Я ужаснулась. — Нет, понятно, это сложное искусство, в котором Андрий, наверное, мастер, но... Может, пусть лучше эти лебеди живут дальше там, где живут сейчас, а?

— Какая чувствительная девушка, а на первый взгляд и не скажешь, — рассмеялся Марич.

— Андрий, я помню, у тебя был телефон... Можно им воспользоваться? — вдруг спросил Май, поднимаясь с места. Я машинально последовала его примеру.

— Да, в кабинете, — кивнул Андрий. Шагнул в сторону, словно бы освобождая дорогу. Что-то тихо металлически шелкнуло, и мужчина продолжил, спокойный и собранный: — Только ты им не воспользуешься. Без глупостей, ты же понимаешь, что с такого расстояния я по твоей невесте не промахнусь даже в крошечной темноте?

— Все-таки ты, — тяжело уронил Май.

— Все-таки ты вспомнил, — откликнулся кузен почти в том же тоне. — Извини, Май, ничего личного. Ты мне нравишься, и невеста твоя тоже, я хотел все сделать аккуратно, чтобы тебя можно было по-человечески похоронить. Но, увы, придется действовать иначе.

— Тебя поймают. Никто не поверит, что мы просто ушли и пропали по дороге.

— Поверит или нет — дело десятое, а машину и тела все равно не найдут. Живая плоть разлагается гораздо быстрее металла.

— А теперь ты расскажешь нам, почему это сделал? — нервно хмыкнула я, цепляясь за локоть Недича.

— Нет, я просто дождусь, пока артефакт сработает. Это должно случиться... сейчас!

Май сгреб меня в охапку, закрыл плечом. Я испуганно зажмурилась с мыслью, что вот прямо сейчас узнаю, как выглядит светящийся тоннель, в который люди попадают после смерти. Почему в тоннель? Почему в светящийся? Да боги знают, какая еще ерунда может прийти в голову, когда старательно готовишься умереть!

Однако не появилось ни тоннеля, ни боли. Только крики ночной птицы и темнота — глаза-то оставались закрытыми.

— Это... как?! — потрясенно пробормотал Андрия: для него отсутствие разрушительного эффекта тоже оказалось сюрпризом.

Я едва удержала рвущийся с языка вопрос, а ту ли кнопку он нажал и не забыл ли о предохранителе?

Наверное, все-таки успела бы что-то такое ляпнуть, потому что кузена поломка секретного оружия совершенно деморализовала, и он даже не вспомнил о банальном пистолете в руках. Но в этот момент очнулся Май, который предпочел разговору действие.

Он резко оттолкнул меня в сторону, так, что я с размаху влетела в аккуратно подстриженный куст у дорожки, и, кажется, бросился на Андрия. Куст оказался большим и цепким, на борьбу с ним и освобождение ушло некоторое время. Я тихо ругалась сквозь зубы, шипела, царапаясь о ветки, и напряженно прислушивалась к возне на дорожке. Резкие возгласы, звуки ударов, тяжелое дыхание — попробуй пойми, кто побеждает!

Когда я наконец вылезла из куста, разобрать, что происходит, все равно не получалось: мужчины дрались на земле.

— Пять-семнадцать-сорок четыре! — выдохнул Май. — Звони Шешелю!

Я замерла в растерянности: как можно уйти и бросить его одного?!

Но тут включился здравый смысл, который напомнил, что помочь я в любом случае не могу. Если Недич сейчас не одолеет кузена, мое нежелание бросить тезку станет той самой глупостью, за которую мы оба заплатим жизнью. Поэтому я сбросила непригодные для пробежек туфли и припустила по дорожке со всей быстротой, на какую была способна, как заклинание повторяя на бегу названные Маем числа.

Мое появление в гостиной, конечно, не осталось незамеченным — всклокоченная, босая, испарпанная, с наверняка безумным взглядом...

— Майя, что случилось? — первой сориентировалась Луиза.

— Где... телефон?.. — выдохнула запыхавшаяся я. — Андрия убийца. Май с ним дерется. Надо вызвать помощь.

— Что за ерунда? — ахнул кто-то. Поднялся бессмысленный гомон, а я потерянно озиралась, понимая, что понятия не имею, где в этом доме кабинет.

— Пойдем, — снова пришла на выручку бывшая жена Недича и, ухватив меня за локоть, потянула к одной из боковых дверей.

Кажется, я уже знала, что Май в ней нашел.

Пока мы добирались до телефона, я немного отдышалась и собралась с мыслями, так что звонок следователю много времени не занял. Стеван ответил так быстро, словно дежурил у телефона, и на мое отрывистое, сформулированное по дороге: «Андрия убийца, мы в его доме», — ответил не менее кратким: «Буду через десять минут».

После этого я рванула было обратно к Маю, но Луиза буквально схватила меня за шкуру.

— Успокойся, — твердо велела она. — Ян, Добрило, Варг и Шарай пошли в сад, они всех найдут и приведут. Что бы там ни случилось, нет никакой необходимости бежать в темноте обратно, мужчины способны разобраться самостоятельно.

— А если не найдут? — возразила я, но из чистого упрямства, внутренне признавая правоту женщины.

Плевать, даже если меня трясет от мысли, что Май в это время может нуждаться в помощи, лежать там раненым или и того хуже... Нет, об этом точно лучше не думать! Главное, даже если я прибегу, я-то ему ничем не помогу.

— Тут весь сад можно обойти за пять минут, — отмахнулась Луиза. — Оставь мужские дела мужчинам, а тебе пока стоит умыться и обработать ссадины.

Нет, я определенно знаю, что нашел в ней Недич! Она уже и мне нравится...

Когда мы спустились в гостиную, мужчины успели вернуться. К счастью, Май оказался среди них — помятый, но живой. Он что-то тихо и напряженно обсуждал в стороне с Миомиром, однако при моем появлении отвлекся и даже успел поймать в объятия. Я его с разгона, правда, чуть не сбила с ног, но это мелочи.

— Как же ты меня напугал! — рвано выдохнула куда-то ему в подмышку.

— Все в порядке. Теперь — точно, — неразборчиво ответил Недич. Он старался говорить, почти не разжимая губ: нижняя была разбита.

— Я хочу пистолет и научиться стрелять, — продолжила тут же.
— Через мой труп, — нервно засмеялся тезка.
— Вот чтобы в следующий раз было не через него, надо озаботиться средством самообороны заранее!
— Следующего раза не будет. Ты позвонила Шешелю?
— Да, он уже должен был...
— Так, ну что у нас плохого, где мои трупы? — раздался бодрый голос к ночи помянутого следователя, вошедшего в сопровождении слуги и пары дюжих хмурых парней в форме. — Опознать можно? Так, этот ходит... Да и второй тоже живой! Нет, ну так нечестно, а как же долгие разбирательства в суде о допустимых методах самообороны?
— Шешель, не трещи, без тебя тошно, — проворчал Май.
— Вы — следователь? — резко спросил до этого момента молчавший Миомир.
— Я — да, а вы?..
— Я хозяин этого дома. И я требую объяснений.
— Публичных или частных? — невозмутимо уточнил Шешель, обводя взглядом притихших гостей.
— Частных, — решил Марич. — Прошу за мной в кабинет.
Через несколько минут в том самом кабинете, из которого я звонила следователю, собралась небольшая и очень наэлектризованная компания. Хозяин дома мрачно сидел за столом, нахохлившимся сычом глядя на остальных. На стуле у двери, с одним из стражей за спиной, разместили Андрия. Руки ему развязали, да оно и понятно — куда теперь-то бежать! Кузен сидел с отсутствующим и равнодушным выражением на разбитом лице.
Глядя на него, я мелочно и мстительно радовалась, что Маричу досталось гораздо сильнее, чем Маю.
Меня Май усадил в кресло, сам устроился на широком подлокотнике. Второе и последнее кресло занимала — неожиданно для нас и, похоже, для себя — Любица. Она сердито хмурилась, но при этом казалась какой-то... потерянной. Шешель, засунув руки в карманы брюк, разглядывал нас с явственным, демонстративным удовольствием и даже как будто гордостью.
— Собственно, дело у нас ясное, для суда доказательств более чем достаточно, — заговорил наконец Стеван. — Но для полноты картины не хватает пары деталей, которые мы сейчас будем прояснять. Кроме того, почтенный хозяин дома, — вежливо кивнул он в сторону Миомира, — жаждет подробностей, и это его право. Если никто не возражает, я начну именно с удовлетворения его любопытства и поясню, что происходит. Задержание преступника. Мне очень жаль, но ваш сын — чудовище, — бодро и даже как будто радостно, явно без какого-либо сожаления, сообщил Шешель. — Именно он организовал прошлогоднюю аварию дирижабля, в которой погиб предыдущий князь Недич почти со всем своим семейством, кроме младшего сына и дочери, коих мы здесь наблюдаем почти в добром здравии. За минувшее с крушения дирижабля время Андрий Марич несколько раз предпринимал попытки устранить нынешнего князя, представив его смерть как несчастный случай. И, судя по всему, ощущал себя в полной безопасности, поэтому не спешил, каждую попытку готовил с особым тщанием и старался не повторяться. А вот когда наш Май влюбился и начал таять, как мороженое в летний полдень, убийца занервничал, опасаясь, что единственный свидетель что-то вспомнит об аварии. И начал оставлять следы, как это часто бывает. Кстати, Май, ты, как я понимаю, вспомнил и проболтался-таки об этом кузену? Просто иначе резкий переход от напряженного ожидания к прямым угрозам я объяснить не могу.
— Вспомнил, — нехотя согласился Недич. — Не проболтался, но, видимо, вызвал подозрения. Извини, я не профессионал, чтобы сохранять невозмутимость в таких обстоятельствах...
— И что именно вспомнил?
— Глаза. У крысы на корабле и у той, которую Майя поймала в кабинете, были очень своеобразные глаза. Андрий точно такие делает для своих чучел.
— Вот как? Изумительно, одним доказательством больше!
— Какие крысы? Что за чушь? — хмуро спросил Миомир.
— Чудесные крысы! Гениальное изобретение, между прочим, за один только патент и некоторые остроумные решения, примененные в процессе создания, Андрий мог получить огромные деньги. Маленькие, незаметные, пронырливые искусственные зверьки с

механической начинкой, способные, подобно прототипу, проникнуть куда угодно, незаметно следить или доставить, куда нужно, артефакт со смертоносными чарами и активировать его. Чары тоже хороши, зеленая и синяя магия изумительно тонкой работы. Вот только экранируется легко, какая жалость для автора.

— Экранируется? — спросил Май. — Погоди, именно поэтому у него не сработал артефакт? Но куда ты этот экран дел?!

— Для надежности его незаметно привесили к нескольким основным подозреваемым, разумеется, включая твоих дражайших родственников. Есть у следственного комитета методы и ловкие люди, да. Сам понимаешь, рассчитывать на твою собственную инстинктивную защиту в такой ситуации глупо. Тем более я уже сомневаюсь, что от нее что-то осталось. Надо, кстати, сдать тебя хроматологу...

— Не отвлекайся, мое здоровье тебя никаким боком не касается, — оборвал его Недич.

— Ничего, я идею понял, а потом тебя самого любопытство замучает, — невозмутимо продолжил Шешель. Однако действительно вернулся к изначальной теме разговора. — В общем, убийца все идеально продумал: крыс никто не видит, дело делается, а сам организатор в это время создает себе железное алиби и никак не может быть связан с преступлением. Одного он не учел, что любое воздействие всегда оставляет следы. При наличии крысы и артефакта увязать воедино все происшествия сможет даже самый ленивый и тупой судья, а мы же еще и лабораторию найдем! Ну, что поделывать, всего не предусмотреть, в чем-то прокалываются даже величайшие умы. Но, несмотря на это, все равно — талант! Такие бы таланты, да в мирное русло! Эх! Я только не понимаю, зачем все это было? А? Дело явно не в деньгах, а в титуле. Неужели он настолько важен?

Подозреваемый даже не повернулся, так и продолжал сверлить равнодушным взглядом стол.

— Андрий, зачем ты это сделал? — тихим, замораживающим голосом спросил Миомир.

— Я бы на твоём месте был более разговорчивым и покладистым, — задумчиво, словно обращаясь к самому себе, заметил Шешель. — Владыка, видишь ли, очень, очень на тебя сердит. Конечно, сотрудничество со следствием не избавит от смертной казни, но... смерть тоже разная бывает. Владыка уверен, что обыкновенное повешение — слишком легкий финал для существа с подобными наклонностями, и с большим интересом изучает историю наказаний. Пока у него лидируют два варианта: «колодец» и «бочка». А, вижу, с историей ты знаком. Ну что, замолвить за тебя словечко? Я, конечно, владыку убедить не сумею, но зато мы с Маём сможем склонить к гуманности владычицу, а уж она повлияет на супруга. Так что я повторяю вопрос: зачем ты это сделал?

— Отцу, мне кажется, странно задавать этот вопрос, — медленно проговорил Андрий, похоже, оценивший угрозу.

— Что за чушь? — еще больше нахмурился Миомир.

— Чушь?! — буквально выплюнул сквозь зубы Марич-младший. — Ты старший сын, ты должен был стать наследником титула! Ты в свое время не сумел настоять на своем и убедить отца, так я попытался исправить твою ошибку!

— Исправить... ошибку? — с расстановкой переспросил хозяин дома, медленно поднимаясь из-за стола. Губы его побелели, а лицо, наоборот, пошло красными пятнами. Я смотрела на него с возрастающей тревогой: как бы мужчину удар не хватил! — Отправив к богам моего брата и еще две сотни человек, ты восстановил справедливость?

Пытаясь убить своего брата, с которым вместе вырос, ты боролся за правду?

— Голос его дрожал от ярости и срывался на сиплое шипение. — Ошибка... Идиот! Если бы не было этой ошибки, не было бы тебя! Вот уж где действительно ошибка...

— Что ты имеешь в виду? — явно растерялся Андрий.

— Ни твой покойный дед, ни покойный папаша нынешнего владыки не допустили бы брака князя с дочерью торговца, сделавшего состояние на свинине! — ядовито процедил Миомир. Прикрыл глаза, грузно опираясь на стол, медленно вздохнул и уронил тяжело: — Ошибка... Боги, где-то я действительно очень ошибся, если из моего первенца выросло... такое... На несколько секунд повисла тишина, потом хозяин дома обессиленно рухнул в кресло, оперся локтем о подлокотник и прикрыл ладонью лицо.

— М-да, — кашлянул в конце концов следователь, нарушая повисшую тишину. — Действительно, тяжелый случай. Я в таких ситуациях очень радуюсь, что у меня нет детей. Во всяком случае, знакомых мне.

— Шешель, ты можешь хоть раз в жизни проявить хоть немного такта? — мрачно уточнил Май.

— Нет, — ответил тот лаконично, но потом все же пояснил: — Его и без меня найдется, кому проявить, а вот людей, способных говорить правду в глаза, в природе немного. Ладно, тут логика понятна, и, в общем-то, лично у меня остался всего один вопрос. Ты покушался только на Мая, но при этом даже не пытался как-то подставить его сестру, которая тоже может претендовать на наследство. Ты оставил подставу для Любицы на потом или имел какой-то другой способ убрать ее с дороги?

— Да ее подставлять особо не надо, — хмыкнул Андрий. — Весь город в курсе, как эта истеричка ненавидит брата, одно это уже тянет на мотив! А если бы не получилось переложить вину на нее — доверчивая и незамужняя дура всяко не лучшая кандидатура на роль наследницы.

— С каких пор? — явно растерялся Май.

— А с самого начала, — с удовольствием ответил ему кузен. — Или я что-то пропустил и у нас в стране уже разрешено двоеженство?

— Ты врешь! — резко поднялась с места Любица, до сих пор сидевшая так тихо и неподвижно, что о ее присутствии несложно было забыть.

— Зачем? У меня и документы есть, я с радостью их предоставляю. Первая, то есть настоящая жена этого содержанца живет и здравствует на восточном побережье на те деньги, которые он старательно и с успехом выдаивал у столичной дуры.

— Ты врешь, врешь! — повторила женщина, сжимая кулаки. — Дор любит меня!

— Ну, в его голову я не влезал, может, и любит. С такими-то деньгами! Только вряд ли он подтвердит твои слова и утешит. Бьюсь об заклад, он уже на пути из столицы: удрал, как только запахло жареным. Подобного сорта аферисты прекрасно чувствуют, откуда дует ветер и что он может принести.

— Ты врешь! — взвизгнула Любица. На глазах выступили слезы, рот конвульсивно изогнулся в истерической гримасе, женщина бросилась на Андрия, явно намереваясь придушить братца. Шешель и пальцем не шевельнул, чтобы остановить ее, его помощник — тоже, зато сестру крепко перехватил Май.

И у меня язык не повернулся бы сказать, что тетка напрасно лезет. Да, сестрица попортила ему немало крови, и вела себя совершенно по-скотски, и вообще показала себя неприятной особой, но... сейчас она выглядела настолько жалкой, что даже мне хотелось попытаться ее утешить.

— Не нужно, — тихо, но твердо проговорил Недич и сгреб сестру в охапку. — Он того не стоит.

— Ненавижу! — сквозь слезы выдохнула Любица, вырываясь. Толкнула брата в грудь. — Хватит меня жалеть! Хватит быть таким добреньким! Хватит! — Она замахнулась для нового удара, но Май аккуратно, по очереди перехватил ее запястья. — Сколько можно быть такой тряпкой? Сколько можно жалеть?! Терпеть?! Ненавижу! Хоть раз кричи! Ударь! Ну! Ненавижу!

— Успокойся, — увещевая проговорил растерянный Май. Перехватил ее запястья одной рукой, крепко прижал женщину, готовую начать брыкаться, к себе.

— Ненавижу! Я! Я! Я! Я! Я одна во всем виновата! Хватит меня прощать и жалеть!

— Что ты несешь, Лю? — спросил Недич ошеломленно.

— Из-за меня все сели в этот проклятый дирижабль! Папа хотел меня порадовать! Они все, все, все умерли из-за меня, и ты тоже... Хватит меня жалеть! — Она пыталась говорить что-то еще, но задохнулась от рыданий, и сквозь звериные подвывания разобрать слова уже было нельзя.

Обмякла в руках брата, вцепилась обеими руками в его пиджак и редела взхлеб, сотрясаясь всем телом.

Эта сцена даже Шешеля, кажется, проняла; во всяком случае, лезть со своими комментариями он не спешил. Хотя, судя по тому, как следователь недовольно морщил нос, он просто относился к числу мужчин, не выносящих женских слез, и сейчас опасался привлечь к себе лишнее внимание. А ну как и его накроет слезоразливом?

Я же тихонько выбралась из кресла и по стеночке подкралась именно к следователю, как к наиболее вменяемому сейчас человеку. Нет, еще Андрий был спокоен и наблюдал за происходящим с пакостной ухмылочкой, но не его же просить о помощи!

Конечно, Шешель мой маневр заметил и спросил негромко, когда я подошла:

— Это что было?

— Попросить хочу. Я же телефонов никаких не знаю, а тут, мне кажется, очень нужен доктор. Я не специалист, но, по-моему, это уже не обычная женская эмоциональность. Может, Стевича позвать? Или другого какого мозгоправа?

— Дело говоришь, — одобрительно кивнул мужчина и, как я, «огородами», пробрался к стоящему на столе телефону. Я же тихонько вернулась в кресло.

Доктор приехал быстро, минут через десять, за прошедшее до его прибытия время в кабинете ничего не изменилось, присутствующие не сдвинулись с мест. Не считая Шешеля, который вышел предупредить слуг о визите специалиста.

Не знаю, звонил следователь конкретному знакомому или в какую-то службу экстренной помощи — к стыду своему, я поняла, что не в курсе, существует ли подобная или это опять привет из прошлой жизни, — но врач произвел исключительно положительное впечатление. Еще довольно молодой, очень энергичный и деятельный мужчина, который незаметно и ненавязчиво разрядил наэлектризованную атмосферу и рассеял нашу компанию.

Он решительно заявил, что Любице надо лечь. Взявший себя в руки Миомир вызвался распорядиться о подготовке комнаты для племянницы. Май понес совершенно невменяемую сестру в указанном направлении. Стражников вместе с арестованным и собранными уликами и доказательствами следователь отослал. Как-то незаметно в кабинете остались только притихшая в кресле я и плюхнувшийся в соседнее Шешель. Мы задумчиво уставились друг на друга.

— Неужели все? — уточнила я наконец. — История закончилась и больше никаких покушений?

— Да кто ж вас знает, куда вы еще влезете, — хмыкнул в ответ Стеван. — Но я искренне надеюсь больше никогда не встречать в бумагах у себя на рабочем столе фамилии Недич, хватит с меня вашей экспрессивной семейки.

Я сначала хотела возразить против «вашей», но осеклась. Никак не привыкну к стремительно изменившимся обстоятельствам. Выходит, действительно — нашей...

— Следующий раз Мая начнут шантажировать моим происхождением, если вдруг кто-то докопается, — предположила я.

— Если кому-то в голову придет такая светлая идея, сразу звони мне, — отмахнулся Шешель. — Я этому идиоту популярно объясню, что случается с людьми, разглашающими государственные тайны. Вмешательство в личную жизнь — это штраф или арест на луну, шантаж — необременительное тюремное заключение. А вот за раскрытие сведений о секретных экспериментах упекут далеко и надолго, если не навсегда. Телефон записать?

— Да я его на всю жизнь запомнила. — Меня передернуло от воспоминаний о тех минутах, когда я бежала звонить, до смерти боясь за жизнь Мая. — Кстати, об упекании! Владыка действительно хочет как-то особо изошренно казнить Андрия или ты приврал для усиления эффекта?

— А ты какой вариант предпочитаешь? — кокетливо уточнил следователь.

— Правильный, — не поддалась я на провокацию.

— Ну а правда, как всегда, где-то между, — развел руками Шешель. — Владыка действительно очень сердит и действительно высказывался в том смысле, что обычное повешение для этого преступника — слишком мягкая мера и было бы неплохо применить к нему что-то из изобретений прошлых веков.

— Но?

— Но менять законы ради одной сволочи никто в любом случае не станет. Зачем бросать оппозиции такую крупную кость, как возможность обвинить владыку в изуверстве?

— Вместо изощренной казни можно дать пожизненный срок. В одиночке, — задумчиво предложила я.

— Какая страшная, жестокая женщина! — с явным одобрением присвистнул Шешель. — Я обязательно поделюсь этой идеей. Хотя что-то мне подсказывает, что кровожадности владыки не хватит, чтобы побороть его рациональность.

— В каком смысле?

— Молодой здоровый мужик в расцвете сил даже в одиночке проживет не меньше десяти лет, если не морить его целенаправленно. Все это время его надо кормить, охранять, убирать за ним, и все за казенный счет. Боюсь, владыка не настолько злопамятен.

На этой позитивной ноте наш разговор прервался тихим шелестом двери, впусившей в кабинет Мая.

— Вот ты где, — криво улыбнулся мужчина.

Судя по всему, доктор не сумел пройти мимо разукрашенной княжеской физиономии, поэтому Недич был кое-где смазан чем-то морковно-оранжевым, а кое-где заклеен пластырем. Почему-то от этого тезка приобрел гораздо более разбойный вид, чем тот, который имел после драки.

— Как Любича? — участливо спросила я, когда Май примостился на подлокотнике, накрыв ладонью мое плечо.

— Плохо, — хмуро сказал он. — То есть она уснула, но доктор сказал, что ее состояние вызывает опасения. Ничего такого, чего нельзя исправить, нет, это обнадеживает, но он настаивает на том, чтобы показать Любичу психиатру и, скорее всего, поместить в клинику. У нее нервный срыв и вообще очень тяжелое психологическое состояние, и все это в крайне запущенном виде. А я еще спорил с тобой, говорил, что она в порядке! Надо было раньше обратиться к врачу...

— Ну вот, ты еще себя начни грызть за это! — Я возмущенно ткнула Мая кулаком в бедро. — Напоминаю кому-то очень ответственному, что этого кого-то самого не могли полгода загнать к врачам!

— Ну, у меня все было не настолько плохо, — возразил Недич, но под моим негодующим взглядом прозвучало не очень уверенно.

— Давай поговорим об этом со Стевичем? — мрачно предложила я. — Готова спорить: я знаю, что он тебе скажет!

— Не надо, я тоже это знаю, — поспешил сдать назад тезка.

— Правильно, ты лучше не спорь с этой женщиной, — заржал Шешель. — Она жуть какая грозная! Ладно, хорошо с вами, но пойду разгрести все, что мы тут нарасследовали.

Называется, решил выспаться в собственный законный выходной, — хмыкнул он, бросив выразительный взгляд на часы, стрелки которых сошлись вблизи единицы.

— Хочешь остаться тут, с Любичей? — осторожно спросила я у Мая.

— Нет. Поехали домой. Оттого, что я усну в своей постели со своей женой, никому хуже не станет, — решил он и потягнул меня за руку из кресла. — Приедем завтра.

— Пока не женой, — поправила я педантично.

— Боги, Майя! Ты можешь хотя бы сейчас не спорить? — тихо засмеялся он. — Я готов немедленно затащить тебя в храм, растолкать жреца и доплатить за срочность, но мне очень хочется, чтобы хотя бы

это

событие в нашей жизни прошло так, как нужно, а не так, как получится. Поэтому пока — просто привыкай, хорошо?

— Хорошо, — покладисто согласилась с ним. — Я не против, так просто, для порядка. Ну и... брежу немного после всех сегодняшних событий, — призналась виновато.

Особняк Маричей притих, никто внизу не караулил, так что мы потихоньку вышли и без приключений добрались домой. Там я, конечно, сначала поохала над расцвеченными синяками ребрами Мая, но тому это быстро надоело, и вскоре тезка меня убедил, что чувствует себя неплохо. Пожалуй, это оказалось лучшим лекарством от тревог насыщенного вечера для нас обоих: где-то через час мы спали крепко и без сновидений.

Наутро первым делом отправились обратно, к Любиче. Благородный Май, вспомнив о неприятном опыте моего общения с этой женщиной, предлагал мне остаться дома, но я

отказалась. Во-первых, это по-свински — бросить мужчину одного расхлебывать все жизненные неурядицы, во-вторых, не так уж я и сердилась на его сестру, чтобы что-то ей припоминать: подумаешь, немного поцапались! Ну а в-третьих, мне было ее очень жалко — и из-за срыва, и из-за предательства мужа. Это мне слишком эффектный актер с первого взгляда не понравился, а она-то его, похоже, искренне любила, несколько лет прожила с ним, верила... А может, в глубине души ощущала фальшь, но после смерти семьи ей больше не на кого было положиться, с Маем-то изначально умудрилась разругаться. Тут, конечно, можно долго рассуждать о степени ее ответственности за последнее обстоятельство, но какой толк от этого теперь? Лучше перевернуть страницу и начать отношения заново, с учетом прежних ошибок. А когда мы взглянули на Любицу утром, возможные претензии и вовсе застряли в горле. Бледная, буквально прозрачная — сущее привидение с потухшим взглядом и глубокими тенями вокруг глаз, она за ночь постарела на пару десятков лет — внутренне, без морщин и седины. Голос тусклый, улыбка — мертвая... кошмар!

После такого зрелища Мая пришлось отпаивать брадой, очень уж впечатлило его преобразование сестры. Причем хозяйничать в кабинете Миомира вынуждена была я: самому хозяину стало не до гостей, от переживаний слегла София, да и сам Марич-старший, погруженный в невеселые мысли, ходил мрачнее тучи.

Впрочем, потом пришел доктор. Не вчерашний, оказавший срочную помощь, а специалист-мозгоправ. Осмотрел Любицу, о чем-то долго разговаривал с ней наедине и успокоил нас, уверив в благополучном исходе. На его взгляд, отсутствие суицидальных мыслей и общее достаточно адекватное восприятие ситуации являлись отличными условиями для работы, а наличие искренне переживающей за больную родни — замечательным подспорьем.

Мозгоправ уверил, что вчерашняя вспышка, по-видимому, являлась прорвавшимся нарывом и пошла большой только на пользу. Прежде Любица подавляла в себе чувство вины, глубоко переживала смерть родных и, не в силах наказать себя самостоятельно, очень странным путем пыталась подтолкнуть к этому брата, считая себя недостойной его хорошего отношения. А теперь эта боль вырвалась наружу, и с ней стало куда проще работать. Женщина сама согласилась лечь в клинику, и Май не стал спорить. Любице действительно должна была пойти на пользу перемена обстановки. Тем более что больница представляла собой скорее курорт со всякими приятными процедурами вроде массажа и бассейна: не столько лечебница, сколько место для отдыха и восстановления.

Осмотрел доктор и хозяйку дома, выписал успокоительное и развел руками со словами, что окончательно помочь тут могут только время, поддержка родственников и пресловутая перемена обстановки. Миомир хмуро, с недовольным выражением лица, все выслушал... а на следующий день увез семью на целую луну в морской круиз вокруг побережья Ольбада. Нам оставалось только пожелать им удачи и надеяться, что вернется семейство хоть немного успокоившимся.

Через несколько дней, когда разрешил врач, мы навестили Любицу и порадовались правильности принятого решения. Она ощутимо посвежела и... по характеру стала легче, что ли. Искренне попросила прощения у Мая и у меня и вообще при ближайшем рассмотрении показала себя достаточно приятной и неглупой особой. Я хоть начала понимать, что в ней находили многочисленные приятели и подруги.

Страшно сказать, мы с Любицей были похожи — обе легкие, жизнерадостные, общительные и дружелюбные. Только светлая сторона характера моей будущей родственницы оказалась здорово подточена событиями последнего года.

Но теперь я точно знала: она скоро поправится. С таким характером не может не поправиться! И главное, их отношения с Маем пойдут на лад, когда мы все вместе сумеем преодолеть чувство неловкости и неприятный осадок после прошлых сцен и скандалов. Да, Любица вела себя мерзко, и искренне простить ее будет трудно, но... Такова ситуация. Может, и я с Маевой родственницей теперь найду общий язык?

Андрия повесили через две недели. Удивительно тихо, можно сказать, украдкой, по поводу этого события появилось лишь несколько скромных заметок на последних полосах столичных газет, где-то перед некрологами. Шешель гостеприимно приглашал нас на казнь, но, конечно, был послан Маем далеко и надолго в редкостно грубых для тетки выражениях. Хорошо еще, что родные Андрия по-прежнему путешествовали, а то со Стевана сталось бы пригласить и их.

Все же исключительного своеобразия человек. И вроде особо плохим не назовешь, но каждый раз хочется свернуть ему шею собственными руками. Даже Андрий такого желания не вызывал! А мы с Маем, конечно, поженились. И, разумеется, надежды его не оправдались, все получилось спонтанно.

Сначала на завтраке у владыки, куда нас пригласили вскоре после казни главного виновника всех злоключений, владычица непрозрачно намекнула, что готова помочь с организацией торжества — в качестве дополнительных извинений от правящего семейства. Потом я, деморализованная масштабами возможного размаха свадьбы на государственном уровне, выяснила, сколько стоят приличные для подобных торжеств наряды, и едва не была задумана собственной бережливостью, категорично протестовавшей против траты таких денег на одноразовое платье. А назавтра Май встал не с той ноги и приревновал меня к преподавателю, который занимался со мной математикой...

В общем, на следующий день после высокого завтрака мы собрали ошарашенных такой спешкой близких друзей и только-только выписавшуюся, заметно повеселевшую Любицу в ближайшем к Зоринке храме Черешара. Жрецов этого бога — добродушных, улыбчивых, с заплетенными в мелкие косички волосами, одетых в яркие свободные наряды с бесчисленными цветными браслетами и подвесками, поголовно носящих забавные круглые очки с розовыми стеклами — я, впервые увидев, назвала совершенно непонятным словом «хиппи».

Свадьбу отметили в каком-то небольшом ресторанчике поблизости, благо нас набралось всего десять человек. И посидели очень хорошо, душевно. Несмотря на внезапное присутствие среди гостей Шешеля, никто не переругался. С ним — в том числе.

К моему громадному облегчению, Миомир с Софией вернулись из путешествия куда более умиротворенными и не держали на Мая зла за эту историю. То есть понятно, не он же подталкивал Андрия к убийству, Недич ни в чем не виноват, но... родители — это родители, и не каждая мать способна признать грехи и преступления сына. Я не знаю, как они все это пережили, но первенца в семье Маричей вслух больше не вспоминали, словно его никогда и не было.

Нас родственники принимали тепло, со свадьбой поздравили искренне, будущее этих отношений вселяло оптимизм, хотя в общении с Софией с обеих сторон присутствовало чувство неловкости и взаимной вины. Очень обидно, потому что истинный виновник всех проблем так и не раскаялся, а вместо него мучилась мать, на лбу и в уголках губ которой появились за это время новые морщинки. И добрый Май, который, конечно, не жалел убийцу собственной семьи, но очень сочувствовал его родным.

Однако — странно — эта ситуация как-то особенно роднила. Неловкость и стоящая за ней большая общая трагедия, которая не способствовала появлению в отношениях легкости, но зато будила родственное желание поддержать, приободрить близких. Уже не только Маевых, но и моих тоже.

А вообще, стоит задуматься об этом, и делается малость не по себе. С моего рождения на лабораторном столе прошло меньше двух лун, а столько всего изменилось! Я уже совсем не «проект» и не чистый лист, а всамделишный живой человек, готовящийся к поступлению в университет. У меня есть настоящая семья и даже некоторый — немаленький! — багаж всяких разных воспоминаний. И радостных, и милых, и философских, и страшных — любых. А сколько их еще будет!

Не понимаю я страхов стертых, о которых говорил Стевич. Какая разница, что там было в далеком прошлом, если впереди у тебя — целая жизнь? Сложная, насыщенная, счастливая, интересная...

Совсем не страшно начинать с чистого листа, главное, взять на кисть правильные, достаточно яркие краски.

/9j/4QAYRXhpZgAASUkqAAgAAAAAAAAAAAAAAAAAP/sABFEdWNreQABAAQAAABKAAD/4QMZaHR0 cDovL25zLmFkb2JlLmNvbS94YXAvMS4wLwA8P3hwYWNrZXQgYmVnaW40Iu+7vyIgaWQ9Ilc1 TTBnENlaGllEnJlU3pOVGN6a2M5ZCI/PiA8eDp4bXBtZXRhIHhtbG5zOng9ImFkb2JlOm5z Om1ldGEvIiB4OnhtcHRrPSJBZG9iZSBYTVAgQ29yZSA1LjMtYzAxMSA2Ni4xNDU2NjEsIDlw MTIvMDIvMDYtMTQ6NTY6MjcglCAglCAglCI+IDxyZGY6UkRGIHhtbG5zOnJkZj0iaHR0cDov L3d3dy53My5vcmcvMTk5OS8wMi8yMilyZGYtc3ludGF4LW5zlyl+IDxyZGY6RGRVzY3JpcHRp